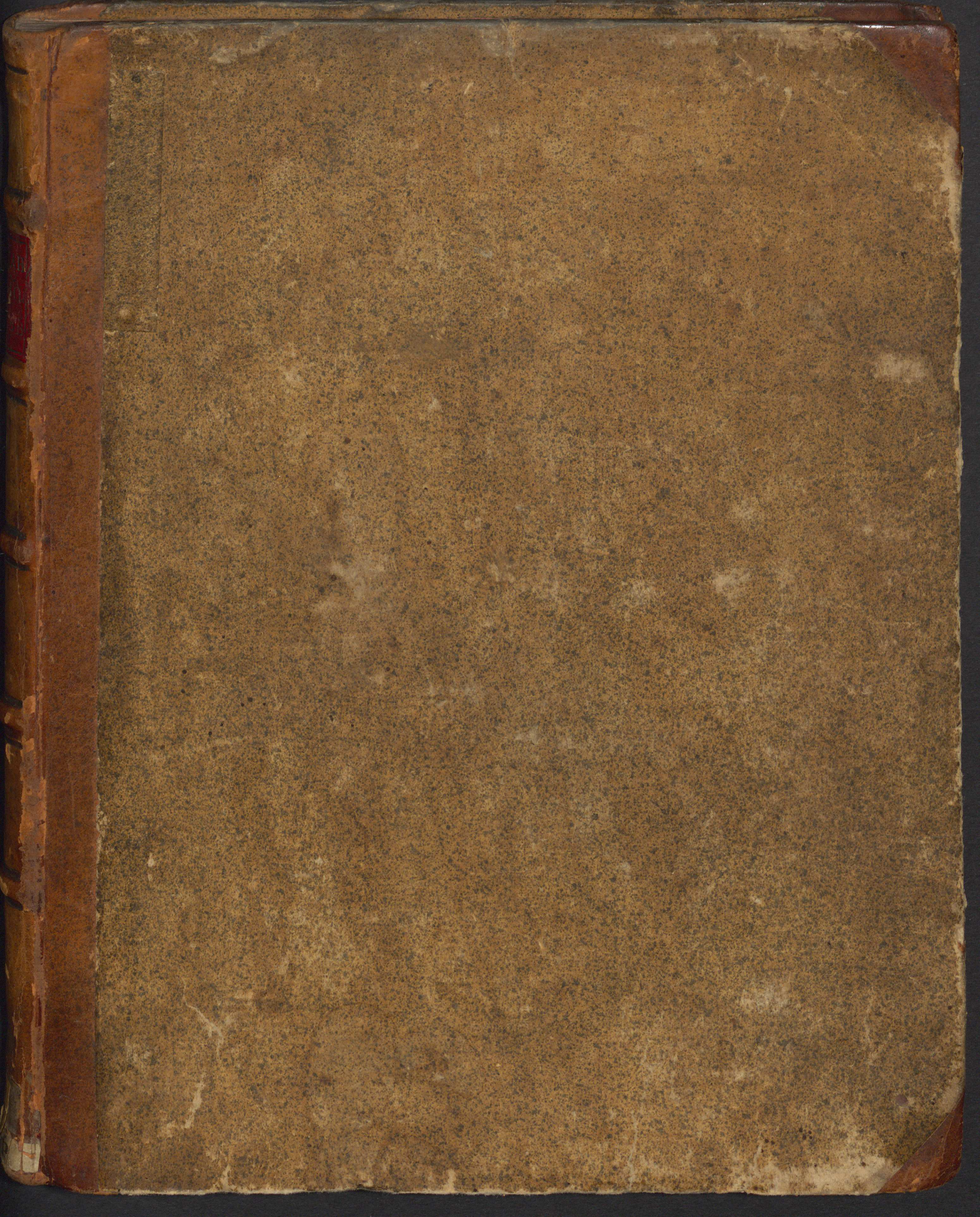
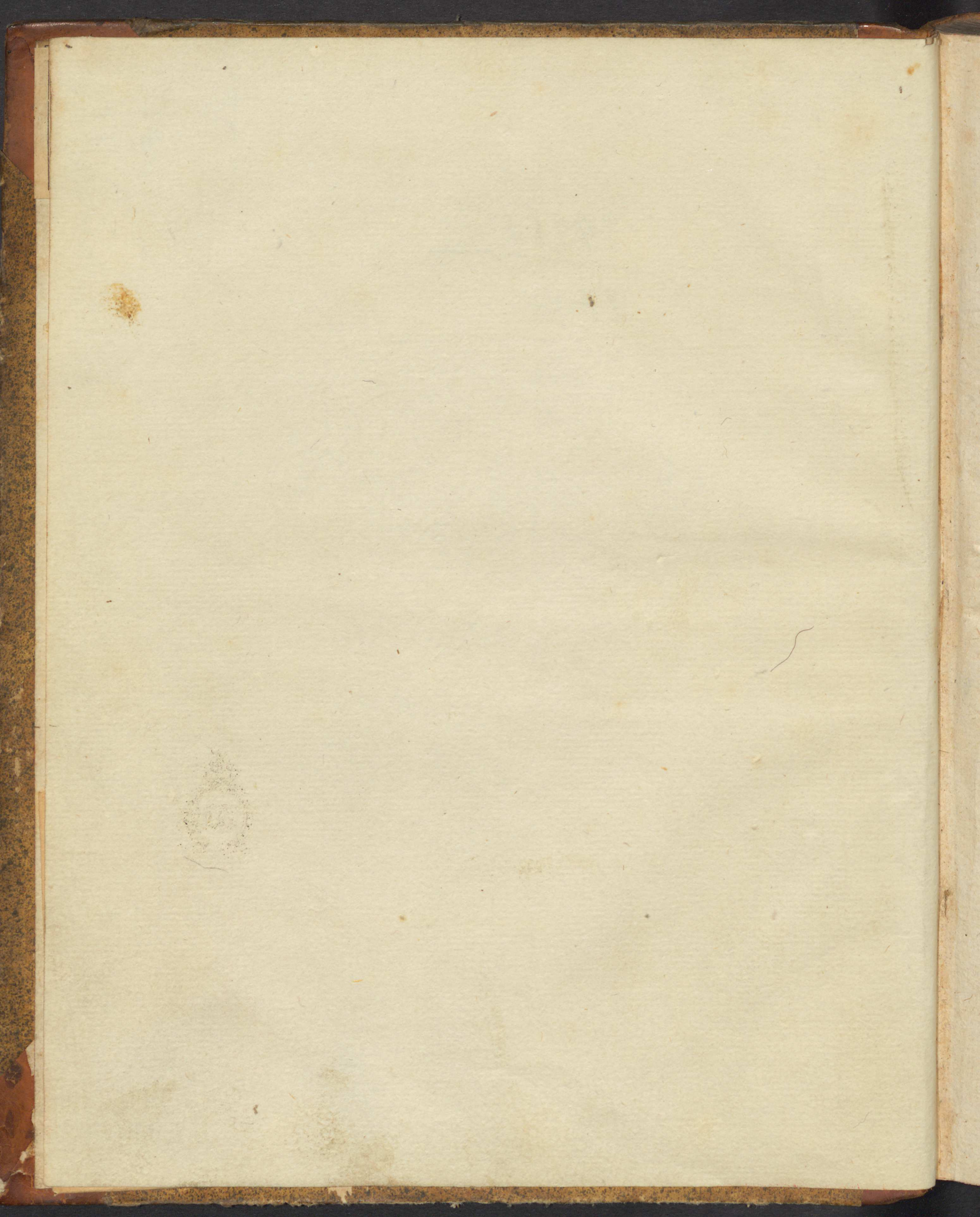




Іоанна Адольфа
Гоѳмана

Часть перьвая,

о

спокойствѣ

и

удовольствіи

человѣческомъ

съ Нѣмецкаго языка переведена

Серьгѣемъ Волчковымъ

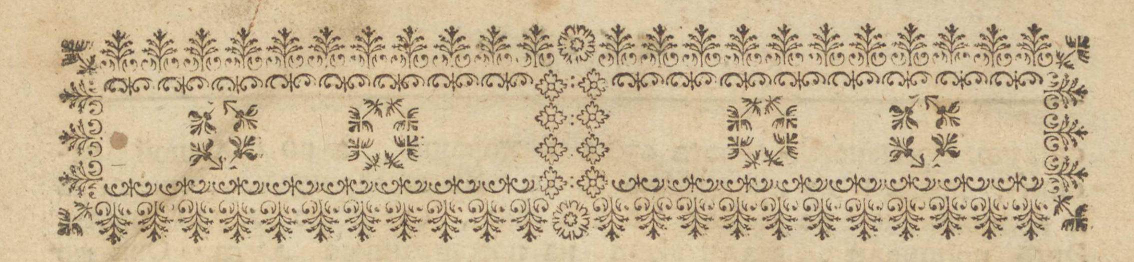
вторымъ тисненїемъ напечатана.



Въ Санктпетербургѣ

1770 года.





ПЕРВАЯ КНИГА, О СПОКОЙСТВѢ И УДОВОЛЬСТВІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ

ПУНКТЪ 1.

Въ непогоду и въ ненастливое время, увидѣлъ я Вступленіе.
прохожаго. Холодной вѣтеръ сквозь все тѣло ево
проходилъ, а сильной дожжъ въ Октябрѣ, сухой
нитки на человѣкѣ не оставилъ. Ноги ево по
грязи такъ кользятъ, что безъ страха ни одиножды шаг-
нуть не можетъ; а всѣ члены ево, отъ стужи дрожатъ.
Хотя прохожей, съ одной стороны отъ мокроты, а съ дру-
гой, отъ холоду и закрывается; однако напрасно. Епанчу
его дожжемъ такъ пробило, что бѣдной человѣкъ насилу
ноги волочетъ. Смотря на сіе, самъ я себѣ подумалъ; какъ
изрядно и спокойно человѣку, въ теплой избѣ дома сидѣть:
а какому безпокойству, всѣ путьшествующіе подвержены.
Я сіе пишу въ пользу спокойства, и къ большей хвалѣ
удовольствія. Совѣтъ сей, вся земля; жизнь наша, путе-
шествіе; человѣкъ, прохожей; а благополучіе и не щастіе,
есть погода съ тою дорогою, по которой меня судьба бо-
жія ведетъ. Я уже на свѣте, больше сорока лѣтъ стран-

ствую. Временемъ дорога суха и хороша, а по большой части, худа и не проходима была. Въ товарищахъ, никогда я недостатку не имѣлъ; а всѣ они, свѣтскїе люди были. Этѣ прїятели, звали меня на пространные луга. Они же хотѣли меня вести въ изрядные сады и въ бесѣдки, съ такимъ внушенїемъ: будто этѣ мѣста рай, и Елисейскїе поля. Но какъ процвѣтающая, и еще немного зеленѣющаяся лѣтняя радость стала увядать, а намъ надобно было въ путь свой ѣхать; то таварищи мои увидѣли, что отъ праваго пути удалились; а этѣ луга не рай, да такїя мѣста были; куда ословъ, и другую скотину на пасству гоняютъ. Нечаянной случай всю нашу компанїю разлучивши, одного позвалъ туда, другова въ другую сторону: а я какъ въ пустынѣ, одинъ остался. Не обыкновенное мнѣ одиначество, привело меня въ страхъ; а великой шумъ лѣтящаго съ деревья, и грудами около меня падающаго листу, то въ память мою привелъ; что и мнѣ смерти не миновать. Туманная осень, всѣ лѣтнїя прїятности и забавы помрачила. Я было хотѣлъ далѣе итти; но темнота долгихъ ночей, путь мой мракомъ закрыла. Въ такихъ обстоятельствахъ, платье мое стало за терновникъ зацеплятся. Ноги мои, въ лужи и въ болота пошли; а глаза мракомъ покрылись. Взошедшая на небѣ туча, громомъ и бурею грозитъ. Не истинноель сїе подобїе бѣднаго житїя нашего; въ которомъ человѣкъ за одну радость, тысячу печалей терпитъ? Тѣ то напасти, какъ студеной вѣтръ сквозь тѣло человѣческое проходя; судно надежды нашей, туда и сюда бросаютъ. Онѣ, какъ полая вода; до души человѣческой проходятъ. Удовольствїе наше, скоро пропадаетъ. Послѣ весны юношества, и по прошествїи жару лѣтъ мужескихъ; страшитъ насъ осень и зима старости, жестокою бурею болѣзней и прискорбностей. Это мнѣ для того скучно показалось, что я по розеновымъ цвѣтамъ ходить обыкъ; а ни одна терновая спица, отъ роду меня не укалывала. Прискорбная перемена! Какъ скоро можетъ послѣ радости, печаль наступить? Я живалъ съ беренисою въ палатахъ, а теперь, очутился съ Агарью въ пустынѣ. Ежелибъ Ангелъ и меня, также какъ Агарь спросилъ: откуда ты пришолъ, и куда идешъ? Тобъ я ему, такой горестной отвѣтъ сказалъ. Изъ прекраснаго едема, въ эту юдоль плачевную. Отъ радости, въ печаль; отъ

отъ здоровья, въ болѣзнь; изъ довольства, въ скудость; отъ веселья, въ туженіе; отъ солнца благополучія, подъ темную тучу бѣдъ и не щастія. Печаль, не только ближе ко мнѣ; но уже и до души моей проходитъ. Прохожей потому щасливѣе меня, что его только до тѣла промочило; а мое сердце, въ пучинѣ бѣдъ и печалей утопаетъ. По се время, страхъ съ надеждою, равной во мнѣ вѣсъ имѣли; а нынѣ ужѐ надежда, страхомъ поглотилась. Душа моя, подобна птицѣ отъ гнѣзда своего удалившейся. Минувшее, меня мучитъ; настоящее, безпокоитъ: а будущаго, сильно боюсъ. Такимъ то образомъ сердце мое въ печалѣхъ, какъ корабль въ волнахъ, безпрестанно погружается; и наподобіе отъ Ноя изъ ковчега выпущенова голубя, къ отдохновенію своему сухова мѣста не находитъ. Тѣло мое, печаль душевную чувствуетъ, болѣзни ево, на поминаютъ мнѣ то; какъ жестокая печаль моя. Нѣтъ ли безопаснаго убѣжища, и такой крѣпкой пристани; куда бы сердцу моему, отъ толь сильной бури уйти? Есть тебѣ великое спасеніе, печальная душа моя! Есть такое безопасное мѣсто; куда тебѣ, какъ въ не преоборимую крѣпость отъ всѣхъ твоихъ печалей, удаляться надлежитъ. Хотя болѣзнь твоя и велика, однако съ помощію божіею; я тебѣ сильное на то лѣкарство обѣщаю, ежели только сама, тѣ способы употребить похочешъ; которыми ты, желаемое тобою спокойство такъ надежно получить можешъ, какъ то безпокойство подлинно слышишъ, которое тебя мучитъ. Однако, я не такой тиранъ; которой бы тебѣ о бѣдахъ и напастяхъ твоихъ, также запрещалъ печалиться; какъ Римской Цесарь Адріянъ, подъ державою своею въ крайнихъ горесьтяхъ находившимся жидамъ, ни о чемъ тужить не велѣлъ. Сіе, подаетъ облегченіе такому въ прискорбностяхъ живущему человѣку; которой о печаляхъ своихъ, умѣренно жалуется. Печаль, жалобными словами изъ сердца по малу выходитъ; а умѣренныя слезы, тугу и скорбь сердечную, исподоволь омываютъ. Сего въ печаляхъ облегченія, никто у тебя не перебиваетъ; только тебѣ надобно того смотрѣть, что бы слезныя рѣки, сердца твоего не потопили. Въ самыхъ слезахъ и печаляхъ, не забывай того, что печаль твоя временна; а ты смерти подверженъ. Сердечныя раны, жестокую печаль причиняютъ; а та надежда, должна твоимъ исцелѣніемъ быть; что на сію рану, лѣкарство есть. Когда люди такое художество изобрѣли, которое тѣлесныя болѣзни цѣлитъ;

тобѣ уже богу, и здравому разуму противно было: ежелибъ печальные люди, никакой пользы и утѣхи себѣ найти не могли. Тѣло человѣческое, земля; а болѣзни его, тѣми же травами и вѣщми исцѣляются, которыя земля произноситъ. Только всѣ эте лѣкарства, ко исцѣленію душевной болѣзни негодятся. Что болѣе человѣкъ старанія прилагаетъ, душевную печаль земными веселіями исцѣлить; тѣмъ сильнѣе печаль свою отягчитъ. А что больше ты, пользованіе сей болѣзни, день за день отсрочивать станешъ; тѣмъ неисцелѣнѣе оную здѣлаешъ.

2.

Раздѣленіе. Когда уже душа наша, образъ и подобіе всемогущаго Творца своего будучи, отъ самого бога произошла; то оную кромѣ божественнаго и духовнаго, ни что другое пользовать не можетъ. Но какъ тѣлеснымъ болѣзнямъ, силою натуры и дѣйствомъ лѣкарствъ, желанная помощь чинится: такъ и Господь богъ, въ печаляхъ погруженнымъ сердцамъ, сугубое основаніе пользы даровалъ. 1. Святое Слово свое. 2. А потомъ, употребленіе здраваго разума. Оба эте духовные способы, къ поспѣшествованію тишины и спокойства душамъ нашимъ, толь удивительнымъ образомъ соединяются; что къ тѣлесному здоровью, душевное исцѣленіе человѣку приносятъ. Ты отъ недостатку сего здоровья, часто охаешъ и мечешся; по примѣру такихъ больныхъ, которые немочь свою чувствуютъ; а что у нихъ подлинно болитъ, того сами незнаютъ. Душа, главнѣйшая твоя часть; а тѣло безъ души, ни что. Ежели душа больна, то и во всемъ человѣке ни чево здороваго нѣтъ. буде она не довольна, и бозпокойна; то и человѣку, во всей своей жизни также мало вкусу будетъ, какъ лихорадкою болящему въ ѣствахъ. Задумчивость съ сумнѣніемъ, а больше всего печаль съ не терпеливостью; всѣ твои безгрѣшныя забавы, власно какъ сладкое питье жолчью огорчитъ. Самая пріятность, совсѣмъ тѣмъ омерзѣетъ; а легкая печаль, не сносною покажется. Лутчей твой другъ, подозрителенъ; а непорочное увеселеніе, противно тебѣ будетъ. Страхъ тобою такъ обладаетъ, что нетолько стѣнь опасности, ужасъ тебѣ причинитъ; да самъ всегда и всего бояться,

а притомъ безпрестанно печаленъ, и задумчивъ будешъ. Такой то туманъ на печальное сердце упадаючи, препятствуетъ тому; что солнце радости и удовольствія, осіять его не можетъ. Премногія мысли и сущія мечты, помрачаютъ въ человѣке день веселости; а ночной покой и сладкой сонъ нашъ, тужебною безсонницою пресѣкаетъ. Ѣствы наши, въ печаль; а напитки, въ слезы претворяются. Ни что такому человѣку не мило, которой въ себѣ не доволенъ; и такъ безпокоится.

3.

Недостойно ли жалости, такъ бѣдное состояніе душъ, сею печалью разболѣвшихся? Однако; гдѣ болѣзнь, тамъ и исцѣленіе: пока только жизнь въ человѣке есть. Хотя бы свѣтъ сей, всеобщей моровой домъ былъ; однако, моровое повѣтріе: не вездѣ, и не у всѣхъ въ одномъ градусѣ. Хотябъ уже и отчаяніе близко было, такъ еще надежда съ животомъ осталасъ. Которой больной, облегченія себѣ не желаетъ; а кто изъ насъ, здоровью не радъ? Сіе, всѣмъ намъ [любезный читатель] общеусердное желаніе, ясно кажетъ; что ко исцѣленію поврежденнаго здоровья человѣческаго, способъ и лѣкарство есть. Правда: что всѣ мы, въ грѣшномъ несовершенствѣ пресмыкаемся. Жизнь наша, подобна непрестанной войнѣ; и вседневнымъ трудамъ бѣднаго работника. Ежели работнику не отдохнуть; а салдату въ непрестанной войнѣ, во всегдашнихъ трудахъ, въ походахъ; и въ работѣ быть: то, можетъ ли жизнь ихъ продлиться? Ежели мы сами себя безвременно погубить не хотимъ, то и намъ, такого себѣ покоя искать надобно; которой бы труды наши облегчать, а войну окончать намъ помогъ. По сему, не надобно уже тово говорить; будто мнѣніи о спокойствѣ суетны, и на семъ свѣте ненадобны. Ни какъ! Они, для того весьма нужны; что человѣкъ, также равно къ тихому и спокойному житью, какъ на вседневныя труды, и на обыкновенную работу родился. Хотя тѣлесныя нужды; много труда, заботы, и безпокойства человѣку причиняютъ: однако естественное состояніе души всякаго человѣка, къ тихому размышленію и къ спокойству, всѣхъ насъ равно склоняетъ. Въ семъ то; главному и

Есть; спокойные люди.

 лутчему

лутчему упражненію нашему, состоять надлежало. богъ, ни одной склонности въ душу нашу даромъ не вложилъ. Ежели у всѣхъ людей, одно желаніе щасливыми себя учинить; то, всѣмъ намъ благополучнымъ быть можно. Когда всѣ мы, отъ естества равно удѣленную намъ склонность къ спокойству и къ тихой жизни имѣемъ, то для чего бы всякому человѣку, этой склонности не понять; а ей, напрасно въ насъ быть? Человѣку можно спокойнымъ, и собою довольну быть, съ такою умѣренностью; какъ мы дѣйству благодати божія, и здравому разуму повинемся. Иное, во временной жизни совершенно: а иное дѣло, по человѣчески довольну и спокойну быть. Ангели, и живущіе въ небѣ святыя, сего наставленія не требуютъ; да однимъ только на землѣ сущимъ грѣшнымъ людямъ, весьма оно надобно. Но понеже представленіе мое, далѣе сего не простирается: то я ни какихъ басенъ не пишу, да о томъ только говорю: чего на семъ свѣте искать надлѣжитъ, и что получить можно. Ежелибъ сею книгою предлагаемое спокойство, единой пунктъ было; то хотябъ всѣ души около ево лѣтали, однако бы не многія; въ самой пунктъ трафили. Но понеже оно какъ пространное поле, всѣмъ открыто; а притомъ многія раздѣленіи въ себѣ имѣетъ: то видно, что всякому человѣку въ этомъ спокойствѣ предовольно мѣста, и еще больше возможности къ тому есть; что бы разныя степени сего спокойства получить. Человѣку на сіе, больше того труда не надобно, какъ только собственной своей разумной натурѣ послѣдовать: а душу, какъ посуществу ея духовную, и безсмертную вѣщь; отъ земли, и отъ всѣхъ оныя тлѣнностей отводя къ небеси, и къ превѣчному ея началу, то есть къ богу возводить. Чемъ больше мы сіе дѣлать, тѣмъ болѣе въ себѣ спокойства имѣть будемъ; а что меньше о семъ старанія приложимъ, тѣмъ тижелѣ, и въ себѣ безпокойнѣе останемся: по точному примѣру тягости той земли, изъ которой человѣкъ сотворенъ; или какъ тѣ корабли со множествомъ желѣзныхъ гвоздей, о которыхъ Палладій пишетъ: будто въ Індій лѣжащей магнитовой островъ, такъ крѣпко ихъ держитъ; что корабли, отъ сего острова отойти не могутъ. Подобное во всей твари; [натура] равное и подобное ему, естественно къ себѣ влечетъ: а земной умъ, земное и думаетъ. Тутъ, кромѣ безпокойства и жалобы; никакого добра нѣтъ. А просвѣщенныя

ныя души, вѣ такое спокойное и вышшее мѣсто удаляются; о которомѣ низко стоящїе, разсуждать немогши: весьма напрасно того спокойства не признаваютѣ, котораго еще сами не вкусили; а о чувствованїи онаго никогда не старались. По сему мы, вѣ неудовольствїи своемѣ сами виноваты; а на то ни мало не смотримѣ, что сама разумная природа кѣ спокойству насѣ ведетѣ. Философы, отѣ начала свѣта о многихѣ дѣлахѣ спорывались; но о семѣ дѣлѣ мнѣнїи ихѣ, удивительное между собою согласїе имѣли: что бы всякому человѣку того блаженнаго спокойства искать, кѣ которому всѣ мы родились, и онаго, весьма легко достигнуть можемѣ. Хотя помянутые мудрецы, о разныхѣ кѣ достиженїю сего спокойства дорогахѣ, многїе между собою споры имѣли; но о самомѣ дѣлѣ никто, и никогда еще изѣ нихѣ не сумнѣвался: что спокойное состоянїе души человѣческой безѣ болѣзни и безѣ печалей, нетолько за крайнее благополучїе почитать, но онаго всею возможностью искать надлѣжитѣ. Сего то удовольствїя, всѣ разумные язычники ревностно искали; и нѣкоторые изѣ нихѣ сами признались, что сїе, всего на свѣте дражайшее сокровище, дѣйствительно нашли. Для чегожѣ Христїянамѣ, онаго не найти? Или одни Христїяне такѣ жестоки, чтобѣ у человѣка всю надежду отнять? развѣ мы себѣ сами того не хотимѣ, чего варвары другѣ другу желаютѣ? Ежели Турокѣ, жидѣ, или Индѣецѣ знакомаго увидитѣ; то ево симѣ обыкновеннымѣ у нихѣ привѣтствїемѣ поздравляетѣ. Мирѣ! Когда праотецѣ Іяковѣ, кѣ дядѣ и тестью своему Лавану итти хотѣлѣ, то прежде всего спросилѣ: имать ли мирѣ? Сїе то есть всеобщее намѣренїе, котораго цѣлой свѣтѣ достигнуть желаетѣ. По семубѣ разумное созданїе человѣкѣ, безумнѣе всѣхѣ тварей былѣ; ежелибѣ такого способу не нашелѣ, которымѣ бы самѣ вѣ себѣ доволенѣ, и спокоенѣ быть; или бы душевному миру препятства, то есть печали, облегчить могѣ. Какѣ бы тому статься, что люди о достиженїи такого мира сумнѣваются; или Христїянами называющїеся, противѣ его спорятѣ: а самая благодать божїя, разумная природа, времена ветхаго и новаго завѣта, свѣтѣ Евангелїя Святаго, и просвѣщенной разумѣ, такихѣ великихѣ мужей намѣ представляетѣ; которые вѣ на и большихѣ злополучїяхѣ своихѣ; спокойны были? Терьпѣнїе Іовле, Давидовы искушенїи, сѣ бодрственнымѣ ношенїемѣ оныхѣ; Павловы гоненїи, бѣды и печа-

печали, съ радостнымъ духомъ и веселымъ сердцемъ, оставили въ родѣ человѣческомъ вѣчной тому примѣръ: какъ много здравой разумъ, а особливо благодать божія: къ истинному спокойству руковожденія, и помощи подаетъ? Только надобно отдать истиннымъ Христіянамъ преимущество, а Святому Евангелію власть и силу, въ превозходящей всякъ умъ утѣхе душъ скорбящихъ. Истинные исповѣдники, и послѣдователи Христовы; во всемъ скорбяще, но неотужающе си; нечаеми, но не отчаевами; гоними, но не оставляеми; низлагаеми, но не погибающе; яко скорбяще, присно же радующеся. Ктобъ подумалъ усумнѣться, о исповѣданіи толь великаго Апостола: и такого, самимъ богомъ избраннаго Сосуда, которой за Христа, и за проповѣдь божественнаго слова его, столь много зла и бѣдъ самоизвольно претерпѣлъ; сколько злой свѣтъ сей, вымыслить могъ. Но всѣ эте горести, спокойству души его такъ мало вреда и препятства нанесть могли; что сей Языковъ учитель и во узахъ сидя, слѣдующее пишетъ. Азъ бо навыкохъ; въ нихъ же есмь, доволенъ быти. Вѣмъ, и смирятися; вѣмъ и избыточествовати. Навыкохъ бо и насыщатися, избыточествовати, и лишатися. Вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ Іисусѣ. Кто сего не признаваетъ, что спокойные христіяне есть; тотъ [какъ видно] словамъ Апостольскимъ невѣритъ; или ужѐ все Святое писаніе съ Церковными преданіями отмещетъ: которое намъ не только радостныхъ мучениковъ, но и тысячу такихъ кроткихъ, а въ себѣ спокойныхъ, добродѣтельныхъ мужей представляетъ. Развѣ эти новомодныя критики по высокоумію, или лутче сказать по безумію своему такъ скажутъ. Павелъ былъ Апостолъ, и отъ самаго бога просвѣщенной человѣкъ; а намъ ужѐ такова спокойства и ждать нечего, какое онъ имѣлъ. Развѣ милость ваша, не такой же человѣкъ каковъ онъ былъ? Или нынѣ благодать божія, передъ тогдашнимъ умалилась? Или ужѐ, не посредственное божіе просвѣщеніе къ тому надобно; что бы человѣку разумъ свой, на успокоеніе себя прямо употреблять, Положимъ же; [напримѣръ] будто ты сего спокойства въ такой высокой степени получить не можешь, какое Апостолъ Павелъ имѣлъ; однако ты, безъ сумнѣнія такъ спокоенъ быть въ состояніи: какъ Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека, Эпиктетъ, и Плютархъ со многими языческими Философами; не только о удовольствіи

Къ Коринѳян: Гл: 4.

Къ Филипис: Гл: 4.

ствіи много писали; но и въ тяжчайшихъ бѣдахъ своихъ самымъ дѣломъ показали, что они спокойные люди были. Весьма разумна сія безчувственность, которая ихъ въ терпѣніи, такъ великодушными, и толь спокойными творитъ, А стоическая крѣпость сихъ мужей, еще большей хвалы за то достойна; что въ терпѣніи напастей, отъ часу болѣе ихъ ожесточала. Напротивъ того думаю: что особливая, отъ спокойства къ хвастовству ведущая гордость сихъ Философовъ, истиннаго удовольствія вкусить, никогда не допускала. Предложенныя отъ нихъ къ собственному утѣшенію доказательствы, такъ изрядны и сильны; а наставленіи ихъ, столь разумны и важны, что и самого тебя въ томъ увѣрятъ; будто оныя, отъ добраго намѣренія самоизвольно произошли. Всѣхъ тѣхъ людей хвалить будешъ; которые стопамъ сихъ славныхъ мужей, до нынѣ послѣдуютъ. Хотя высокой и мало виданой разумъ ихъ, главное руководство къ тому подалъ; однакожъ бы намъ очень стыдно было, ежелибъ язычники, умнѣе Христіянъ поступили. Это также будетъ глупо, какъ бы кто сказалъ: будто человѣкъ въ сумерки лутче, нежели въ полдни видѣть можетъ. Сами вы благосклонный читатель увидите; сколько здравой разумъ, къ человѣческому спокойству способствуетъ: ежели добрыя мнѣніи предъ симъ объявленныхъ язычниковъ, противъ печальныхъ обстоятельствъ жизни ихъ, здраво разсудите. Что можетъ чувствительнѣе сего быть; какъ бѣды и нещастіи за то терпѣть, что человѣкъ добро дѣлаетъ? Что болѣзненнѣе сего, какъ отъ тѣхъ людей гониму, поругану, и не навидиму быть; которымъ человѣкъ истинной пользы ищетъ? Что сего печальнѣе, какъ за истинную ревность о всеобщемъ благополучіи, изъ отечества своего выгнану быть; которому человѣкъ многіе годы крайнѣю ревностію служивши, за его пользу, не только всего имѣнія лишился: но и здоровье свое потерялъ? Притомъ же съ крайнею болѣзнію сердца своего видѣлъ, какъ надъ нимъ враги его смѣются; а друзья, всю вѣрность нарушили. Не назовешъ ли и ты сихъ обстоятельствъ, съ помянутыми предъ симъ мужами; злымъ, и великимъ нещастьемъ? Хотя такое, и еще большее злоключеніе, многимъ добродѣтельнымъ язычникамъ случилось; только они, всякимъ бѣдамъ супротивляясь, на тѣ поры весьма бодрствовали; какъ здравой разумъ имъ присовѣтовалъ,

божественныя заповѣди твердо наблюдать. Сократъ, всѣ свои труды въ то полагалъ; чтобъ ему молодыхъ людей добродѣтельными, а старыхъ благополучными учинить. Злоба грубыхъ невѣждъ, и корысть свою безмѣрно любящихъ людей; Сократовой добродѣтели терпѣть не могла. Знатной у Афинянъ Анитъ; ложными обвиненіями, Сократа озлобляетъ. Комендіанты были къ тому подкуплены, что бы сего добродѣтельнаго мужа, на театрахъ публично ругать; а наконецъ, по многихъ ложныхъ свидѣтельствахъ, приговорили сего великаго мужа къ смерти, въ сущей его неповинности. Во всѣхъ сихъ бѣдахъ не унывающей Сократъ; на слезы друзей, жены, и дѣтей своихъ спокойно, смотрѣлъ. На враговъ своихъ не жалуется, да только бога пѣніемъ хвалитъ: а предстоящимъ, полезное наставленіе даетъ. Утѣшается разговорами о благости божіей; а скорбь съ болѣзнію сердца своего, услаждаетъ мудрымъ разсужденіемъ, о блаженной и вѣчной жизни. Напоминаніе о воздаяніи праведнѣйшаго бога; возбуждаетъ его, къ непоколебимому терпѣнію. Поднесенную ему съ ядомъ чашу, за здоровье враговъ своихъ, безбоязненно выпиваетъ. Наконецъ, уснулъ Сократъ сномъ вѣчныхъ; въ мудрыхъ разговорахъ о безсмертіи души. Безчеловѣчіе Цесаря Нерона; дядькѣ, и перьвому его Министру Сенекѣ, подало притчину ко утѣшенію себя, о не благодарности ученика своего. Изъ Сенекиныхъ писемъ можно лутче усмотрѣть, какъ велика кротость его была. Цицеронова печаль, тѣмъ мучительнѣе ему казалась; чѣмъ долговременнѣе сей славной человѣкъ, отечеству своему полезнымъ себя учинить, крайнія силы прилагалъ: а надъ всѣ свои бѣды, единой дочери Тулліи лишился. Послѣ ея смерти, сѣдинами украшенной старикъ; не только отъ враговъ своихъ гонимъ, но отъ всѣхъ друзей хотя и оставленъ, однако въ такихъ бѣдахъ не унывая, къ пріятелю своему такъ пишетъ. Какъ намъ отъ змѣинаго угрызенія, разныя лѣкарства даны; какъ труды съ прилѣжаніемъ, бѣднаго человѣка отъ убожества охраняютъ. Какъ мы стыдѣніе, вмѣсто ружья и обороны отъ бесчестной роскоши, изъ рукъ разумной природы получили: такъ власно премудрость, вмѣсто лѣкарства роду человѣчу на всякое зло, отъ безсмертнаго бога дарована. Отъ ея десницы; преодолѣніе самаго себя, спокойство, и удовольствіе сердца моего: а при

томъ

томъ не только власть надъ всѣми вождѣленїями, но все мое нынѣшнее терпѣнїе и кротость въ бѣдахъ, горестной Цицеронъ получилъ. Никогдабъ я при изгнанїи изъ отечества моего, такъ спокоенъ: а посреди сїянїя всей чести своей такъ воздерженъ, или въ нынѣшней печали столь разуменъ и крѣпокъ быть не могъ; ежелибъ ты, о блаженная и великая премудрость, вразумительница честныхъ и добрыхъ нравовъ: мнѣ въ немощахъ моихъ силы, и возможности къ тому не даровала. Я сюды Цицерона за тѣмъ привожу; что нѣкоторые буйственники, сего славнаго мужа робкимъ человѣкомъ, весьма напрасно звали; Хотя онъ сперьва о нещастьѣ своемъ много жаловался, и никакой помощи съ утѣхою найти себѣ не могъ; но какъ полезныя книги читать, отъ себя новыя издавать, и умными разсужденїями ободряться началъ: то весьма, и такъ въ себѣ перемѣнился, что суету и ничтожество всего свѣтскаго здраво разсудя, и ни о какихъ своихъ бѣдахъ не печалялся; къ другу своему Аттику, такъ пишетъ. Нынѣ уже я на свѣте, ничего выше доброй совѣсти не почитаю; а другое все тово не стоитъ, что бы человѣкъ о чемъ нибудь печалился. И я не хочу въ печаль вдаваться; которая человѣка умертвить можетъ, буде ей не попротивиться. Ни къ роскоши въ подданство за тѣмъ не пойду; что она, умному человѣку не пристойна. Вмѣсто обѣихъ, стану себѣ облагченїя искать въ наукахъ. Мнѣ, въ нынѣшней горести моей, то лутчая отрада: что я время получилъ, двѣ книги о должности человѣческой написать. буде и ты желаешъ отъ своихъ напастей свободиться; то сего утѣшенїя, у одной мудрости ищи. Хотя въ злостяхъ утопающей Антонїй, сего добродѣтельнаго мужа отъ часу жесточаѣ гонитъ; однако Цицеронъ мудрыми разсужденїи укрѣпясь, изъ сылки своей, къ тому же Аттику слѣдующее пишетъ. И за это я, божественной премудрости благодарить долженъ; что она, не только отъ всякой печали меня удалила: но и противъ жесточайшихъ нападковъ, крѣпко вооружила. И тебѣ дорогой мой Аттикъ, дружески совѣтую; тожъ самое дѣлать. бѣдной, и хромой Эпиктетъ; такое увѣщанїе намъ далъ. Хотя хроманїе, ногѣ и препятствуетъ; только доброй волѣ, нималаго помѣшательства здѣлать неможетъ. Великой въ Римскихъ Цесаряхъ Императоръ Маркъ Аврелїй Антонинъ, по прозванїю Философъ; при всѣхъ дѣлахъ Монарша правленїя своего, спокойное сердце имѣя;

мало на то смотрѣлъ, знаютъ ли прото другїе люди. Для того, въ концѣ третей своей книги, такъ о семъ пишетъ. Хотябъ никто тебѣ въ томъ невѣрилъ; что ты не порочно, праведно, честно, спокойно, постоянно, и богу угодно живешъ: однако ты ни на кого не смотря, и не сердясъ, тоюжъ прямою дорогою по прежнему поди; которая тебя въ покоѣ, къ концу дней твоихъ ведетъ. Только сїе; безпринужденїя, безъ насильства, безъ притвору, во всякой кротости, и отъ всего сердца своего дѣлай. Подитежъ безпокойные люди; и не говорите того, будто спокойства на свѣте нѣтъ. Подите маловѣрные Христїяне; научитесъ премудрости, у невѣровавшихъ во Христа. Подите буїи, и туманные головы. Стыдитесъ о нетерпеливости вашей. Бѣгите неразумные, и научитесъ разума у язычниковъ. Не думайте того; будто эти добродѣтельные люди, васъ обманули. Они, больше того претерпѣли; нежели я здѣсь описать могу. А о томъ; дѣла и книги ихъ, твердо насъ увѣряютъ, что они въ себѣ совершенное спокойство имѣли. Всѣ сїи славные люди; какъ объ одномъ, такъ и о другомъ, довольно разсуждали: но спокойство въ сердцахъ ихъ, всѣ болѣзни преодолѣло. Эти славные мужи, такъ великїе люди были; которые въ самомъ дѣле искусясъ, сущую истинну написали. Для того мы имъ, безъ всякаго сумнительства и прекословїя вѣрить должны. Когда уже язычникамъ, при свѣче естественнаго разума удалосъ, сквозь темноту печалей пройти; то какъ Христїянамъ въ полномъ свѣте Святаго Еуангелїя, большаго и лутчаго не уповать? Мы, слава богу! Несравненно величайшїя передъ язычниками пользы имѣемъ. Основанїи нашего утѣшенїя, тѣмъ сильнѣе языческихъ утѣхъ; что благодать и милость божїя, съ преестественнымъ дѣйствїемъ Духа Святаго, всякъ умъ превосходитъ. Разумнаго служенїя отъ Христїянъ требующїй богъ, отнюдь того не желаетъ; чтобъ они въ печалехъ своихъ безумны были. Христїянинъ, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, такой причины къ печали не имѣетъ, какъ язычникъ. Святая вѣра, и здравой разумъ, желаемые Христїянамъ способы къ тому подаетъ; дабы они во всякихъ злоключенїяхъ своихъ скорѣе опамятоватся, и утешенїе себѣ найти могли. Многїе добродѣтельные Христїяне; сугубою помощїю благодати божїя, и разумной природы,

такъ

такъ укрѣпились; что къ собственному утѣшенію, и къ наставленію другихъ людей, цѣлыя книги написали: которыя тѣмъ сильнѣе, что издатели ихъ, сами во всемъ искусились. Славной дю Муленъ, [издатель книги миръ душевной] не послѣдней изъ нихъ. Многія не щастіи, научили его терпѣнію, и утѣшенію въ печаляхъ: о которыхъ онъ въ предисловіи на помянутую книгу, слѣдующее пишетъ. Предъ нѣсколько лѣтами, ѣхалъ я моремъ. Какъ жестокою бурею по разбитіи нашего корабля, бывшихъ со мною людей въ неизвѣстныя мнѣ мѣста разсѣяло, а меня одного на берегъ выбросило; то я сѣвши у берегу, на волнующееся море спокойно смотрѣлъ. Прежнее мое состояніе съ житьемъ, къ нынѣшнему спокойству, за тѣмъ прилично и весьма способно было; чѣмъ меньше оно мнѣ, къ печали о томъ притчины оставило; что уже прошло, или еще впредь будетъ. Я чувствовалъ такое желаніе; какъ бы сей настоящей часъ покоя, къ будущему утѣшенію моему, со всякимъ успѣхомъ употребить. Притомъ хотѣлъ отвѣдать; не можноль мнѣ будетъ успокоеніемъ самого себя, спокойство и утѣшеніе другихъ людей поспѣшествовать? Та половина пустой земли, гдѣ я былъ; подала мнѣ къ симъ разсужденіямъ только четыре книги. библію, натуру, провидѣніе божіе, и человѣка. Его то мнѣ, изъ сихъ трехъ книгъ; исправлять, и успокоивать надлѣжало. Хотя человѣческой разумъ, къ тому и способенъ; однако божіей мудрости и силѣ, въ этомъ великомъ дѣле, на и болѣе дѣйствовать должно. На двухъ колесахъ, гораздо лутче ѣхать, нежели на одномъ. Одна Харронова кривая Философія, конечно того не здѣлаетъ. А дабы ни чего не упустить, что къ сильному утѣшенію печальныхъ сердецъ служить можетъ; то я правила вѣры, и здраваго разума, такъ соединю; что бы всякъ разсудить могъ, какъ мало человѣкъ причины имѣетъ печалиться. Самъ богъ, и собственная природа наша, всечасно насъ утѣшаетъ. Но понеже люди разсужденіемъ, больше и скорѣе всего побуждаются; то я не столько разумныя, но больше Христіянскія разсужденіи о спокойствѣ человѣческомъ употреблю; а Господа бога о благословеніи, и о помощи на сіе дѣло молить буду.

4.

Притчины безпокойства нашего,

Мнѣ въ начало сего дѣла, должно поступить по примѣру лѣкарей; которые у болящихъ, прежде пользованія; спрашиваютъ о притчинѣ болѣзни ихъ. А понеже я ко успокоенію человѣческому, руководство дать намѣренъ; то мнѣ прежде всего, притчины не удовольства изслѣдовать надлѣжитъ. Только не спокойствъ всякаго человѣка порознь, за тѣмъ разсматривать не буду; чтобъ письму моему также бы конца не было, какъ жалобамъ всякаго человѣка, окончанія не будетъ. Хотя бы я и все описалъ, такъ бы по довольномъ разсмотрѣніи нашлосъ; что лутчее изъ того, ни малаго труда нестоило. И тобъ напрасная работа была; ежелибъ дражайшее спокойство, такимъ строптивымъ людямъ надмѣру выхвалять; которые по вздорному нраву своему, всякой день, изъ малѣйшихъ припадковъ; новыхъ притчинъ къ ссорамъ, и къ безпокойству сами ищутъ. Строптивой нравъ сихъ вздорныхъ людей, ни какихъ умныхъ представленей слушать не хочетъ. Отъ сихъ строптивцовъ, власно того же ждать, и надѣяться должно; что отъ молодого пива, или отъ винограднаго вина; которое въ тѣ поры устоявшисъ чисто будетъ, какъ перебродитъ; а дрожжи его, на низъ опадутъ.

5.

А во первыхъ, грѣшныя вожделенїи.

У всякаго безпокойства, весьма горькой корень. Человѣкъ, въ беззаконїи зачатъ; а вогрѣсехъ рожденъ. Симъ удаленїемъ отъ бога; наполнился онъ, [по точному примѣру, изъ тѣла вывихнутыхъ членовъ] всякаго безпокойства, и болѣзней. Человѣкъ, имѣетъ душу и тѣло. Душевныя силы, грѣхомъ умалилисъ; а тѣлесная въ немъ мочъ, сильнѣе стала. Въ тѣле, пять чувствъ; а всякое изъ нихъ, разныя случай, и особливые припадки съ поощренїями въ себѣ имѣетъ. Чрезъ сїе, и отъ того то; страсти съ вождѣленїями въ человѣке родятся. Какъ воздухъ, и вѣтръ съ погодою; къ плодородїю и къ неплодству земли, естественно способствуетъ: такъ тѣлесныя чувства, къ продолженїю, и къ пресѣканїю жизни нашей; отъ природы устроены. Сожалѣнїя достойное дѣло было; что этѣ Амморей въ обѣтованной землѣ, власть и верьхъ взявши: самого Израиля какъ врага своего, беззаконно утѣсняли. Въ то время бѣдная душа, разными способы искушаема; а сердце человѣческое, безчисленными

сленными страстьми терзано, и раздираемо было. Иногда любовь, или ненависть; временемъ омерзеніе, или желаніе; однимъ часомъ смѣльство, или робость; а другою порою гнѣвъ, или жалѣніе; страхъ, или надежда; увеселеніе, или скука; печаль, или радость; упованіе, или отчаеніе; упрямство, или стыдъ; роскошъ, или болѣзнь; ревность, или мщеніе; сердце наше попеременно терзаетъ. Всѣ эте страсти, душу человѣчу, власно какъ сильные вѣтры лодку; съ одной волны на другую безпрестанно бросали. Естественное души нашей желаніе вѣчнаго блага; честью, роскошми, или богатствомъ, непрерывно пресѣкали. Сими то страшными орудіями: душу, съ высоты спокойства и удовольствія, въ ровъ печалей и безпокойства, низвергнуть старались. Не разсужденіе; отъ поощренія сихъ страстей, умножилосъ чувствами. Чувствы, жестокими страстьми обманулисъ; а обое, не только сильную помочь къ непорядкамъ подало: но одно мечтаніе, на самой престолъ разума взошедши, хотѣло жизнь человѣческую; ложно затвердѣлымъ мнѣніемъ, заблужденіемъ, прелесными новыми модами, не правдою старыхъ обычаевъ, развращеннымъ мнѣніемъ, и пагубнымъ самолюбіемъ, въ совершенное смятеніе привесть. Чрезъ сіе то человѣкъ, отъ первозданной природы своей; день за день, больше удалился. Разумная природа его; чиста, проста, праведна, непорочна, кротка, любовна, тиха, и спокойна была. Человѣческое спокойство, тѣмъ болѣе потерялось; чѣмъ больше человѣкъ разумное созданіе, отъ премудрѣйшаго Создателя; а за тѣмъ уже, и отъ своей разумной природы, къ собственному несчастью отвратился. Цесарь Маркъ Авреліи; въ 20 главѣ, девятой книги нравоучительныхъ разсужденій своихъ; многія изъ тѣхъ вѣщей обьявляетъ, которыя къ человѣческому безпокойству; притчину, и поводъ подаютъ. 1. Мечтаніе; 2. безумное самолюбіе. 3. Отъ него произходящее скрываніе грѣховъ и неправдъ своихъ, ложью и притворствомъ. А 4. Вождѣленій, то есть похоти плотскія. Хотя у души разумныя силы и есть; только душа, тѣснымъ соединеніемъ, съ тѣломъ своимъ сплочена: а сіе тѣло, такія скотскія дѣйства свои имѣетъ, которыя всегда на душу воюютъ; и ей, безпрестанно противятся. Пока душа, собственныя силы и преимущества свои употребляетъ; или только, безпрестанно обѣ нихъ помнитъ: то, хотя она сіе и чувствуетъ, что плотскія страсти, еѣ поощряя искушаютъ, и сильно

Мечтаніе.

борютъ;

борютъ; однако душѣ, немедлѣнно въ память то приходитъ, что этѣ плотскія страсти, скотамъ сродны, и имѣ однимъ приличны: а разумной душе, весьма не пристойны: и слѣдственно вредны. Буде же душа сего не помня, въ чувственныя вѣщи такъ углубится, что сама себя забудетъ; то мнѣніе, вмѣсто разума: на престолъ его сядетъ. Сія мысль; строитъ въ головѣ у человѣка разные, и ему пріятные образы, съ ложнымъ представленіемъ о земныхъ вѣщахъ: смотря потому, какъ оно чувствами и страстьми ихъ, чрезъ скорость жизненныхъ духовъ, поощряется; и движимо бываетъ. Оно то человѣку; всякое своевольное представленіе, за самую правду на сильно внушая, не велитъ тому вѣрить, что собственное тѣло его чувствуетъ: а здравой разумъ, сущею истинною кажетъ. Это жестокое и свирѣпое мнѣніе, призываетъ къ себѣ въ помочъ старой обычай; а природную у души склонность къ спокойству, шумомъ многихъ, только все ложныхъ свидѣтелей, и примѣровъ; очень хитро заглушаетъ. Оно же человѣка, почти отъ самаго младенчества; развращеннымъ мечтаніемъ прельщая, ко всякому злу влечетъ.

Развращенныя мнѣніи.

Такимъ то образомъ; во нравѣ и въ сердце у человѣка, вмѣсто природной искренности и чистоты; злыя, и развращенныя мысли насаждаются; а изъ нихъ ужѐ, пагубныя мечты, съ безпокойствомъ сердца родятся. Всякое время человѣческаго возраста; [младенчество, юношество, или молодость; лѣта мужескія, и старость] мнѣніе, по новой модѣ, и по указанію пяти чувствъ, принимать хочетъ: а разумъ и здравое разсужденіе, самолюбіе славнѣйшихъ на свѣте; такія ложныя мнѣніи всегда при себѣ держитъ, питаетъ, и нѣжитъ. Почитаетъ ихъ за изрядные способы къ закрученію головы, и къ приведенію людей въ покорность себѣ. Все сіе, для того дѣлаютъ; что къ мудрому обладанію собою, крайне нужной разумъ, головою потеряли. Въ такихъ то вѣщахъ, и дѣлалъ; мечта съ ложнымъ мнѣніемъ, гораздо больше нежели разумъ, участія имѣетъ. Они то жизнь человѣческую, на и болѣе мучатъ. Разумъ, отъ мечты; малоуміемъ затмѣняется. Разумная и добрая воля, отъ послѣдованія истинному благу; зажженными мечтами о ложныхъ, а не о истинныхъ благихъ: сильное препятствіе терпитъ. Тожъ мечтаніе, человѣку внушаетъ; будто намъ ни что такъ не сродно, какъ болѣзни тѣла нашего. Тутъ ужѐ бѣдная душа, мѣры свои по тѣлу беретъ;

берешЪ ; а жизнь , уподобиться тому : будто весь человѣкЪ только одно тѣло , а души вЪ немЪ нѣтЪ; чему статься не возможно. ВременемЪ , тѣлесныя мудрованій верьхЪ надЪ душею взявши, такія ложныя мысли изыскиваютЪ ; которыми бы тѣлу , не порядки и погрѣшности свои : какЪ , и чѣмЪ можно , скорѣе замазать. ЧеловѣкЪ , самЪ себя безпокоитЪ , и обманываетЪ ; вымышленнымЪ различїемЪ между правдою, и между пользою. СверьхЪ того; вЪ разсужденїяхЪ о самомЪ себѣ , такЪ далеко идетЪ : что ни чего полезнымЪ непризнаваетЪ , кромѣ такихЪ вѣщей ; которые только могутЪ чувства удовольствовать , и до одного тѣла касаются. Тогда вождѣленій наши столько воюютЪ , сколько гражданскїе законы дозволяютЪ. Это они для того дѣлаютЪ , что ужé совершенно ослѣпшее самолюбїе ; между добромЪ и зломЪ , никакого различїя больше здѣлать не можетЪ. Что ему по нравится , то онЪ добромЪ и называетЪ : а что здѣлать можетЪ , то его и право. Молодые , получаютЪ сїю бѣдность вЪ наслѣдство отЪ старыхЪ ; а малые , отЪ большихЪ. Развращенное воспитанїе , затьмѣняетЪ разумЪ ; а худой обычай , подкрѣпляетЪ у человѣка злую волю. Темнота , столь больше и гуще становится ; чѣмЪ болѣе душа наша , отЪ превѣчнаго Свѣта , и бога своего удаляется : а сїянїе , отЪ самого Творца дарованнаго ей луча ; чувственностьми и вождѣленїями бреннаго тѣла своего , совершенно помрачаетЪ. ТакимЪ образомЪ родится то заблужденїе , которымЪ человѣческое безпокойство , весьма поспѣшествуется ; а состоитЪ сїе заблужденїе вЪ неправедномЪ разсужденїи о добрѣ , и о злѣ : или ужé вЪ томЪ ; что человѣкЪ , на душевныя стяжанїи свои не смотритЪ : но внѣшнїя , тоесть тѣлесныя , какЪ самые посторроннїя , и душе не принадлежащїя имѣнїи , за свои собственныя , ложно признавая : временное , выше вѣчнаго ; весьма не праведно почитаетЪ. Душа наша , имѣетЪ природную склонность кЪ такому благу ; которое , самой ей подобно : тоесть праведно , непремѣнно , духовно , и вѣчно. Сей лучЪ божественной правды , супротивленїемЪ мѣшающихся между имЪ , тѣлесныхЪ вѣщей ; весьма часто пресѣкается. Чувственность , родитЪ такое ложное мнѣнїе ; которое , мечтательнымЪ видомЪ тѣлеснаго подкрѣпляючисЪ : вЪ тѣле волнующуюся душу , на тлѣнномЪ основанїи утвердивши , спокойною учинить думаетЪ. Но вѣчная

Заблужденїе.

склон-

склонность ея къ нетлѣнному, весьма сему противится. Природное души нашей желанїе, простирается далѣ. Чемъ больше тѣлесное мнѣнїе душу на низъ влечетъ, тѣмъ сильнѣе безпокойство душевное, для того умножается; что все видимое на свѣте, тлѣнное и временное будучи: не тлѣннаго и вѣчнаго существа, тоесть души; насытить, и удовольствовать не можетъ. За сїе то начинается междоусобная брань, или домашняя война у здраваго разума, съ ложнымъ мнѣнїемъ: а у доброй совѣсти, съ тѣлесными страстьми и похотьми. Хотя мы на семъ свѣте, и временно живемъ; однако къ другому вѣчному свѣту, и къ безконечной жизни сотворены. Для сей притчины, должно удовольствїю нашему въ наслажденїи настоящимъ, весьма не совершенну быть; за тѣмъ, что человѣкъ естественнымъ образомъ, всегда будущаго желаетъ. Главное его увеселенїе въ томъ, чего еще нѣтъ; а лутчее благополучїе, утверждается на отсудствующемъ. Сей то ради важной притчины, человѣкъ; настоящею и маловременною тлѣнностїю, доволенъ быть не можетъ: ежели души своей будущимъ, вѣчнымъ, и не тлѣннымъ; еще на семъ свѣте живучи, заранѣе не насытитъ. Которые люди къ сему великому дѣлу несклонны, и за благовременно себя ко оному непрїучаютъ; тѣ настоящимъ житьемъ и состоянїемъ своимъ, довольствоваться не могутъ; каковобъ оное изрядно нибыло. Много уже́ видано, что эти люди; дѣйствительную честь свою съ настоящимъ имѣнїемъ, на полученїе такой суетной чести, мечтательныхъ чиновъ, и ложныхъ стяжаней отваживаютъ: которыхъ въ самомъ дѣле нѣтъ, но въ одномъ только мнѣнїи стоятъ. Жизнь, отъ бога удаляющихся людей; страхомъ, и надеждою; вождѣленїями, и попеченїемъ; чаянїемъ и сумнительствомъ: безпрестанно раздирается. А понеже человѣкъ таковъ родился, что всегда желать долженъ; то ему до тѣхъ поръ спокойну быть не льзя, пока развращеннаго мнѣнїя о ложномъ изрядствѣ всего плотскаго, совершенно не отложитъ: а вмѣсто ихъ, вѣчнымъ благомъ веселиться не начнетъ.

6.

Удаленїе отъ бога.

Сїе непремѣнно вѣчное и дражайшее благо, есть богъ; отъ котораго человѣкъ, грѣховнымъ паденїемъ своимъ удалившисъ; на себя самого, а особливо на тлѣнную часть человѣчества, то

есть

есть на бренное тѣло свое; выше всѣхъ мѣръ, крѣпко положился. Чрезъ сей то способъ, и человѣкъ; также власно какъ гнилое тѣло ево: не постояненъ, злобенъ, безпокоенъ, и многими болѣзньми наполненъ учинился. Хотя у него та изрядная склонность и осталасъ, чтобъ ему благополучнымъ: тоесть въ себѣ спокойнымъ, и собою довольну быть: только чувственныя вожделѣнiи, а яснѣе сказать плотскiя похоти, такое заблужденiе въ человѣке причинили; чтобъ ему спокойства своего внѣ, и кромѣ бога; въ самомъ себѣ и въ собственной: тлѣнности, тоесть въ гниломъ тѣле его: или въ подобной ему видимой твари, безразсудно искать. Тѣмъ то безпокойство человѣческое, для того больше умножилосъ; что нетлѣнной духъ въ человѣке, тленностью насытится: и удовольствовать себя не могъ. безъ желанiя, бѣдному человѣку нельзя было жить; а природа его, научила самого себя любить. Но понеже самолюбiе человѣческое, послѣ паденiя его, отъ прихотей такъ непорядочнымъ здѣлалосъ; что человѣкъ, не столько бога, яко верьховнѣйшее благо свое: да больше самого себя, и тлѣнное тѣло свое любить сталъ; то, какъ природное не достаточество, такъ и безмѣрное самолюбiе, долженствовало человѣка мучить. Онъ искалъ такого блага, которое бы также вѣчно было, каковъ самъ человѣкъ; только сего добра въ гниломъ тѣле своемъ, и въ видимой твари, найти немогъ. Но понеже сiе, не подлинное мѣсто спокойства, и удоволсьтвiя человѣческаго было; то безрасудной человѣкъ, въ великое неспокойство пришолъ, наподобiе такихъ прохожихъ; которые при нощной темнотѣ, отъ большой дороги удалясъ: въ болота, и въ бoераки забредутъ. Человѣкъ; желаемаго себѣ всегда искалъ, а найти не могъ: тоесть, удовольствiя въ наслажденiи вѣщми свѣта сего. Чѣмъ болѣе духъ, и умъ человѣческой; отъ чувствъ заглушенъ, мечтанiемъ настращенъ, вожделѣнiями подавленъ, а отъ злаго обычая, утесненъ быть сталъ: тѣмъ меньше силы и возможности у человѣка на то осталосъ, что бы душевную любовь къ превѣчному благу, тоесть ко Творцу и богу своему, по должности устремлять; а сердце и умъ по естественному долгу, къ нему же Господу своему, не престанно возводить. Для сего то бѣдной человѣкъ; безпокойными мыслями, весьма долго мучился. Пагубное самолюбiе его, побуждало человѣка къ тому; что бы онъ, однимъ собою

Не разумное желанiе.

 довол-

довольствовался. Но отъ сего ложнаго внушенія, и само за тѣмъ въ великой страхъ пришло; что самолюбіе изъ средины удовольства бѣжавши, къ ужасному рву крайней погибели приступило. Мечтаніе человѣческое, въ движеніе приведенными чувствами, такъ возбуждается; что всякому изъ насъ ложно внушаетъ, будто человѣкъ, много такихъ припадковъ внутрь себя чувствуетъ: которыя, только тѣ люди внѣ человѣка находятъ; съ коими онъ любовію, и желаніемъ соединился.

7.

А особливо скупость.

Котораго человѣка природа, склонность, обычай, и прихоть, къ любленію денегъ влечотъ; тотъ никакой вѣщи выше золота да серебра нештавитъ, и ничего больше того не желаетъ; какъ, и чѣмъ бы ему; не насытство свое удовольствовать. Какъ такой скупецъ не разумно себя любитъ, такъ безумно о себѣ и печется; буйственнымъ хватаніемъ того, что къ его мнимому содержанію надобно. Но понеже онъ, у Творца всего мира; честь попеченія и промысла его, не только обо всемъ родѣ человѣческомъ вообще: но о малѣйшей птицѣ, и о послѣдней твари порознь, юродственно отнимаетъ; то и богъ, въ такое порабощеніе скупого предалъ: что бы ему надежду свою на золотыя, на серебреныя, да еще на мѣдныя слитки положить. Сіе злое вожделѣніе толь ядовитѣе, и тѣмъ неизцѣльнѣе: чѣмъ больше съ невѣріемъ соединено. Роскошной, утрудясь; со временемъ устанетъ. Честолюбивой, по довольномъ времени безуміе свое узнавши; все любленіе суетной чести, ставитъ. Одна только скупость, со временемъ умножается; старостью подкрѣпляется; и часъ отъ часу, бѣшенее бываетъ. Чувства; силу свою, съ тѣмъ же временемъ теряютъ. Ухо, наслушается; а желудокъ, скоро наѣстся. Руки, устаютъ; а ноги, притупляются. Одинъ только глазъ у человѣка, никогда зрѣніемъ не насыщается. Сей ради притчины, скупость; во Святомъ писаніи, похотью очей для того названа: что скупой человѣкъ, все передъ глазами, и въ рукахъ у себя имѣть желаетъ; а тому вѣрить не хочетъ, чего не видитъ. Тотъ же скупякъ, другимъ людямъ: ни когда, и ничего у дѣлить не хочетъ. Онъ; и собственныя желаніи, власно также не постоянными дѣлаетъ, какъ глаза свои: которыя ежеминутно, что нибудь

новаго

новаго увидѣть желаютъ; а никогда наглядѣться, и ни чѣмъ себя насытить не могутъ. Едва только скупой, къ заграбленію богатства руку протянетъ; а уже скупости ево, серебренныхъ кучъ, и мало кажется. Еще мѣшокъ не полонъ, и къ совершенному вороху серебреной пыли, многова не достаетъ. Изъ остатковъ; надобно новому капиталу быть. Отъ всякой трети года, надобно знатное число денегъ въ особливой сундукъ положить. Для сихъ притчинъ, скупякъ; у собственнаго рта, и отъ вседневнаго содержанія домашнихъ своихъ, многое: въ такомъ безчеловѣчномъ мнѣніи отымаетъ, дабы деньгамъ лишняго росходу не было; а ему бы, процентной суммы не тронуть: да [по его варварскому слову] чѣмъ нибудь, и хотя съ голодомъ по поламъ, нищетски пробавляться. То уже горше всего; что скупой, во всякомъ довольствѣ и въ великомъ изобиліи своемъ, всегда нищъ, и безпрестанно алченъ; а по живому мнѣнію его, во всемъ не достатокъ терьпитъ. Саломонъ; уподобляетъ сіе ни чѣмъ не наполнимое желаніе скупыхъ, не сытому аду: а служителей этой страсти, слѣдующими словами описываетъ. Адъ, и погибель, не насыщаются; такожде и очи человѣчестіи, несыты. [Притчи: Саломон: Гл: 20.] Какъ тамъ спокойству быть; гдѣ сердце человѣческое, никогда того не подумаетъ, и само въ себѣ не скажетъ: полно мнѣ. Возможноль тамъ удовольствіе, и внутреннюю тишину найти; гдѣ ненасытное желаніе, отъ одной погибели къ другой бѣжитъ? Вѣтромъ торгующія Агличане да Французы, отъ того скоро въ бѣдность приходятъ; что за пустою, и вѣтренною прибылью бѣгаютъ. Одинъ другова, сею язвою заражаетъ; а потомъ уже взапуски вѣшаются, и другъ передъ другомъ, на перерывъ стрѣляются. Въ такое точно безуміе впадаетъ скупой; силою страстей, и вожделѣней его. Онъ, сердцемъ своимъ отъ Всемогущаго отступилъ; а божію любовь его, съ бездушнымъ богатствомъ такъ соединилъ: что скупость, глаза ево со всѣмъ ослѣпивши; умъ, и чувства скупого: совершенно помрачила. Ежели у нево денегъ мало; то скупякъ о томъ крушится, что дражайшаго идола своего неимѣетъ. Это безумное попеченіе; такія безпокойства въ человѣкѣ раждаетъ, какъ бы ему денегъ промыслить: которыхъ всякими неправдами, и крайнею возможностью ищетъ. буде же у нево денегъ много; то опять, двойное безпокойство скупова мучитъ. Сребролюбіе, возрастаетъ съ

богатствомъ; а сребролюбецъ, печалится о томъ: что у него не столько богатства, сколько онъ желаетъ. больше, того боится; что бы въ рукахъ находящагося не потерять. Сїе безпокойство; наполняетъ скупова не вѣроятностью, и подозрѣнїемъ. Обѣ этѣ страсти; бѣдную душу ево, какъ вихремъ верьтятъ; а сердце у скупова, такъ власно какъ черьви дерево точатъ. Ежели у нево деньги, какимъ нибудь способомъ пропадутъ; то страхъ съ ненасытствомъ, да-съ отчаянїемъ совокупясь: сердце и мысль ево, не престанно терзаютъ. Основанїе всей надежды его, въ землю уходитъ; а любовь къ серебру, за нимъ же обваливается. Скупой, внѣ себя будучи, весьма ложно думаетъ; будто со всѣмъ пропалъ. Погибшее богатство; сердце ево укравши, съ собою унесло. Мука его, тѣмъ больше умножается; чѣмъ меньше надежды, къ возвращенїю потеряннаго остается. На конецъ; страхъ, печаль, болѣзнь, и отчаянїе, такъ человѣка одолѣетъ: что бѣдной скупецъ, къ освобожденїю себя отъ такова ежеминутнаго мученїя, лутче того способа не находитъ; какъ веревкою, пистолью, ножемъ, шпагою, или другимъ ужаснымъ способомъ, самому себя убивши: душу свою на вѣчное мученїе въ адъ, поскорѣе къ дїяволу отправить. Небо, и земля, по старому стоитъ. Учрежденные отъ бога времена, и лѣта; по прежнему текутъ. Стужа, и жаръ; сѣвъ, и жатва; до нынѣ продолжается. Земля, всѣ тѣ же плоды приноситъ; а вода, тѣмъ же множествомъ рыбъ кипитъ: какъ въ старину бывало. Одно только человѣческое не насытство, ни чѣмъ недовольствуючись; всю землю узкою, и тѣсною намъ кажетъ. Что же мнѣ дѣлать; дабы я всегда спокоенъ, и въ себѣ доволенъ былъ? Не имѣнїе свое умножай; да страстей, и прихотей твоихъ убавляй.

8.

Роскошъ. Которые люди, безумнымъ страстямъ и прихотямъ своимъ поддавшись, такъ неразсудно себя любятъ; что безъ престанно веселится, и во вседневныхъ роскошахъ жить хотятъ; тѣ, самолюбїемъ своимъ, въ страшную глубину забавъ погружаются: а душевное спокойство, посреди радостей для того теряютъ: что всѣ тѣлесныя чувства у такихъ людей, нарочно ко обезпокойванїю

коиванію ихъ востаютъ. Чемъ ближе сія склонность къ плотскому человѣку; тѣмъ жесточаѣ, и безпокойнѣе. Она; живетъ у человѣка въ тѣле, и въ крови. Внутренню его, къ ево же собственному мученію, сильно волнуетъ; а человѣка, такими вожделѣніями или похотьми терзаетъ: которыя, плоть веселятъ. Сіе вожделѣніе, тѣмъ не воздержнѣе становится; чѣмъ больше, скотскаго въ себѣ имѣетъ. Потомъ, часъ отъ часу больше насъ мучитъ; чѣмъ больше, и горячѣе, человѣкъ къ нему пристанетъ. Эта устремительная похоть, уподобляетъ человѣка такимъ пьянымъ людямъ; которые, что больше пьютъ, то чаще пить просятъ: и всякой часъ кричатъ; поднеси. Отъ умноженія сего огня, испотворованное желаніе; всю натуру ко услуженію вожделѣніямъ, сильно возбуждаетъ. Не великаль сія пагуба съ безпокойствомъ; когда глаза, уши, ротъ, носъ, гортань, и желудокъ, со всею внутреннею: чрезъ разныя способы хотятъ услаждены, насыщены, увѣселены, и успокоены быть? Воистинну! Этѣ идолы; больше тѣхъ съ ѣстныхъ и питѣйныхъ жертвъ, на всякой день сожрутъ: которые, древнимъ языческимъ божкакъ приносились. А всего при сихъ обстоятельствахъ, то хуже; что это ежедневное разстощеніе, новыхъ иждивеней: и великихъ росходовъ требуетъ. За тѣмъ; у роскошныхъ людей, до новаго о томъ безпокойства доходитъ: какъ бы имъ всѣми неправдами, столько собрать; сколько роскошное повѣтріе, собраннаго промотать, и развѣять можетъ. Сіе, всего удивительнѣе; что съ роскошными людьми, власно какъ съ лѣжащими при смерти дѣлается: а на смертной постелѣ лѣжащіе, тогда, меньше другихъ поръ болѣзни чувствуютъ: когда болѣзнь ихъ, не изцѣльною здѣлавшись, и смерть за собою приведетъ. Въ то время они, о безпокойствѣ, такъ мало слышать и вѣдать хотятъ; что развращенную забаву, съ заповѣднымъ весельемъ; въ мѣсто лѣкарства отъ болѣзни своей признаваютъ. Эта сонная болѣзнь, человѣка; на малое время не чувствительнымъ здѣлать можетъ. Надъ многими въ непотребное житье вдавшимися людьми, часто сіе примѣчено; что роскошной, четырежды печаленъ бываетъ. 1. Передъ лишеніемъ; 2. послѣ оставленія роскоши; 3. по истощеніи всего имѣнія; а 4. въ тѣ поры, когда совѣсть возбудится: или смерть къ нему придетъ. Сколь часто такія перемены, бѣшенство его пресѣкаютъ; такъ часто роскошной человѣкъ весьма печаленъ,

скуч-

скучливъ, и для того безпокоенъ бываетъ: что отъ огня роскошей и забавъ, вся сила у него изтощится. Старое обыкновенїе, сильно его побуждаетъ; а отнятой случай, или въ совѣсти у него болящїя раны; великое безпокойство роскошному человѣку причиняютъ. Желанїе, мучитъ его напоминанїемъ прошлой роскоши; и всякое мгновенїе ока настоящего времяни, страшною ему пустынею творитъ, Добродѣтель, съ честью; а порядочная жизнь, съ набожностью; роскошнымъ, да невоздержнымъ лядямъ, такимижъ жестокими вѣщми кажется: какъ прихотливому, и домясъ охочему израилю, въ непроходной пустынѣ манна. Это, роскошному также скучно, и противно; какъ лѣнивому, да упрямому робенку наука, и труды. У него, любимыя игрушки отымаючи; вмѣсто ихъ, велятъ робенку грамотѣ учится. Тутъ то надобно ему, до тѣхъ поръ жестокїя бой выдерживать; пока духъ, тѣло одолѣетъ.

9

Честь. Неразумное честолюбїе, или яснѣе сказать безмѣрное люблѣнїе свѣтской чести; не меншимъ безпокойствомъ, человѣческїя сердца надымаетъ. Гордость; ни что иное какъ опухоль, или такой вредъ души: которой отъ самолюбїя зачинается, а желанїемъ суетной чести и славы, помалу назрѣваючи: къ погибельному совершенству, исподоволь приходитъ. Высокоумїе съ подозрѣнїемъ, упрямство, и гнѣвъ; зависть, и огорченїе; не нависть, и мщенїе; злоба, и роптанїе; не терпеливость, и жалобы; суть такїя фурїи, то есть мучительницы: которыя гордыхъ людей, не престанно терзаютъ. Ежели своенравїю ихъ, хотя мало попротивиться; то имъ, также власно какъ древнему Аману: ни ѣства, ни питье, на умъ не пойдетъ. А буде кто намѣренїе ихъ пересѣкши, уничтожать станетъ: то, сохрани боже; какое ужасное волненїе въ душахъ ихъ здѣлается. Тогда, симъ надменнымъ подло; а гордости ихъ, предосудительно покажется; чтобъ въ смиренномъ себя уничтоженїи, на Творца, и бога своего воззрѣть. Они; при безпрестанной клятвѣ и брани, такъ кричатъ. Дьяволъ это здѣлалъ; хотябъ ужѐ чортъ меня побралъ. Ихъ на ту пору, вмѣсте съ Сауломъ; не чистой и злобной духъ, безмѣрною яростью

о томъ

о томъ мучитъ: что кроткому и не повинному Давиду, ни какого зла здѣлать не могутъ. Горесть съ нетерпеливостью, а злоба съ высокоумїемъ; надменное у гордаго сердце, отчасу больше возбуждаютъ; а мысль человѣческую, вѣтру уподобивши: на разные мѣста, и во многїя намѣрении бросаютъ. Ежели имъ ни гдѣ не удастся; то по крайней мѣре, хотя языкомъ сердце свое вымѣщаютъ. безумное любленїе себя, наполняетъ человѣческїе сердца властолюбїемъ; а которые люди съ природы умны, тѣ прежде, и больше другихъ; въ сїе искушенїе впадаютъ. безпокойство природнаго грѣха человѣча въ томъ состоитъ, что гордой человѣкъ; ни богу, ни людямъ, покорится не хочетъ: но еще самого бога съ Престола свесть, а свое мерзское высокоумїе, на Его Святое мѣсто возвести думаетъ. Сей безумецъ; въ буйственной злобѣ и въ несносной гордости своей, такїя глумлении говоритъ: это было богу, такъ: а то, иначе здѣлать надлежало. Чево гордой желаетъ, то суетному мнѣнїю его, и праведно кажется; а что скажетъ, то бы такъ и было. Какъ онъ птицъ на воздухѣ, а рыбу въ водѣ, разными способы ловитъ; такъ власно и разумныхъ тварей покорить себѣ хочетъ. Изъ того послѣдуютъ разныя безпокойства, и труды. Другихъ людей супротивленїе, притчиною тому бываетъ; что гордой, на исполненїе упрямства своего: небо, и землю, въ суетное движенїе приводитъ. Тогда премудрость божїя должна будетъ, отъ него оправдаться; а тѣмъ людямъ за щасливыхъ себя почитать надлѣжитъ, ково горделивецъ въ комары да въ мухи; также сверьчками, или тараканами не оборотитъ. Такїе люди, притчины своему не удовольству, въ самихъ себѣ для того не ищутъ; что имъ бещестно кажется, въ погрѣшенїяхъ своихъ признаться: или бы, въ Христїянскомъ смиренїи сказать; я за свои грѣхи, еще больше сего наказанїя достоинъ. Отъ сего; родится новое замѣшательство въ сердцѣ, и въ умѣ гордыхъ. Хотя совѣсть имъ и сказываетъ, что они ни куды, и ни къ чему не годятся: однако безмѣрное самолюбїе поощряетъ ихъ къ тому, что бы лутче самимъ себя обманывать, нежели грѣхъ свой признать; а особливо то стерпѣть, что бы другой кто погрѣшенїе ихъ видѣлъ: или бы ихъ, явно въ томъ обличилъ. Сїя то богу противная ненависть правды; раждаетъ въ нихъ, сугубой трудъ. Перьвое; чтобъ себя изви-

извинивши, чѣмъ нибудь оправдать: а за тѣмъ уже притворясь, пороки и погрѣшности свои отъ очей смотрящихъ, какъ можно скрыть. Первое; уподобляетъ ихъ такимъ бродягамъ, которые почти никогда въ домахъ своихъ не живутъ. Для того; безпокойное самолюбіе ихъ, въ непрестанномъ волненіи: а они, только о томъ и думаютъ, что бы имъ скуку свою съ безпокойствомъ, чѣмъ нибудь прогнать. По другому пункту; по ходятъ они на обрѣтающихся въ непотребныхъ мѣстахъ, скверныхъ женщинъ; которые желая обмануть мужескъ полъ, надѣваютъ себѣ прекрасную маску. Но потомъ, больше стыдиться принуждены; когда смѣлой человѣкъ, эту накладную харю съ нихъ сорвавши, отъ природы мерзскую рожу ихъ увидитъ. Но кому сіе не явно; какому душевному безпокойству, этѣ бѣдные люди сами себя, единственно за тѣмъ подверьгаютъ: дабы имъ въ умѣ, и въ мысляхъ своихъ, отчасу болѣе возвышаться. Иногда они какъ черьви ползаютъ, и для того извиваются; дабы имъ, толь не чувствительнѣе къ верьху подняться. Временемъ, отъ дверей къ дверямъ ходя, чести себѣ просятъ: а разсужденію другихъ людей, за тѣмъ себя подверьгаютъ; чтобъ отъ нихъ, мнимое себѣ почтеніе получить. Они же притворяютъ себя бѣднѣйшими тѣхъ нищихъ, которые подъ окнами ходя милостины просятъ; дабы чрезъ сей способъ, чужому добру господами: а имѣнію ближняго, владѣтельми учинится. Безмѣрное любленіе чести, заставливаетъ человѣка; другимъ людямъ безмѣрную, и не подлежащую честь для того дѣлать; дабы отъ нихъ обратно, такое же чрезвычайное почтеніе себѣ, власно какъ силою взять: котораго честолюбивой жебракъ не заслужилъ, и отнюдь не достоинъ. Какъ великія, и тайно волнующіеся печали, съ безчисленными горестьми; а притомъ сумнѣніе съ подозрительною не вѣроятностію, и съ пронзательнымъ страхомъ, до тѣхъ поръ ихъ терзаютъ: пока оно само себя, такимъ пузыремъ на водѣ здѣлаетъ; которой отъ собственнаго разпространенія или растягиванія, самъ прорвавшись ищезнетъ. Хотя изъ слѣдованіе притчинъ человѣческаго не удовольства, не такъ пространно, какъ самое безпокойство; однакожъ оно, отъ обрѣтенія тово главнаго мѣста очень не далеко; откуда этѣ ядовитыя, и такъ заразительные ручьи вышли. Помянутое разсмотрѣніе, даетъ

даетъ намъ знать; какъ мало тѣ люди къ своему спокойству надежды имѣютъ, которыя симъ грѣшнымъ склонностямъ, глубоко въ себѣ укорениться допускаютъ: или ужѐ чрезъ соблазнительное, обхожденіе, да худыми обычаи; этѣ свои склонности, отчасу больше укрѣпляютъ; по примѣру большаго дуба, котораго ужѐ ни сто человѣкъ не вырвутъ; а когда еще онъ малымъ пруткомъ стоялъ, тогда ево и одною рукою весьма легко было вырвать. Но понеже всякому изъ насъ великая притомъ опасность; когда человѣкъ, тѣлеснымъ и скотскимъ страстямъ своимъ, безмѣрную волю даетъ; то должны мы ревностное о томъ стараніе прилагать, дабы ихъ за благовременно укрощая переламывать: ежели всей надежды къ спокойству душевному, лишиться не хочемъ. Кто не старается, сихъ ужей за ранѣ давить; тотъ, на всю жизнь свою безщастнымъ здѣлается. Сердце ево, никогда не свободно; но безперерывными цѣпьми всечаснаго не спокойства, сковано будетъ. Такой человѣкъ; останется вѣчнымъ рабомъ безумія, плѣнникомъ собственнаго не щастія, холопомъ чувствъ своихъ, подданнымъ другихъ людей, и бездушныхъ тварей. Онъ того желаетъ, что въ рукахъ имѣетъ; наслаждается, а сытъ не бываетъ; всегда надѣется, а исполненія надежды своей не видитъ. Теряючи роскошъ, безразсудно объ ней жалѣетъ; а ему было радоваться надлежало. Чего вчера желалъ, то сего дня проклинаетъ. Во всемъ подобенъ сонному. Ѣстъ, а самъ не насыщается; пьетъ, а жажда ево мучитъ. Таково то не совершенно желанное; а столь тлѣнно обладаемое имъ! Тогда удовольства надѣется, когда ево ищетъ; а какъ получитъ, то еще безпокойнѣе прежняго здѣлается. Сіе тоесть оное праведнейшее проклятіе божіе; которое по Святой волѣ, и по истинному допущенію всемогущаго Творца, тѣ люди вѣчно чувствовать должны, которые за чужимъ бѣгаютъ: а собственнымъ сердцемъ, отъ Всемогущаго Создателя, и отъ верьховнѣйшаго блага своего, беззаконно удаляются. Въ то время, болѣзнующей духъ ихъ; сильно разнемогшисъ, изъ природнаго мѣста своего выходитъ, на подобіе магнитной стрѣлы: которая себя до тѣхъ поръ уставить, и успокоиться не можетъ; пока на сѣверъ по прежнему необоротиться. Ежелибъ на сіе безпокойство духа и сердца человѣческаго, никогда лѣкарства не нашлосъ; тобъ люди, не только

безщастнѣе всѣхъ тварей на свѣте были: но металлы, и камни, потому бы совершеннѣе человѣка здѣлались; что они безчувственны, и страстей въ себѣ неимѣютъ.

10.

Возможность, къ освобожденію себя отъ безпокойства.

Высокое преимущество разумнаго человѣка надъ скотами, и надъ безумными тварьми, состоитъ въ томъ; что человѣкъ, страсти и вожделѣнія свои познавши, укротить можетъ: а скотъ, одними чувствами безумно влечется. Хотя и человѣкъ естественно чувствуетъ, что плоть и кровь имѣетъ; однако, и то въ себѣ слышитъ; что на обладаніе тѣломъ да кровью, данъ ему отъ бога разумъ. буде страсти его весьма жестоки, то человѣкъ ощущаетъ въ себѣ на поминаніе совѣсти; которая ему, не только различіе между добрымъ и злымъ, ясно кажетъ; но и то оружіе разума подаетъ, которымъ премудрѣйшій Творецъ, разумное созданіе рукъ своихъ, тоесть человѣка; на внутреннихъ враговъ его, не преоборимо во оружилъ. Какъ всемудрѣйшій Создатель; другимъ тварямъ зубы, ногти, рога, и другую природную оборону отъ всякихъ вредныхъ имъ случаевъ, нарочно даровалъ; а къ собственному ихъ же содержанію, во всѣ твари по роду ихъ, особливую склонность вложилъ; такъ власно и человѣку, не только глаза, руки, ноги и другія члены далъ; но ко обращенію, и оборонѣ тѣла его, внутренними силами, и свѣтомъ разума на то одарилъ; дабы человѣкъ все то видѣть, и отъ себя отвращать могъ; что душевному его спокойству вредъ, или препятство на несть можетъ. Я о томъ спорить не хочу, какъ много разумъ человѣческой, во укрощеніи страстей силы имѣетъ; только то подлинно, что Христіянину страсти и вожделѣнія свои, не токмо воздержавши обуздать, но и одолѣть можно: ежели силы естественнаго разума, силою благодати божія, и содѣйствомъ Святаго Духа его; о святитъ, и укрѣпитъ. Но при одолѣваніи страстей нашихъ, должно ту пользу примѣчать; дабы человѣку самому, и прежде того къ симъ бунтовщикамъ на встрѣчу итти: нежели они привычкою, и обычаемъ, укрѣпяться; ежели мы подъ тяжкое иго, и въ страшное порабощеніе имъ, отдатся не хочемъ. Пифагоръ, Ферасидъ, Аполлоній, Эпиктетъ, Плютархъ, Сократъ, Платонъ, Фокіонъ,

Фокіонъ, Сципіонъ, а по его увѣщанію Царь Масиниса; Цицеронъ, Катонъ, Царь Юба, Сенека, Воспесіянъ, Титъ, Траянъ, Антонинъ Кроткой, и Маркъ Аврелій, съ премногими язычниками: не только мудрыя намъ къ сему дѣлу руководства и наставленіи подаютъ, но самыми дѣлы своими, цѣлому свѣту показали; какую силу ревностной трудъ со усерднымъ стараніемъ, въ этомъ великомъ дѣле имѣетъ. Развѣ Христіянамъ, труднѣе язычниковъ будетъ страсти свои съ похотьми укрощать, когда мы въ этой войнѣ противу насъ самихъ; божію благодать и силу, помощникомъ; а сына божія, и воплощеннаго бога нашего; начальникомъ, руководцомъ, и совершителемъ вѣры, всегда передъ собою имѣть будемъ? Или намъ, передъ язычниками меньше стыда будетъ; когда плоть наша, безсмертнымъ духомъ, и нетлѣнною душею; а чувствы разумомъ, и слѣдственно; скоты, людьми овладѣютъ? Или уже, однимъ Христіянамъ власть на то дана; что бы особливо, и собственно намъ данныя узаконеніи, по своей волѣ преступать? А они всему Христіянству имянно повелѣваютъ; Не бывайте побѣждени отъ зла; но побѣждайте благимъ, злое. Хотя злыя страсти, и свирѣпыя похоти, столь глубоко въ сердцѣ человѣческомъ укоренились; что лутчаго на нихъ лѣкарства, кромѣ одной смерти нѣтъ: однако мы помощію божіею, и употребленіемъ здраваго разума, то здѣлать можемъ; что поврежденную природу, не только укротить: но и на подобіе стараго платья скинуть, въ состояніи будемъ. Я о томъ не говорю, что бы человѣкъ безъ вожделѣней жить могъ; да только сіе подтверждаю, что прямое искуство [практика] разумнаго житья, въ такомъ учрежденіи страстей нашихъ стоитъ: дабы разумъ, во всемъ домѣ тѣла человѣческаго, владыкою и господиномъ учинившись; не воздержныя страсти, всегда обуздовалъ; или бы на правой путь, также скоро обращалъ: какъ возница, или верьхомъ на конѣ сидящей человѣкъ, не покоривую и въ головѣ упрямую лошадь свою; разумно, поспѣшно, и мужественною рукою правитъ. Плодъ сего дражайшаго труда, будетъ спокойствомъ душъ нашихъ; а руководство къ такому самого себя правленію, или ко одолѣнію страстей своихъ, можетъ благосклонный читатель изъ слѣдующаго извѣстія усмотрѣть; которое для того сюда внесено, что развращенной свѣтъ сей; лутче примѣровъ слушается, нежели по привиламъ поступаетъ.

Къ римлянам: гл 12.

Августинъ; прежде бывшей участникъ Манихейской ереси, а потомъ учинившейся ревностной исповѣдникъ Христовъ, и великой учитель западной Церькви, примѣромъ своимъ то покажетъ: какъ Христіянину, жестокія страсти и вожделѣніи свои одолѣвши; великаго удовольствія, и спокойства душевнаго достигнуть. Августинъ, родился въ Африкѣ. По природной высотѣ разума своего отъ младенчества, склонность къ лутчему на свѣте; тоесть къ наукамъ, и ко всякимъ вѣденіямъ имѣлъ. Во оныхъ; къ общему благу, и къ народному удовольству, до двадесятаго лѣта возраста своего, весьма преуспѣвалъ. На двадесятомъ году почувствовалъ Августинъ, что онъ въ такой землѣ родился; гдѣ жаркой воздухъ, и злой обычай, ко всякимъ не воздержностямъ человѣка побуждаетъ. Злое вожделѣніе, тѣмъ съ большею жестокостію Августиномъ обладало; чѣмъ не способнѣе молодость его была, такъ сильному непріятелю, за благовременно противиться. Сія злая склонность, привела Августина въ такую худую компанію; которая развращенному нраву его, весьма прилична была. Тогожъ часа появиласъ цѣлая стая, и страшная Христіянину артель; въ пьянствѣ, и въ плотскихъ мерзостяхъ, утопающихъ Манихѣевъ: для нриняттія такого новичка въ товарищество свое, которой цѣлое отрочество, и всю юность свою, въ цѣломудріи препроводилъ. Эте беззаконники, добродѣтельнаго Августина, въ сѣти прелести своей тѣмъ скорѣе привлекли; что онъ въ короткое время, не только исповѣдникомъ богопротивной Манихейской ереси, и беззаконнаго ученія сего, но и рачительнымъ исполнителемъ сквернъ ихъ, очень скоро здѣлался. Бѣдныя родители, печалилисъ опрельщеніи рожденія ихъ; а мать его Моника, твердое намѣреніе приняла, въ ровъ погибели впадшаго сына своего, слезами и молитвою избавлять. Только не можно было надѣяться, что бы въ роскошахъ утопающей Августинъ, на печаль родителей своихъ, много смотрѣлъ, или бы добродѣтельнаго увѣщанія ихъ, скоро послушалъ. Безпокойныя вожделѣніи къ полученію желаемаго, столько же скуки и печали ему причинили; сколько онъ, отъ дѣйствительнаго наслажденія роскошью, удовольствія имѣлъ. Что больше Августинъ чувствамъ своимъ воли далъ, тѣмъ свирѣпѣе; а страсти и похоти ево, отчасу не насытнѣйшими здѣлалисъ. Когда онъ ихъ больше исполнялъ, въ то уже время

ни

ни какою мутною водою не брезгивалъ; а самую подлѣйшую къ роскошамъ своимъ бесѣду, отнюдь непрезиралъ. Въ пагубныхъ раскошахъ одичавши; не потребныя виды, и безчесныя маниры на себя принялъ. Но милосердый богъ, такую еще въ немъ надежду ко исправленїю оставилъ; что онъ стыдливъ былъ. Какъ часто Августинъ мать свою видѣлъ, то всегда отъ неѣ бѣгалъ, а при вступленїи въ разговоръ съ честными людьми, всегда отъ стыдливости краснѣлся; и присудствїя ихъ какъ можно убѣгая, всегда съ равными себѣ дружился. Хотя онъ отъ всѣхъ добрыхъ людей и бѣгалъ; только отъ самаго себя уйти, и ни куда скрыться не могъ. Какъ ни хитровалъ, только совѣсти своей обмануть не въ состоянїи былъ. Она ево, и въ самомъ наслажденїи роскошми: тайнымъ обличенїемъ устрашая, грозила грѣшащему, не избѣжнымъ судомъ и мщенїемъ божїимъ. Тогда увидѣлъ Августинъ; что молодость ево, не только непорочнѣе совершенства лѣтъ мужескихъ была: но присемъ и то еще вспомнилъ, какъ онъ отъ исполненїя прежней добродѣтели: во нравѣ свободнѣе, а въ совѣсти своей несравненно спокойнѣе того былъ: нежели въ самой срединѣ перемѣнъ, прелестной и пагубной роскоши. Между тѣмъ; радостное напоминанїе непорочно провожденной молодости, а особлибо: ревностное желанїе къ возвращенїю на прежную честную жизнь, безпрестанно его къ добродѣтели побуждало. Искусивши сердце свое; началъ Августинъ той мерзости страшится, которую тлѣтворная роскошъ въ него вложила. Главнѣйтее его дѣло въ томъ состояло; что о исправленїи своемъ, съ искренною ревностью рачить сталъ. За тѣмъ пожелалъ; силу, и слабость, владѣющихъ имъ страстей; и жестокое подстреканїе похотей своихъ, въ тонкость узнать; дабы симъ внутреннимъ врагамъ, съ надлежащею силою противиться могъ. Хотя доброе произволенїе, при всякомъ случаѣ въ немъ оказывалось; только трудно Августину было, отъ толь сильнаго, а въ сердцѣ его такъ глубоко укоренившагося раболѣпства, вдругъ свободится. Моровой язвѣ равная роскошъ, сему блаженному намѣренїю, съ такою силою противилась; что Августинъ, отъ сего внутренняго безпокойства утрудясь, и одинъ въ саду гуляя самъ къ себѣ говорить сталъ. Долго ли мнѣ въ такихъ грѣхахъ жить? За чѣмъ стало; что я оковъ пагубной роскоши, сего часа не разрываю? Этѣ сатанинскїя узы, такъ сильно меня сковали; что я ко Святой свободѣ

чадъ твоихъ? О Милосердый боже! достигнуть не могу. По истиннѣ! въ пребѣдномъ я состоянии. Воля моя, повелѣваетъ глазамъ моимъ открыться; и они уже отворяются, на ясное смотрѣние душевныхъ ранъ моихъ! Рука моя, по приказу и велѣнию сей доброй воли, на исполнение добродѣтели движится; а нога, по указанию злой воли: въ прежнюю пагубу, тайно кользитъ. Когда добрая воля, къ востанию изъ нечистоты роскошей, ясно меня зоветъ; и въ путь добродѣтели, итти мнѣ повелѣваетъ: то она во мнѣ, великое сему благу супротивление находитъ. Что мнѣ здѣлалосъ? Хочуль я это, или нѣтъ? Когда не хочу; то для чево и говорю? А буде искренно желаю; то за чѣмъ доброй волѣ не повинуюсъ? Весьма далеко я, во глубину грѣховной бездны зашелъ. Теперь вижу, что мнѣ къ избавлению себя отъ сей пропасти; особливую ревность приложить надобно. Чувствуешъ ли бѣдной Августинъ, сугубое къ тебѣ посольство божие? благодать его, влечетъ тебя къ себѣ; а гнѣвъ божий, угрожаетъ. Возвратисъ же на путь правый; и разорьви отъ сего времяни, всѣ узы безчестной роскоши. Нынѣ разсѣкаю оковы мои! Съ сего часа, свобожусъ отъ работы вражия. Что я это говорю? Самъ бѣдной человѣкъ себя обманываю! Однако, еще отвѣдаю. Прелестная роскошъ! теперь уже я подстрѣканиямъ твоимъ послѣдовать не стану! Что надомною дѣлается? Я то исполняю, чево не хочу. Сей часъ укрѣплюсъ! Сей день не отпаду! Нынѣ приближаюсъ ко удовольству моему! Пойду; побѣгу на гору. Отъ сего Времени, протяну руки мои, наобъятие дражайшаго спокойства. Самъ слышу, какъ душа моя вкушать его начинаетъ; и почти уже имъ наслаждается. Только къ сему великому дѣлу, многова не достаетъ; и я еще, ничего не имѣю. Помози мнѣ, всещедрый; и всемогущий боже! Вижу, какъ силенъ грѣхъ; и какъ меня къ тому не допускаетъ, что бы я безъ покойныхъ вождѣленей отрекшисъ: на семъ свѣте, хотя малые годы скокойно; а въ будущемъ безконечномъ вѣке, съ тобою Творцомъ моимъ, вѣчно жить могъ. Августинъ, тяжкаго начала не убоясъ; но набожными размышлениями, самъ съ собою борьбу начавши, къ молитвѣ и воздержанию прибѣгъ. Отъ злова содружества безчестныхъ товарищей своихъ, со всѣмъ удалился. Къ трудамъ, и чтению книгъ, тѣмъ болѣе прилѣпился; что сперьва, лѣностью и гулянием, многому злу навыкъ. Судьба

и рука

и рука божія, привела Августина въ городъ Медіоланъ. Тамошней Архіепископъ Святый Амвросій; обратя его на путь истинны, и науча добродѣтели: къ продолженію непорочной жизни, собственнымъ примѣромъ побудилъ. Тутъ увидѣлъ Августинъ великую мерзость грѣховъ; а у чувствъ своихъ, всякія способы къ дальнему возмущенію, рачительно пресѣкъ. Къ сей доброй осторожности, и къ рачительному самого себя познанію; присовокупилъ обновившейся Августинъ не утомленное чтеніе книгъ, и всегдашнее разсужденіе слова божія! Силою сихъ цѣлительныхъ Ароматъ, грѣховная чешуя отъ глазъ его такъ отпала; что между угожденіемъ тѣлу, и между веселіемъ духовнымъ, превеликую разнь узналъ. Отъ разговоровъ съ добродѣтельными людьми, возгорѣлась у него набожность. Притомъ Августинъ ежедневно себя искушалъ, при обрѣлъ ли успѣхъ въ исправленіи своемъ? Добродѣтельная жизнь набожныхъ Христіянъ; стала ужé ему быть не только примѣромъ къ ободренію, но и къ наставленію. Такимъ образомъ, сталъ ужé Августинъ самъ за собою смотрѣть. Отъ сего надзиранія ту пользу получилъ, что мятежныя вожделѣніи его, часъ отчасу умалялисъ; а душевное спокойство, до тѣхъ поръ умножалосъ: пока милосердый богъ, сіе орудіе благодати и милости своей; такимъ свѣтиломъ, и столпомъ Церькви Христовой учинить благоволилъ: что его ученіемъ, книгами, и блаженнымъ житіемъ, не сравненно множайшее число людей исправя, на путь истинны привелъ; нежели тѣхъ было, которыхъ Августинъ, Манихейскимъ заблужденіемъ своимъ соблазнилъ. Я это подлинно вѣдаю, что не хотящіе исправиться; все особливой благодати, и той милости божіей приписывать станутъ; которую они, нѣсколько разъ отъ себя отбрасывали. Для того въ несу сюды такой примѣръ изъ языческихъ книгъ, которой намъ ясно покажетъ; какъ великую силу совѣсть, и здравой разумъ, въ побѣжденіи злыхъ обычаевъ, и пагубныхъ похотей имѣетъ. Изъ славнѣйшихъ Философовъ, или изъ добродѣтельныхъ язычниковъ, ни одного человѣка за тѣмъ искать не стану; дабы развращенныя рты, и злыя языки, опять того не сказали: будто этѣ славныя въ добродѣтеляхъ мужи, особливыми талантами одаренные люди были; да такова развращенной жизни урода, въ примѣръ здѣсь представлю; о которомъ рѣдко кто и подумаетъ. Горькой

Д пьяница,

пьяница, блудникъ, великой мотъ, бродяга, драчъ, крайней сварливецъ, и грубой Епикуръ, собою то покажетъ; что разумъ, и совѣсть, по среди огня тѣлесныхъ роскошей; къ одолѣнію страстей, великую силу въ себѣ содержитъ: ежели человѣкъ къ обращенію на истинной путь, твердое намѣреніе взявши; усердное о томъ стараніе приложитъ. Полемономъ, тово блуднаго сына звали; которой почти всякую ночь на сквозь прбродивши, изъ карчмъ и шинковъ, на солнечномъ всходѣ домой приходилъ. Въ одно утро, изъ такой не потребной бѣсѣды идучи увидѣлъ онъ, что у дому славнаго Философа Ксенократа двери отворены; и много молодыхъ людей, къ слушанью ученія сего славнаго мужа, въ домъ къ нему собралось. Полемонъ разсмѣявшись, подумалъ. Пойти было и мнѣ туды жъ; чтобъ этова школьнаго враля разсердивши, чѣмъ нибудь соблазнить. Какъ я съ товарищами сей вечеръ сойдусъ; то вмѣсте съ ними посмѣемся, когда имъ прото раскажу: какое я смятеніе зеленымъ моимъ вѣнкомъ, и хорошимъ платьемъ, между школьными шалунами здѣлалъ. Съ такимъ буйственными мысльми, вошедши Полемонъ въ Ксенократову школу, и сѣвши подлѣ учениковъ: разными смѣхотворствы, сему мудрому мужу, и здравому ученію его явно ругаться началъ. Ученики и слушатели, такъ на него осердились; что бы конечно Полемона публично бить стали, ежели бы Ксенократъ, начатой рѣчи своей, для великаго шуму не прекратилъ. Потомъ закричавши приказалъ, чтобъ отнюдь не шумѣли. Какъ сей мятежъ утишился; то разумной Ксенократъ, пресѣченую рѣчь свою прямо на Полемона обративши; о укрощеніи гнѣва, о стыдѣ, о благоприличности, о чести, о воздержаніи, о благонравіи, и о трезвости, такъ сильно говорить началъ; что не глупой Полемонъ замолчавъ, и своею рукою съ головы сорванной вѣнокъ, на землю бросивъ: а руку подъ епанчу положа, потуплеными глазами далъ знать, что ему стыдно стало. Съ этѣмъ стыдѣніемъ домой пошедши; Ксенократово ученіе о воздержаніи страстей, въ толь глубокое разсужденіе взялъ: что вмѣсто соблазна, и привожденія людей къ роскоши: началъ Полемонъ сперьва самъ исправляться, а за тѣмъ и по братениковъ своихъ, ко исполненію добродѣтелей ревностно приводить. Кто въ одолѣніи страстей своихъ успѣхъ видѣть желаетъ; тому должно съ Августиномъ, прилѣжно на себя смотрѣть: дабы никакой страсти, за мало не ставить; а ни одной прихоти своей,

отнюдь

отнюдь не пренебрегать. Кто отъ жестокихъ страстей своихъ желаетъ свободенъ быть, тотъ долженъ за ранѣе къ тому привыкать; что бы малымъ вожделенiямъ, благовремянно противиться. Пифагорцы; начинали учениковъ своихъ, обладанiю собою, воздержанiемъ языка, и молчаливостью обучать. Кто имѣнiя своего также отрещисъ не можетъ, какъ славной Философъ Кратесъ здѣлалъ; тому надобно привыкать къ терпеливости, и къ незлобiю въ тѣ поры: когда у него, нѣсколько рублевъ денегъ украдутъ. Ежели за то осердишся, что посторроннiя люди, твоей волѣ противятся; то прикажи своему человѣку что нибудь, а самъ думай: будто ты на него въ ту пору сердится не станешъ, когда онъ тебя не послушается; или, все не то здѣлаетъ, какъ ты ему приказалъ. Сперьва Iовъ, а по немъ Царь Давидъ, съ очами своими такой договоръ поставилъ; что бы имъ въ то время ни накакую красоту не смотрѣть, когда онъ по желаетъ роскошъ преодолѣть. Кто малаго непрiятеля презритъ, тотъ большаго врага не побѣдитъ. Львовъ, надобно въ тѣ поры укрощать, когда они еще молоды; а крапиву, и злыя травы, до большаго росту не допуская: съ корнемъ вырывать. Послушай увѣщанiе язычника, и постыдисъ. Доколь тебѣ исправленiе свое отлагать? [Пишетъ Эпиктетъ.] Когда ты перестанешъ, противъ разума своего дѣлать? Ты ужé позналъ; что худо, и что добро. Въ чемъ истинна; и въ чомъ не правда. Развѣ ты думаешъ покаянiе свое, до прибытiя другова учителя отсрочить? Не только очень худо, но горе тебѣ въ тѣ поры будетъ; когда сей строгой наставникъ, и страшной Судiя, нечаянно придетъ. Ты ужé робячьи башмаки давно износивши, мужескихъ лѣтъ дожилъ. Ежели исправленiе свое, часъ за часъ откладывать начнешъ; то ничево иного дѣлать не станешъ, какъ одно доброе намѣренiе къ другому прибавлять: а о исполненiи онаго дѣломъ, и по думать тебѣ не досугъ будетъ. Потомъ искусясъ, на дѣле увидишъ; что эта ежедневная отсрочка, такое въ тебѣ самого себя забвенiе произведетъ, и до тѣхъ поръ тебя обманывать станетъ: пока ты не опамятовавшисъ, безчувственнымъ дуракомъ умрешъ. Пожалуй же, исправленiя своего до завтрѣе не откладывай; а истинной своей пользы, всечасно смотри. Ежели тебѣ такое препятство здѣлается; которое тебя, прелестною роскошью, суетною честью, или неправедною корыстью, отъ добраго твоего намѣренiя удержать; или отвратить покуситъ-

куситься, такъ вспомни; что нынѣ, и сей часъ: самое время къ подвигу твоему пришло. Этѣ здравыя разсужденіи, Сократа для того премудрымъ учинили; что онъ никому, и ничему, кромѣ здраваго разума повиноваться не хотѣлъ. Хотя ты не Сократъ, однако и тебѣ надобно такъ дѣлать; что бы ты не хуже ево былъ. Я бы еще и больше доказательствъ нашелъ, ежели бы предъ симъ объявленныхъ доводовъ, не довольно было: какъ на показаніе возможности само-одолѣнія нашего, такъ и на поданіе способа къ тому; какъ человѣку сіе самого себя побѣжденіе, сперьва начинать. Ежелибъ Августинъ, и Полемонъ, перьвому возбужденію совѣсти своей не послѣдовали; тобъ никогда спокойными не учинилисъ. Сколько бы человѣкъ, внѣ себя увеселенія; и притчины ко удовольствію своему, до тѣхъ поръ ни искалъ, пока страсти имъ обладаютъ: однако все сіе, собственной самаго себя обманъ, и такое маловременное притворство, которое только до той поры устоитъ; пока усыпленная совѣсть наконецъ проснувшисъ, жесточайшимъ угрызеніемъ человѣку знать дастъ, какъ обманчиво это мнимое спокойство его было: а Святое слово бого Отца и царствующаго Пророка, на безконечныя вѣки истинно. Нѣсть мира грѣшному.

11.

А именно, укрощеніемъ страстей; отъ котораго, истинное спокойство, происходитъ.

Единое на цѣломъ свѣте Христіянство, имѣетъ сіе великое право съ преимуществомъ; что истинныхъ исповѣдниковъ своихъ, къ совершенному спокойству приводитъ. Оно показываетъ намъ того великаго Ходатая, и Святѣйшаго Посредника; которой, грѣшными вожделѣніи оскверненную душу человѣческую, въ пречистой крови своей омывая, оправдая, и освящая: съ богомъ Отцемъ своимъ, и со Святымъ Духомъ примиривши; вѣчно соединяетъ. Отъ сего родится въ совѣсти человѣческой такъ великое спокойство, которое всякъ умъ человѣчъ превышшаетъ. Сей воплощенный богъ, и ходатай спасенія нашего; вооружаетъ насъ вѣрою, любовію, кротостью, смиреніемъ, молитвами, Святыми словами, и таинствы своими: которыя мы въ супротивленіе самимъ себѣ, и на одолѣніе себя употребляемъ; а притомъ, повелѣнное намъ по возможности исправляя; видимыхъ, а особливо не видимыхъ враговъ своихъ, его всемогущею силою,

и

и божественною помощїю одолѣваемъ. Сїя тоесть оная превеликая польза, съ верьховнѣйшимъ въ дусѣ Святѣ преимуществомъ, Христїянъ православныхъ; которое мы надъ всѣми разумными язычниками имѣя, говоримъ, и вѣруемъ. Вся намъ возможна суть, о укрѣпляющемъ насъ Христѣ Iисусѣ Господѣ нашемъ. Симъ, разумѣю я то отверженїе себя; которое Спаситель нашъ, у Евангелиста Матфея въ главѣ 16 узаконяетъ. Оно тоесть самого себя побѣжденїе; или оное укрощенїе страстей, о чемъ здѣсь посе время писано. Ежели мы сїе отверженїе въ дѣйство произведемъ, то сами свое спокойство поспѣшествовать будемъ. Вожделѣнїи, со страстьми; подобны такимъ терновнымъ спицамъ, вонзеннымъ въ тѣло человѣческое: которые не только тѣлу, но и душе, безъ престанную болѣзнь причиняютъ. А отверженїе себя, есть та рука; которая, этѣ вострыя спицы изъ насъ вынимаетъ. За тѣмъ приходитъ облегченїе. Какъ скоро здравой разумъ страсти человѣческїя утолитъ, тотъ же часъ въ сердцѣ нашемъ такаяжъ великая тишина здѣлается; какъ на морѣ послѣ бури, и по окончанїи жестокаго волненїя. Разумнѣйшїе язычники, единогласно сїе признали. Для того они; къ естественному нравоученїю своему, прибавя особливую добродѣтель, назвали тѣмъ великодушїемъ: которому въ презрѣнїи, и во отверженїи отъ себя всякихъ тлѣнныхъ вѣщей, состоять должно. Награду съ воздаянїемъ за добродѣтель, имяновали они тѣмъ душевнымъ спокойствомъ; о которомъ сїя книга пишетъ. Сему спокойству, должно заключаться въ мирномъ, и безмятежномъ житьѣ; удаленномъ отъ всякихъ ссоръ, и отъ тяжебъ. Спокойному человѣку, надлежитъ малымъ; и то еще не только своимъ, да праведнымъ: и отъ собственноручнаго труда нажитымъ имѣнїемъ, довольствоваться. Это свое праведное имѣнїе, воздержно употреблять на нужное, и на полезное себѣ. Знать людей, и все то; съ чѣмъ мы на семъ свѣте обходимся. Имѣть всегдашнее намѣренїе ко исполненїю добрыхъ дѣлъ, и всякой правды: а что бы на тебя, во временной жизни твоей ни пришло; то все спокойно, и терьпеливо несьти. Хотя сей вѣнецъ, [для подлыхъ людей] весьма высоко поставленъ; однако весь родъ человѣческой, отъ начала свѣта, сїю корону ищетъ: и всякими трудами, достать старается. Суботный покой, искони вѣка былъ предзнаменованїемъ того спокойства; котораго

котораго всякой человѣкъ, естественно жаждетъ. Мнѣбъ надлежало со всякою сектою многихъ Философовъ, особливой разговоръ имѣть: ежели бы все то описывать, въ чемъ сїе удовольство подлинно состоитъ. Но сїе несравненно полезнѣе, дабы намъ душевное спокойство въ сердцахъ своихъ, дѣйствительно чувствовать: нежели объ немъ, по пустому спороваться. Съ насъ довольно того; что всѣ древнїе Философы, и разумнѣйшїе люди, признаннаго отъ нихъ спокойства, одинмъ усердїемъ искали: а нѣкоторые изъ нихъ, и въ самомъ дѣле оное вкусили. Душевное спокойство; есть истинное, и единое благополучїе на земли. Все свѣтское, къ нему; какъ всѣмъ намъ къ общей цѣли, и примѣте бѣжитъ. Спроси безпокойныхъ. Для чего вы къ страстямъ своимъ такъ сильно прилѣпляетесъ? Они тебѣ скажутъ, для того; что бы намъ въ себѣ спокойнымъ, и довольнымъ быть. А буде и разумныхъ спросишъ. На что вы страсти свои укращаете? И они тебѣ, тѣмъ же подобїемъ отвѣчаютъ. На то; что мы себѣ спокойства, больше другихъ людей желаемъ. Видишъ ли; какъ всякой человѣкъ, спокойства жаждетъ? Вся на свѣте, къ сему дражайшему благу клонится. Злой человѣкъ, въ раченїи злостей и грѣховъ; а доброй, во исполненїи добродѣтелей своихъ; только съ такимъ различїемъ, спокойства желаютъ: что злой, мнимымъ своимъ удовольствїемъ, на время себя прельщаетъ; а доброй человѣкъ, симъ спокойствомъ подлинно, и вѣчно наслаждается. Ихъ удовольствїе, также различно; какъ тѣ вѣщи, отнюдь между собою не сходны: въ которыхъ спокойство того, и другова человѣка, дѣйствительно состоитъ. Мудрой Христїянинъ; находитъ свое спокойство въ чистомъ сердцѣ, въ непорочной совѣсти, и въ дѣйствительномъ исполненїи блаженныхъ добродѣтелей. А безумной человѣкъ, и не прямой Христїянинъ; ищетъ сего же спокойства, въ мятежахъ, и замѣшательствахъ безпокойнаго свѣта. Сей суетной человѣкъ, веселится тѣми ложными красотами; которыя воздухъ, земля, плоть, и кровь: подъ прїятными краски, и цвѣтами, мутнымъ глазамъ его представляетъ. Напротиву того, православной Христїянинъ; выше красоты непорочной совѣсти, безсмертной добродѣтели, безъ грѣшной жизни, и выше героичнаго великодушїя; ничего на свѣте не почитаетъ. Одинъ ищетъ спокойства внѣ себя, и думаетъ;

сїе дражайшее сокровище, въ безумныхъ, или въ бездушныхъ тваряхъ найти: а другой веселится богомъ, и вѣщми духовными. Одинъ рыбу ловитъ на воздухѣ; а въ Океанѣ, для того рвы копаетъ: что бы по среди сего моря, порцелинную себѣ беседку, на стеклянныхъ столбахъ поставить. А другой, вопреки тому испытуетъ глубину разума, науки, мудрости, правды, и не правды. Ищетъ справедливости въ законахъ естественныхъ; и въ усердномъ храненїи заповѣдей божїихъ. Посему видно, что одинъ изъ нихъ спокойства ищетъ; а другой, оное нашедши, дѣйствительно имъ наслаждается. Одинъ суетится на малое время, въ скоро преходящемъ, и тлѣнномъ; а другой веселится постояннымъ, и вѣчнымъ. Тотъ довольствуетъ чувства; а сей, питаетъ душу. Одинъ, забавляетъ тѣло; а другой, веселитъ духъ свой. Одинъ, прельщаетъ себя мечтанїемъ; а другой, увеселяетъ разумъ свой сущею истинною. Тотъ, на время веселъ; а сей, на вѣки спокоенъ. Коротко сказать. Страстьми обладанной человѣкъ, спокойство себѣ притворяя, мечтою питается; а разумной, симъ истиннымъ спокойствомъ дѣйствительно владѣетъ. Здѣсь, радуется сердце; а тамъ, одни уды веселятся. Мудрой Христїянинъ, подобенъ чисто текучей водѣ; а юродивой полухристїянинъ, съ помоями равенъ. Сей уподобился соломѣ, или травѣ; которая отъ малаго вѣтра колеблется; а другой, подобенъ пальмовому дереву; которое отъ бури не ломится, и подъ тягостью ростетъ. Одинъ равенъ съ такою хороминую, которая на пескѣ по строена; а другой, подобенъ крѣпости стоящей на горѣ каменной. блаженное спокойство! Какъ велико произходящее отъ тебя удовольствїе! Ты веселишъ сердце; и радостнымъ творишъ, лице человѣческое. Ты поспѣшествуешъ дѣла, и услаждаешъ горькїя дни наши. Ты благо, и кротко; спокойно, и весело. Тихо и бодрственно; равнодушно, и милостиво. Ты, смиренно въ чести; терпеливно въ страданїяхъ; щедро во изобилїи: довольно въ недостаткѣ; воздержно въ радости, великодушно въ страхѣ, осторожно въ щастїи; и благодушно во всѣхъ злоключенїяхъ человѣческихъ. Истинное спокойство; на всякую вѣщъ, прямую цѣну кладетъ. больше всѣхъ тварей, ко Творцу прилѣпляется; и Его, надъ вся въ свѣте: всѣмъ сердцемъ, и всею душею любитъ. Свою любовь, отъ всего тлѣннаго за ранѣе отвлекая; и въ то время не обезпокоивается, когда цѣлой свѣтъ кругомъ єво изчезаетъ;

Оно;

Оно; вѣдая различіе между временнымъ, и между вѣчнымъ: съ Пророкомъ Аввакумомъ [глава 3] къ богу взываетъ. Егда смокви плода не сотворятъ, и не будетъ плода въ виноградѣхъ; егда солжетъ дѣло масличное, и поля не сотворятъ яди, егда оскудѣютъ овцы отъ пищи, и не будетъ воловъ при яслѣхъ: азъ же возвеселюся о Господѣ, и возрадуюся о бозѣ Спасѣ моемъ. Понеже сіе дражайшее спокойство, удовольствія своего въ вѣщахъ божественныхъ ищетъ; то спокойство небесное, или миръ божій, душу человѣчу такъ наполняетъ: что истинной Христіянинъ въ восторгъ пришедши, нетолько духа божія исполняется: но въ ту самую любовь себя претворяетъ, о

1. Посл: въ Коринф: Гла: 13.

которой Апостолъ Павелъ пишетъ. Любы долго терьпитъ; милосердствуетъ, не завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ свояси; не раздражается, не вмѣняетъ злое, не радуется о неправдѣ, радуется же о истиннѣ. Вся любитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терьпитъ; любы, ни коли же отпадаетъ. Сіе блаженное спокойство, гораздо легче духамъ чувствовать; нежели слабымъ перомъ описать, или, плотскимъ языкомъ изрещи. Сему душевному спокойству; лутче самымъ исполненіемъ добродѣтелей, или дѣйствительнымъ искуствомъ: [практика] нежели изъ книгъ научиться можно.

12.

Другое препятство спокойствію.

Еще выискивается роптательной врагъ спокойству человѣческому; а я, благосклоннымъ читателямъ долженъ, сего непріятеля показать: прежде представленія мудрыхъ, и здравыхъ разсужденей о неудовольствѣ нашемъ. Многіе люди; съ печальнымъ, и смутнымъ нравомъ родилисъ. У нихъ около сердца, такой густой туманъ; котораго, солнце спокойствія, едва прогнать можетъ. Сихъ людей, мелянхоликами [унылые] потому праведно зовутъ: что кровь ихъ, медленнымъ обращеніемъ; густа, и черна будучи, много худыхъ паровъ испускаетъ: а мечтаніе, чрезъ сей способъ; печальными образы, и ужасными привидѣніями, весьма часто ихъ стращаетъ. Ежелибъ этѣ люди; празныя и пустыя мысли свои, на вседневное трудолюбіе промѣнявши: а вмѣсто того, что имъ подгорюнившисъ охать; ежелибъ руки свои на работу, а мысль, на ободреніе сердца и Духа своего употребляли: тобъ они, при обыкновенной молитвѣ своей, несравненно

веселѣе

веселѣе были; а притомъ бы ни о какой напрасной, и только мнимой бѣде, ни когдабъ не жаловались. Но мнѣ до нихъ не столько нужды, какъ до тѣхъ людей; кои на малѣйшiя случаи въ жизни своей чрезъ Микроскопъ [стекло; которое малѣйшiя вѣщи безмѣрно великими кажетъ.] Смотря; то собою, то людьми, а иногда, Самимъ богомъ не довольны бываютъ. Мнѣнiю и мыслямъ сихъ людей, все таковожъ черно кажется; какова кровь ихъ темна. Хотя ты на освобожденiе ихъ изъ лужи, руку имъ подашъ; однако боязливое ихъ подозрѣнiе, такiе слова на ухо имъ шепчетъ. Не вѣрь ему; онъ тебя утопить хочетъ. Иные болящiе, весьма тому ради; ежели случай получатъ, болѣзнь свою добрымъ совѣтомъ, или сказаннымъ отъ друзей лѣкарствомъ облегчить; а Меланхолики, болѣзнь свою покоятъ, и нѣжатъ. Они; горькiя пилюли печалей своихъ, въ роту языкомъ безпрестанно повертывая: только о томъ и мыслятъ, что ихъ мучитъ. Надлѣжало бы думать, что они сами себѣ такоежъ мученiе дѣлаютъ; какъ Цесарь Калигула другихъ людей для того больше мучилъ, что бы имъ смерть свою, тѣмъ больше слышать и крѣпче чувствовать. Этѣ люди; не только что другое, но и самую жизнь свою, за опасность признаваютъ. Ихъ, можно уподобить страждущему желчью; или желчною болѣзнью. Сему человѣку; все желто кажется, на что ни взглянетъ. Жестокой страхъ, пригоняетъ ихъ въ такую узкость; что имъ уединенiе, спокойнѣе всего видится. Во ономъ; стѣны, и живописныя картины, или тканыя обои съ личными фигурами, таковыже страшны имъ кажутся: какъ тѣ люди, отъ которыхъ они по напрасному страху, и подозрѣнiю бѣгаютъ. Это я говорю, не о такомъ разумномъ уединенiи; когда человѣкъ отъ злобы, или отъ гоненiя враговъ своихъ, удалиться принужденъ: дабы ему время собственной жизни, къ славѣ божiей, и къ пользѣ души своей въ тихости, и во удаленiи гораздо лутче; нежели въ прескучномъ шуму безпокойной компанiи провождать: но на тѣхъ людей намѣренiе мое клоню, которыхъ чудному нраву; никто, и ни чѣмъ угодить не можетъ. Имъ, и разговоры отъ людей скучны; и молчанiе досадно. Въ такихъ людей, не чистота различныхъ страстей собирается. За тѣмъ и не дивно, что въ жизни ихъ, ни малой прiятности нѣтъ; и все житье сихъ людей, никуды не годится. Ежели къ роскошамъ склонная при-

природа , злой обычай , или худая бесѣда , съ такимъ нравомъ соединится ; то этѣ люди злыхъ увѣщаней послушавъ , въ глубочайшей ровъ всякихъ нечистотъ за брести готовы. Они , въ довольствѣ разслабнувъ ; скоро лѣнивыми дѣлаются. Въ чести , бѣсятся. Въ малой печали , отчаеваются ; а при забавахъ , внѣ себя приходятъ. Въ какой бы чести этѣ люди ни были ; только при всемъ томъ бѣдны , и ни чѣмъ не наслаждаются. безъ покойной Аммоновъ духъ , непрестанно ихъ мучитъ. Для того они , сего дня то проклинаютъ ; чего вчера желали. Душевная скорьбь не насытнаго желанія ихъ , такъ разпространяется ; какъ болѣзнь называемая ракъ. Страхъ , не терпеливость , роптаніе , не постоянство , горесть , упрямство , и гордость , суть тѣ жестокія бури ; которыми душа ихъ , непрестанно волнуется. Многія изъ нихъ съ отчаянія , и отъ жестокой печали ; сами себя до смерьти убиваютъ. Сія болѣзнь , тѣхъ людей жесточаѣ мучитъ , которые въ познаніи правды ; также въ разумѣніи добра , и зла : нимало не обучены. Когда скорьбь до души ихъ дойдетъ ; то этѣ люди , сами себя съѣдать начнутъ. Слабость , съ печальнымъ сердцемъ ; сіе повѣтріе возбуждаетъ. Жизненныя духи , отъ того изсыхаютъ ; разумъ , притупляется ; а природная горячесть , угасаетъ сею печалью : которая наконецъ , раждаетъ смерть. Около ихъ ; лѣтаетъ цѣлой рой печальныхъ , и скорбныхъ мыслей ; не удовольства , страху , и смятенія. Сердце такого Меланхолика , наполненно тайными вожделѣніями ; которыя , толь чувствительнѣйшею болѣзнью волнуются : чѣмъ меньше надежды , къ исполненію сихъ прихотей ; или къ полученію тайныхъ умысловъ , и желаней его. Хотя они , перемѣны вмѣсто лѣкарства ищутъ ; однако печаль , въ слѣдъ за ними по пятамъ бѣжитъ. Горесть не удовольства , не даетъ имъ наслаждаться настоящимъ благомъ. Иногда они ; потупя глаза , и дугою согнувшисъ , на подобіе бѣдной смерти ходятъ : а иногда ревностью , и гнѣвомъ пылаютъ. Чрезъ сіе , оказывается двоякой родъ не удовольства. У однихъ молчаніемъ , и внутреннимъ угрызеніемъ сердца ; такъ власно какъ у лошадей , грызеніемъ муштука и удилъ : когда имъ другова укусить нѣчего , или не льзя. Другіе ; жестокостью внутренной болѣзни , къ оборонѣ : или ко избавленію себя, непрестанно побуждается. Потомъ, загарается въ

нихъ

нихъ гнѣвъ, и не терпеливость; бѣшенство, и отчаяніе, съ такимъ безумнымъ намѣреніемъ: дабы всѣ препятства, и помѣшательства спокойству ихъ; всякими возможными насильствы разсѣявъ, какъ можно скорѣе уничтожить. Въ этомъ числѣ, цѣлой полкъ людей. Одинъ жалуется на безщастную долю свою; другой, кленетъ обманъ; и злость лукаваго свѣта сего. Третей, приноситъ жалобу на не благодарныхъ людей; четвертой, на не постоянство щастія. Пятой, безразсудно печалится о смерти друзей; или сродниковъ своихъ. Иногда; презрѣніе, или порицаніе, временемъ не благодарность, съ боязностью; или страхъ, съ болѣзнію; а иногда уже одиначество, или многолюдство? безпокойныхъ людей мучитъ. Сими то способы, печаль человѣка истончеваетъ; а сердце его внутреньними угрызеніями, какъ червь дерево точитъ. Хотябъ и никто не думалъ, что люди безмѣрнымъ самолюбіемъ сами себя мучить могутъ; однако сія душевная болѣзнь, другова себѣ начала не имѣетъ, и лѣкарство иного на нѣе нѣтъ, кромѣ того; что бы человѣку умѣренно себя любить, а къ помянутой болѣзни за тѣмъ неприлѣпляться: что печальная душа, со временемъ и тѣло, не чувствительно заразить можетъ. Сею язвою, поврежденныя въ тѣле нашемъ жизненныя соки; обратно платятъ душѣ, пустыми и вредными парами. Отъ сихъ злыхъ паровъ, приходитъ тѣлу человѣческому жестокая болѣзнь. Въ то уже время, пользованіе тѣмъ опаснѣе становится; что прилѣпленіе къ Меланхоліи, всю кровь у человѣка, желчью повредило. При сихъ опасныхъ обстоятельствахъ; добрымъ лѣкарствомъ, и сильнымъ супротивленіемъ, отнюдь не надобно медлить. болѣе всего, молить Всещедраго бога, о милосердомъ низпосланіи Пресвятаго утѣшителя, и радостнаго духа; а самому страждущему, здравымъ разсужденіемъ, и умными разговорами добродѣтельныхъ людей, какъ можно себя ободрять. По истиннѣ! Кто состояніе людей свѣтскихъ прямо разсмотритъ; тотъ больше притчины къ печали, нежели къ радости найдетъ. Никакая тварь подъ солнцемъ; столько бѣдъ, и печалей за собою не влечотъ, какъ человѣкъ. Зачатіе его, беззаконіе; рожденіе, грѣхъ; произхожденіе на свѣтъ, бѣдность и нагота. Жизнь его; всегдашней трудъ, болѣзнь, печаль, и суета. Смерть человѣческая; страхъ, и мерзость. Сію плачевную долину, поздравляетъ человѣкъ

слезами. Кой часъ отъ утробы матерни выдетъ ; ту же минуту, уста свои обыкновеннымъ у младенцовъ крикомъ ; [уа] на плачъ, и жалобу; на алчбу, и жажду; по неволѣ отворяетъ. Нагой младенецъ, на свѣтъ ; какъ бѣдной невольникъ изъ темницы, выходитъ ко вступленію на театръ суетнова мира сего : гдѣ ему трагедію, [печальное дѣйство] самому играть ; или, на другихъ дѣйствующихъ; [актіоры, или игроки] съ печалью, и жалостью смотрѣть. На свѣтъ съ собою выноситъ ; суровой, не покоривой, и окаменѣлой духъ. Слабыя члены, и нагое тѣло ; наполненное болѣзньми, и безпокойными вожделѣніи : съ премногими способами, къ дѣйствительному безпокойству и не удовольствію. По рожденіи, нѣсколько времени ; также безчувственно лѣжитъ, какъ и другія твари. Еще въ нѣжной молодости своей узнаетъ ; что ево ко всему доброму, принуждать надобно. За тѣмъ ; безпокоитъ его упрямство. Ежели злая воля, не переломлена будетъ добрымъ, и разумнымъ воспитаніемъ : то, дикое сѣмя роптанія и не удовольства, потому въ злую страсть претворится ; что устремительныя склонности, съ такою жестокостью востаютъ, какъ бунтовщики. Они ; такъ удобнаго времени безумія, и способнаго имъ случая безпамятства человѣческаго, изъ руки упустя потерять не хотятъ : дабы имъ, всю власть надъ жизнью человѣка, къ себѣ привлечъ. Между тѣмъ, у души съ тѣломъ, великія раздоры начнутся. Все у нихъ дѣло, о томъ стало ; разуму, или страстямъ, верьхъ взять. А яснѣе сказать ; вовсе ли человѣку щасливу, или на всю жизнь свою безщастну быть. Едва только сія междоусобная война, на малое время утишится ; а уже человѣкъ подъ иго супружества, шею свою и протягаетъ. Къ сему житью ; великое множество суетъ, и печалей прибавляется. Временемъ мужъ, а иногда жена ; то дѣти, то служителели, иногда сродники, а временемъ сосѣди ; къ неизбѣжнымъ ссорамъ и тяжбамъ, къ страху, къ печали, и ко многимъ безпокойствамъ, невольной способъ подаютъ. Не достатокъ, и ростащеніе ; не согласіе, и вражда. болѣзнь ; печаль о смерьти жены, дѣтей, сродниковъ, и друзей : а напослѣдокъ, и самимъ намъ не избѣжна смерть, суть такіе нарушатели спокойства душевнаго : которые достальную жизнь нашу, какъ воры да разбойники разграбивши, по себѣ раздѣляютъ.

13.

13.

Ежели бы насъ природа, отъ такъ сильныхъ безпокойствъ, безъ обороны оставила; то бы мы еѣ по самой справедливости, мучительницею на звать могли. Но понеже благая природа, всякому человѣку разумную душу влïяла; а богъ, всѣхъ насъ Христïянъ Святымъ Евангелïемъ, яко крѣпчайшею душамъ нашимъ оградою, милостивно одарилъ: то намъ, и жаловаться нѣнакого; кромѣ какъ на самихъ себя. Для того, должны мы сïю двойную; тоесть духовную, и душевную пользу, ко отвращенïю всякихъ безпокойствъ; и на поспѣшествованïе спокойства душевнаго, разумно употреблять: а тѣмъ безпокойнымъ людямъ, и суетнымъ головамъ, о которыхъ предъ симъ упомянуто; прïемъ чхательнаго порошку, или слабительнаго лѣкарства, больше всѣхъ здравыхъ разсужденей поможетъ. Когда они мозгъ свой сими способы очистятъ, тогда сами въ себѣ послышатъ; какъ великую силу благодать божïя со здравымъ разумомъ, въ поспѣшествованïи душевнаго спокойства, имѣетъ. Только одинъ пластырь, ко всѣмъ ранамъ не годится. Для того я, печальную душу, власно какъ лѣкарь, за тѣмъ въ аптеку поведу; дабы она, изъ множества разсужденей, къ пользѣ своей лутчее избирая, сама усматривала: которое лѣкарство ей, на исцѣленïе поврежденнаго спокойства принимать. Только сïе лѣкарство, не у всѣхъ равно, и не въ одно время по дѣйствуетъ; для того, что есть новыя, и старыя: легкïя, и тяжелыя раны. Тебѣ, въ то время отчаяваться не должно; ежели ты изъ тяжчайшаго безпокойства, въ желаемое тобою совершенное спокойство, не скоро преселишся. По малу набравшихся, а за тѣмъ уже въ кровь вошедшихъ болѣзней; вдругъ изъ крови выгнать, и скоро вылѣчить не льзя. Хотя человѣкъ и выздоровѣетъ; однако въ немъ, такая слабость еще остается: которая, на нѣсколько времени, какъ вода въ рѣке, или въ морѣ; послѣ жестокаго волненïя, по малу утихая: исподоволь устаиваеться, и прежнюю чистоту свою получаетъ. Совершенная тишина, и безмятежное спокойство; съ душевнымъ, и духовнымъ миромъ, принадлежитъ въ такое мѣсто: которое, выше всего видимаго нами свѣта. Мы на землѣ, совершеннаго блаженства не ищемъ, и найти ево не можемъ. Но только такой равнодушной кротости желаемъ; что бы люди чиномъ,

Изцѣленïе на безпокойство.

житьемъ,

житьемъ, и состоянїемъ своимъ довольны будучи: въ благоденствїй бы, не превозносились; а въ не щастїи, не унывали и не отчаявались.

14.

Разумное самолюбїе.

Отступленїемъ отъ бога [какъ выше сего сказано] природное въ человѣке самого себя любленїе, по большой части къ чувственному, или къ телесному обратясь: чрезъ сей самой способъ, такъ обезумѣло; что по здравому разуму, и по чистому смыслу, надлежало думать: будто люди самихъ себя больше не навидятъ, нежели любятъ, потому; что оные давятся, другїе стрѣляются, третїе въ воду бросаются, а четвертые разными смертьми сами себя губятъ. Достальные изъ нихъ; то печалью, то веселїемъ; то болѣзнью, то роскошми; иногда гнѣвомъ, а иногда злобою себя мучатъ: и въ несказанную бѣдность ввергаются. У нихъ обыкновенное слово; я такъ хочу, и такъ этому быть. Ты говори что изволишъ, а мнѣ свою волю исполнить. Хотя бы никто того не подумалъ, чтобъ люди отъ безумнаго самолюбїя ослѣпши, разными способы себя умерщвляли; только это сильное безпорядочество, отъ того единственно произходитъ: что естественной или плотской человѣкъ, любовь свою на одно тѣло, и на скотскїя дѣла его обративши: попеченїе о душе своей, со всѣмъ презрилъ. Сему неразумному смятенїю всего естества; ничево кромѣ смятенїя въ душе, и кромѣ не щастїя тѣлу, произвесть не возможно было. Сама себя забывшая тварь, въ не избѣжное наказанїе; долженствовала болѣзньми, печальми, и безпокойствомъ мучится. Для того человѣкъ; часто желалъ, самоизбраннымъ зломъ, отъ такого зла убѣгать: которое ему большимъ казалось, нежели въ самомъ дѣле есть; а за тѣмъ, что удаленїе отъ прямой и большой дороги разумнаго естества: ослѣпляло человѣка бѣшенствомъ, и заблужденїемъ. Но понеже всякой человѣкъ, послѣ отступленїя отъ бога, и отъ разумной природы своей, безмѣрнымъ самолюбїемъ самъ себя язвитъ; то надлежало подлинно разсмотрѣть, въ чемъ человѣческая природа прямо состоитъ: дабы праведнымъ изслѣдованїемъ оныя, всякъ изъ насъ разсмотрѣнїемъ умной природы; могъ тому на учиться, какъ самому себя разумно любить: а чрезъ сїе соединенїе съ богомъ, и самому въ себѣ спокойну быть. Человѣкъ; состоитъ изъ

души,

души, да изъ тѣла. Обѣ этѣ части, такъ равнаго состоянія; что человѣка утишить, и обезпокоить могутъ. Которая изъ нихъ ко умноженію человѣческаго спокойства больше служитъ; та и лутчая. А той части, безъ сумнѣнія хуждьшей быть должно: отъ которой, безпокойство человѣческое умножается. Тѣло, потому начало и притчина всему безпокойству нашему; что человѣкъ, тѣлесныхъ припадковъ удержать не можетъ: а воля, требованей тѣла человѣческаго; всегда исполнять, не въ состояніи. Душа; есть инструментъ или орудіе всему покою, и удовольству нашему, по такой притчинѣ: что имѣетъ разумъ къ познанію того, въ чемъ заключается истинное благополучіе наше. Воля; на взятье, и на дѣйствительное употребленіе такихъ способовъ, которые къ полученію сего намѣренія свойственны, и приличны; въ полной власти у души. Отъ сего спокойства удаляющія насъ притчины; произходятъ отъ тѣла, а не отъ души. Тотъ человѣкъ разумно себя любитъ, кто, больше души: нежели тѣла слушаетъ, и ей повинуется. Лутчія свойства, и таланты человѣческія; сего преимущества, съ тѣми вѣщми требуетъ; которыя человѣку, внутреннѣе удовольство приносятъ. Да они же; прочны, вѣчны, и непременны. Только человѣкъ, и тѣлу; часть любви своей, для того удѣлить долженъ: что всемудрѣйшему Творцу угодно было, сію тлѣнную храмину, не тлѣнною и безмертною силою души; на временное въ семидесятъ, или въ восьмидесятъ лѣтахъ состоящее житіе, не разлучно сказать. Кто желаетъ; такой краткой срокъ непрестанно текущаго времени, вѣчнымъ учинить: также свирѣпыми чувствами тѣла, и скотскими похотьми ево, безмертной духъ подавивши; больше всего такихъ вѣщей искать; которыя, не въ нашей силѣ и власти; а человѣкъ ими во время краткой жизни на землѣ; постоянно, и безъ препятства владѣть не можетъ; тотъ хочетъ всю тварь переломавши, въ свою форму перелить. Сей человѣкъ; разумную къ самому себѣ любовь, на зло употребляетъ: а она чрезъ сей злой способъ, не мудростію и спокойствомъ наполнится; но крайне обезумѣвши, всякихъ бѣдъ и печалей, полна будетъ. Ко убѣжанію такъ неминуемаго безпокойства: для разумнаго примиренія, воздержною къ самому себѣ любовью: усмотрѣли разумные язычники, двѣ нужныя вѣщи. 1. Познаніе себя; а 2. Послѣдованіе разумной природѣ. Перьвое состоитъ, во узнаваніи человѣку того: какою несрав-

несравненною степенью, душа; выше, чище, и совершеннѣе тѣла своего. По другому пункту, надобно человѣку искусясь отвѣдать; какимъ высокимъ градусомъ онъ, чрезъ то въ себѣ спокойнѣе будетъ, ежели душевное благо; выше всѣхъ тѣлесныхъ благихъ почтетъ. Онъ же всю жизнь свою потому учредитъ; что во вѣки благо, и право: а мнимому добру, и ложной пользѣ, прельщать себя не допуститъ. Чрезъ сей способъ, люди; въ себѣ спокойнѣе, или безпокойнѣе будутъ, по той мѣре: которою, душу; или тѣло любить; тоесть, какъ желанiемъ да чувствамъ; или здравому разуму, послѣдовать начнутъ. Весь хоръ языческихъ Философовъ; раздѣляется на три крылоса, или собранiя. Перьвые; все приписываютъ тѣлу. Вторые: все у тѣла отнимаютъ. А третьяго сорта мудрецы; всею возможностью о томъ стараются, что бы на свѣте живучи: душу, и тѣло равно успокоивать; чрезъ обладанiе надъ тѣломъ, силою и властью разумной души. Ежелибъ мы не грѣшны были; тобъ природное желанiе спокойства, не столько препятствъ, и трудностей имѣло. Но понеже мы; - то нашими собственными вожделѣнiями, то чужими прихотьми, воономъ спокойствѣ много препятствъ имѣть можетъ: то главное затрудненiе, въ томъ замыкается; какъ бы въ такомъ поползновенномъ, и опасномъ состоянiи; праведное равновѣсiе содержать. Хотя человѣку, къ совершенному востановленiю полнаго спокойства разумной природы; въ грѣшномъ, многобѣдномъ, и въ суетномъ житьѣ свѣта сего, достигнуть и не льзя; однакожъ, такое удовольствiе получить можно: которое [съ помощiю божiею] къ нашимъ времянамъ и обстоятельствамъ, способно будетъ. безначальная, и безконечная премудрость божiя; предлагаетъ намъ два пути. 1. Непорочность. [душевная, и тѣлесная чистота] а 2. Не притворную истинну. Аще
Iова Гла: 8. чистъ еси, и истиненъ; то богъ молитву твою услышитъ: и устроитъ ти житiе правды. Перьвое, [на Греческомъ языкѣ] кажется совершенная; но къ достиженiю, не возможная чистота или непорочность. А другое, можно назвать упредительнымъ исполненiемъ той добродѣтели; которую, въ не совершенной жизни свѣтской на ходящiеся люди, по силѣ и возможности своей дѣлаючи; въ ту мѣру спокойны быть могутъ, какъ станутъ о томъ старатся; дабы имъ себя чистыми, праведными, и

непоро-

порочными учинить. Отъ сего состоянія добраго сердца; происходитъ то всегдашнее удовольство, которое Евреи Миромъ: а Греки веселымъ нравомъ называютъ. Въ немъ положивши благополучіе временной жизни, признали они; что этотъ веселой нравъ, отъ истиннаго исполненія добродѣтелей: а болѣе всего, отъ храненія души своей происходитъ. Еще является сумнѣніе о томъ, можноль добродѣтельныхъ людей въ то время щастливыми назвать; когда они въ тѣлесную болѣзнь, также въ великую нужду, и бѣду придутъ: какъ сіе на свѣте весьма часто случается? Чѣмъ больше люди къ тѣлеснымъ благимъ привязались, толь не возможнѣе имъ сіе покажется; а что больше они себя, и душу свою знаютъ, тѣмъ яснѣе увидятъ: что хотя душевное спокойство внѣшностьми плоти нашей, на нѣсколько времени пресѣчено быть и можетъ; однако, тѣмъ: никогда не искоренится. За тѣмъ то на сей вопросъ отвѣчать не льзя; Метельлій у Римлянъ, или Регулусъ щастливѣе былъ? Оба они добродѣтельны были. Только по тѣлеснымъ благимъ; въ неравныхъ обстоятельствахъ находились. Квинтъ Метельлій; Консуломъ, Ценсоромъ, и Гетманомъ бывъ: и великія дѣла учиня, дважды тріумфовалъ. Хотя и Регулусъ, Римскаго войска Полководцомъ былъ; только на войнѣ полоненъ. Метельлій той радости дожилъ, что трехъ сыновей своихъ, Консулами видѣлъ; и одинъ изъ нихъ, по отцову примѣру тріумфовалъ. Четвертой ево сынъ, учиненъ Преторомъ; [судьею] а четыре дочери, за знатныхъ мужей выданы. По сему Метельлій; всю фамилію при смерти своей, въ цвѣтущемъ состояніи оставилъ. Не щастливѣе ли онъ добродѣтельнаго Регулуса былъ; которой съ женою, да съ дѣтьми разлучасъ, и въ тюрьмѣ у Карфагенцовъ сидя; мученически умираетъ? Стоики говорятъ; что Метельлій, бещаснѣе Регулуса былъ. Не очень ли Философова то будетъ, ежели и намъ съ ними то же сказать? По внѣшнему; между Регулусомъ, и Метельліемъ, великое различіе видно. А ежели о щастіи сихъ мужей, по внутреннему ихъ состоянію разсудить; то, надобно прежде знать: кто изъ нихъ нравомъ, и душею, спокойнѣе былъ? Метельлій, [какъ видно] при тѣлесныхъ благихъ; къ сему спокойству, больше помощи: а Регулусъ, при тѣлесныхъ недостаткахъ; болѣе помѣшательства въ томъ имѣлъ.

Однако исторія объявляетъ; что Регулусъ бѣды свои добровольно терпя веселъ, и спокоенъ былъ. По сему видно; что душевное спокойство, не во внѣшнихъ тѣла нашего благихъ. Развѣ Регулусъ себя не любилъ? Конечно любилъ; и за тѣмъ, больше по желаніямъ души своей поступалъ. Онъ чрезъ сіе, не только въ великую нужду пришелъ; но болѣзнь, и самую смерть, охотно претерпѣлъ: а исполненіемъ должности его, успокоилъ душу, и совѣсть свою. Развѣ ему того здѣлать не льзя было; ежелибъ Регулусъ, въ Римѣ остался? Не возможно. Потому; что сей Генералъ присягою обязался, къ непріятелямъ своимъ въ Карфагену назадъ пріѣхать. Я эту чудную вѣрность въ содержаніи клятвеннаго обѣщанія, очень хвалю; только Регулусъ, самъ съ собою, въ томъ безмѣры жестоко поступилъ: что къ непріятелямъ своимъ на подлинную смерть, и на неизбѣжныя муки, напрасно возвратился. Позвольте мнѣ напротивъ того, васъ спросить. Легчель бы того Регулусъ, съ собою поступилъ; ежелибъ нарушеніемъ присяги, совѣсть свою возбудивши, въ вѣчное безпокойство впалъ? Смотри, другъ мой! Какой отвѣтъ, сердце твое; на сей вопросъ мой скажетъ? Изволь же ему, и себѣ, подлинно въ томъ вѣрить; что человѣкъ повреждeніемъ души, и совѣсти своей; мира, и спокойства душевнаго никогда не получитъ.

15.

Добрая совѣсть. Я сіе, не для стращанія людей; но ради такова искренняго желанія, откровенно пишу: ежелибъ люди разумно себя любили, тобъ о душѣ своей, и обезценномъ ея спокойствѣ, гораздо больше старались. Естественное о семъ увѣреніе, толь глубоко въ насъ вкоренено; что и самой Епикуръ, принужденъ былъ сказать. Тому человѣку, ни какъ спокойну быть не льзя; кто не правдою, и не добродѣтельно живетъ. Все наше безпокойство, произходитъ отъ чрезъ естественнаго движенія сердца: а особливо, отъ удаленія души отъ вѣчнаго ея блага, тоесть отъ бога: да еще отъ тѣхъ, на сердце у всякаго человѣка рукою разумной природы написанныхъ правъ, или законовъ; къ которымъ она сама насъ ведетъ, и всегда побуждаетъ. По сему, славной въ древности Сенека; такую о семъ дѣле правду написалъ. Прямая

дорога къ спокойству душевному, есть увѣренiе души, и свидѣтельство совѣсти нашей въ томъ; что мы кромѣ правды, и кромѣ добра, ничего худова не дѣлаемъ. Сiе то насъ страшитъ, или утѣшаетъ: винитъ, или оправдаетъ; по состоянiю нашего согласiя, съ отступленiемъ отъ вѣчнаго и разумнаго права: то есть отъ закона естественнаго. Ярость, и гнѣвъ; скорьбь, и тѣснота; на всякую душу человѣка, творящаго злое: слава же, честь, и миръ; творящему благое. Для сего то, страждущей Iовъ; во всѣхъ бѣдахъ и болѣзняхъ своихъ, столь бодръ, и терпеливъ былъ: что чистая совѣсть, о всей добродѣтельной жизни его: ни малымъ обличенiемъ не обеспокоивала. Воистинну! Совѣстью, шутить не надобно. Она; не отъ мнѣнiя, не отъ обычая, и не отъ воспитанiя приходитъ. Нѣкоторой, гордостiю ослѣпившей себя штатской человѣкъ, весьма ложно сказалъ; будто совѣсть, испорченому желудку подобна. Потомъ онъ передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ ему на эшафотѣ голову отсѣкли; въ слухъ всему народу, такую о себѣ правду въ послѣднiе сказалъ. безмѣрное, и пагубное люблeнiе ложной чести, такъ меня ослѣпило; что я ни бога, ни себя узнать, сперьва не хотѣлъ: а потомъ ужé не могъ. Для того теперь, на страшное мѣсто сей праведной мнѣ казни, по неволѣ пришедъ. Вся тварь; опредѣленному ей теченiю, порядочно слѣдуетъ. безумные скоты; знаютъ свое время, и уставленныя имъ границы. Вся натура тому радуется; что бы ей теченiе свое, предписаннымъ отъ бога порядкомъ, непрерывно продолжать. А рузумному созданiю, [человѣкъ] какъ повелителю и властелину всѣхъ тварей; не должно ли собственнаго порядка, предѣла, и такихъ законовъ себѣ имѣть: по которымъ бы ему, во всѣхъ дѣлахъ своихъ самому поступать? Льзя ли человѣку, что нибудь глупѣе сего здѣлать; когда онъ собственную природу не зная, и дѣйствительно ругаючи, ложно въ себѣ мыслитъ: будто разумному созданiю, безъ совѣсти пробыть можно. Самое искуство, [практика] сему безумному мечтанiю споритъ; и праведно противится. Мнѣ, [издатель книги о себѣ пишетъ] случилось въ такую компанiю притти; гдѣ двенатцать человѣкъ Французскихъ Офицеровъ сидѣло. По рѣчамъ сихъ господъ могъ я признать, что десятеро изъ нихъ; ни бога, ни добродѣтели

къ Римляномъ гла: 7.

 не

не признавали. Одинъ изъ всѣхъ таковъ наглъ, и крайне безстыденъ былъ, что почти при всякомъ словѣ и случаѣ, добрымъ нравамъ ругался: и за столомъ такъ худыя рѣчи говорилъ, какъ бы въ скверной домъ зашолъ. Все это называлъ онъ галантерѣею; а кто сего стерпѣть немогъ, про тѣхъ говорилъ: будто они не умѣютъ на свѣте жить. За тѣмъ ужé началъ такіе ругательства произносить, что хотя товарищи его и Епикуры были; однако о бестыдствѣ ево соблазнившисъ, въ то время жестокими выговорами сего сквернослова атаковали; какъ мерзской языкъ его до святыни коснулся. Я симъ случаемъ пользуючисъ; означенному ругателю безбожность его, и страхъ наказанія за произнесенныя имъ на божественныя вещи лаятельства; не многими, только сильными словами представилъ. Подруги ево; увѣщаніе мое, молчаніемъ своимъ похваливши, стали сему безумцу смѣятся. Тутъ увидѣлъ я, что ни одного безсовѣстнаго человѣка на свѣте нѣтъ; а безбожники, по неволѣ чувствоватъ принуждены: что право, или неправо. Чтожъ они сему полезному, и внутреннему чувствованію не послѣдуютъ; но оное, жестокостью страстей своихъ погасить стараются: то сіе, хотя и не щастье ихъ: только на то отнюдь не доказательство, будто въ человѣке совѣсти нѣтъ. Сей внутренней и тайной свидѣтель, всегда въ насъ живучи, всюды съ нами ходитъ. Для сей притчины; человѣкъ, только въ тѣ поры спокоенъ: когда совѣсть, дѣла его похвалитъ. Добрая совѣсть; отъ добрыхъ мыслей, и отъ благихъ дѣлъ произходитъ. Добрыя мысли, отвращаютъ заблужденіе: а благими дѣлами, прогоняются дѣла злыя. Но обои совокупно, спокойство наше тогда сильно поспѣшествуютъ; когда человѣкъ, не мечтамъ, и не желаніямъ чувствъ своихъ: не страстямъ, или упрямству; но одному тихому свидѣтельству внутри обновляемаго человѣка, добрымъ произволеніемъ повинуется: а здравому разуму, всегда послѣдуетъ. На поминаніе добрыхъ дѣлъ, имѣетъ во устахъ своихъ медъ; а въ чувствительныхъ язвахъ бѣдъ, и печалей человѣческихъ: подобно цѣлительной мази, и живучему пластырю, на этѣ раны наши. Для сей притчины; всякому человѣку должно съ великимъ прилежаніемъ того смотрѣть, дабы сію крѣпкую подпору и жезлъ старости, а имянно добрую совѣсть; своевольствомъ, и худыми дѣлами, въ молодости своей не переломить. Веселіе нрава, и сердца человѣческаго; [по слову Саломонову] произходитъ

дитъ отъ добрыхъ дѣлъ. Римской Цесарь Маркъ Авреліи , написалъ. По что мнѣ самому себя крушить ; когда я никого умышленно не опечалилъ? Кто симъ душевнымъ спокойствомъ , во временной жизни не наслаждается; тотъ при смерти своей , конечно мучится будетъ. Тогда уже, спящая собака [худая совѣсть] просыпаючисъ лаять; а душу въ человѣке, ежеминутнымъ напоминаніемъ учиненнаго зла : безпрестанно кусать начнетъ. Знатные въ исторіи люди; Мициллъ, да Мегапентъ; разными способы жили : и различную смерть имѣли. Одинъ изъ нихъ; того душевнаго спокойства во всю жизнь свою не имѣлъ, которое отъ добрыхъ дѣлъ родится: а какъ смерть къ нему пришла, то онъ напоминаніемъ злыхъ дѣлъ своихъ , такъ сильно и не ослабно мучился: что ни какія забавы, глубокой печали его разсыпать не могли. Мегапентъ, въ этомъ тяжкомъ уныніи; по долговременной тѣломъ, душею, и совѣстью, мукѣ ; съ несказанною горестью умираетъ. Во преки сему; бѣдной, только добродѣтельной Мициллъ : жизнь свою съ простотою сердца, и съ веселіемъ духа проводя; приближающейся кончины, въ кротости ждетъ. Ни домъ, ни богатство, ни жена съ дѣтьми; ни честь, ни знатное достоинство , въ этой прискорбной и маловременной жизни , отнюдь его не удерживаетъ : а пріятное напоминаніе дрбрыхъ дѣлъ, будущею жизнью нимало его не страшитъ. Добросовѣстной Мициллъ ; на приближающейся конецъ свой спокойнымъ окомъ смотря , душею о томъ радуется : что суетной, прелестной, и грѣшной свѣтъ сей, на Елисейскіе поля ; тоесть, на вѣчное блаженство скоро промѣняетъ. Древней Историкъ Лукіанъ ; житье , и смерть , сихъ язычниковъ пространно описалъ ; а мы сей примѣръ для того сюда внесли , дабы Христіяне у язычниковъ научились; доброй совѣсти , отнюдь не презирать. Она; истинной престолъ, и божественной голосъ страшнаго Судій, въ сердцѣ человѣческомъ. Она; передъ глаза человѣку днемъ , и ночью это ставитъ : когда дѣла и помышленіи наши , по насъ; или противъ насъ свидѣтельствуютъ. По разумной ли мы природѣ живемъ , и дѣлаемъ? Или отъ человѣчества удалясъ, безумнымъ скотамъ уподобились? Ежели совѣсть , въ послѣднемъ насъ обвинитъ : то отъ сего обличенія , такой стыдъ родится : что человѣкъ, и за неволю безпокойнымъ быть принужденъ. А буде перьвое найдется ; то слѣдуетъ внутренняя радость о томъ, что человѣкъ правду здѣлалъ. За тѣмъ

при-

придетъ въ сердце наше радость о исправности въ дѣлахъ, и о томъ согласiи; въ которомъ разумное созданiе, со всею умною тварью живетъ. Сiе душевное спокойство, произходитъ отъ того; что человѣкъ столько праведнаго, и добраго здѣлалъ: сколько въ его силѣ, и возможности было. богу; подобающую любовь, и должность отдалъ. Себя; ни чѣмъ не обругалъ, и не обезпокоилъ. Умной природы своей; ни безумною, ни развращенною, не здѣлалъ: а страстямъ своимъ, надъ здравымъ разумомъ; ни воли, ни власти, не далъ, ума своего, злыми помышленiями не затмѣнялъ; а волѣ своей, ложными стяжанiями прельщатся не допускалъ: но совѣсть, и сердце, истинными благими увеселять старался. Всякую вѣщь, по ея прямому достоинству цѣнилъ: а людямъ, должную любовь, и услугу казалъ. Симъ то способомъ; всякъ, свое получилъ. Естеству, долгъ заплаченъ; а человѣкъ: веселъ, радостенъ, и спокоенъ остался. буде же насъ; прилипчивой [удобь обстоятельной] грѣхъ, въ совершенствѣ не достаточными; а погибель нашу, безмѣрно чувствительною намъ творитъ; то имѣемъ Спасителя, и столь великаго о насъ ходатая къ богу и Отцу своему; а онъ Христосъ Господь нашъ, грѣхи всего мира въ пречистой и святѣйшей крови своей омылъ. О семъ, въ Христiянскихъ утѣшенiяхъ пространнѣе обьявится; а теперь намъ, до одново естественнаго человѣка дѣло. Понеже онъ, съ несказанно великою охотою спокоенъ быть желаетъ; то къ сему душевному спокойству, сообщимъ ему, слѣдующее пятеричное руководство. 1 Знать себя. 2. Разумной природѣ послѣдовать. 3. Смотря по времени поступать. 4. Во всемъ, мѣру знать; а 5. Всего себя, богу предать.

16.

Страхъ божiй.

Сiе тоесть, по разумной природѣ жить; а доброй совѣсти, во всемъ послѣдовать. Любить себя, разумно; и тѣмъ человѣку довольну быть; что на него по волѣ, и по судьбѣ божiей придетъ. О нѣкоторыхъ изъ сихъ вѣщей, предъ симъ упомянуто; а теперь, прежде то разсудимъ: что еще язычники при лунномъ сiянiи, или при свѣче умнаго естества увидѣли; какъ нужно всякому человѣку, прилѣжное напоминанiе всемогущаго бога; и коль не обходимо, искренное Ему служенiе, съ молитвою. Вопервыхъ, на охраненiе; а потомъ,

на

на успокоеніе души нашей. Пифагоръ, Платонъ, Іероклъ, и лутчіе изъ древнѣйшихъ Философовъ; многова, умомъ своимъ постигнуть не могши, опредѣлили: все уму человѣческому непостижное, божіей мудрости предать. Разумнѣйшіе Философы, такъ сказали. Человѣкъ, до тѣхъ поръ совершеннаго спокойства получить не можетъ; пока себя въ волю божію, совершенно не вручитъ; по слову Іовлю. Господь даде, Господь и взятъ? буди имя Господне, благословенно отъ нынѣ и до вѣка. Хотя сей праведной много страдалецъ, родомъ не отъ Евреовъ; а вѣрою, не Христіянинъ былъ; однако чуднымъ, а богу угоднѣйшимъ страданіемъ своимъ, не только Іудіевъ; но многихъ Христіянъ превзошелъ. Ежели мы умны быть хотимъ; [пишетъ Епикуръ] то кромѣ хваленія богу, ничего дѣлать не станемъ. Намъ; при каждомъ дѣле, и у всякой работы своей, надобно такъ говорить. Слава богу; давшему мнѣ руки, здоровые, и члены на роботу: сонъ, на упокояніе тѣлесной немощи; гортань, на пѣніе; а языкъ, на прославленіе неизщетныхъ бога нашего милостей къ роду человѣческому. Чрезъ сіе; и другихъ людей, къ хвалѣ божіей ободрять подщимся. Сія разумная кротость; весьма крѣпкой фундаментъ, и не поколебимое основаніе спокойства душевнаго. Она: какъ чрезъ всю жизнь, такъ и при самой смерти человѣка, душу всякаго Христіянина; въ совершенное повиновеніе богу, и Святой Его волѣ, доброхотно приводитъ. Въ темницѣ сидѣвшей Сократъ, другу своему Критону сказалъ. Что бы мнѣ, милой другъ! По волѣ божіей ни здѣлалосъ: тѣмъ я желаю, и доженъ всѣмъ доволенъ быть. Хотя Анитъ съ Мелитомъ, тѣло мое умертвить и могутъ; только души моей убить, а безмертнаго духа смерти предать, оба они не въ состояніи. Сколь отъ великихъ и премногихъ печалей, избавляетъ насъ сія кротость, въ злополучіи нашемъ: и какъ великою мѣрою, усугубляетъ спокойство наше въ благополучіи: того языкъ человѣческой изрещи, а слабое перо, описать неможетъ. Любовь, и радость; суть истинныя дѣйства, и перьвыя плоды страха божія. Мы ясно видимъ, и праведно удивляемся премудрости божіей; во Святыхъ, и страшныхъ дѣлахъ Его. Любимъ, и все должно почитаемъ бога. Молимся ему; съ радостнымъ извѣщаніемъ тѣхъ его премногихъ щедротъ и милостей, которыя богъ съ нами учинить благоволилъ. Все, на что мы ни взглянемъ; то побуждаетъ насъ къ хвалѣ,

и прославленію Творца: когда мы его искренно любимъ, и боимся. Настоящее, и будущее; наполняетъ души боящихся Господа спокойствомъ, и надеждою. Они, по смотря на землю; радуются нынѣшнему жилищу своему. Возведши очи къ небеси; веселятся о томъ преславномъ и безмертномъ чертогѣ своемъ, которой отъ бога; всѣмъ любящимъ его, отъ сложенія мира уготованъ. Взглянувъ на бѣдное тѣло свое, утешаются тѣмъ; что нужды ево, день за день умаляются. Или о томъ веселятся; что сія земная храмина, сподобиласъ быть жилищемъ безсмертнаго духа божія. Они; душу свою безпрестанно помня, ни чѣмъ не оскверняютъ. Хотя и бѣдны, однако тѣмъ довольствуются; что ни великой нужды, ни дальней печали неимѣютъ. Ежели богаты; то всякому изъ тѣхъ случаевъ радуются, въ которомъ богъ возможность имъ далъ: отъ имѣнія своего ближнему добро дѣлать, а требующимъ помогать. Сколько изряднаго въ свѣте ни увидятъ; столь много ободренія къ любви, и хвалѣ божіей, въ сердцѣ своемъ чувствуютъ. Ежели на нихъ скорьбь, или бѣда придетъ; то всегдашней запасъ утешенія, и крѣпкой на бога надежды имѣютъ. Всякой изъ нихъ, такъ говоритъ. Славлю, и хвалю Господа бога моего о томъ; что онъ мнѣ, бѣды и напасти мои терьпѣть помогаетъ. Свѣтъ сей; премудрымъ правленіемъ своимъ, чувствительнымъ мнѣ творитъ: а пользу, съ благополучіемъ моимъ; разными не щастій, человѣколюбно поспѣшествуетъ. Хвалю, и благодарю бога моего о томъ; что я не слѣпъ, не хромъ, не безуменъ, не въ тюрмѣ, и не въ плѣне: да на совершенной свободѣ, цѣлъ, и со всѣмъ здоровъ. А понеже страхъ божій, начало всякой премудрости; то при начатіи сего разсужденія, помолимся Царю мира духовнаго, и начальнику спокойства душевнаго, тоесть тріипостасному богу нашему: дабы онъ сквозь темноту бѣдъ, и напастей нашихъ; благимъ, правымъ, Святымъ, и радостнымъ духомъ своимъ, милосердо насъ провелъ. Притомъ; одолженною совѣстью и благодарственнымъ серцемъ, полученныя благодѣяніи съ милосердымъ о насъ промысломъ, и отеческимъ попеченіемъ его на помянувши: по должности прославимъ. Великой въ римскихъ Царяхъ Императоръ, дастъ намъ словъ своихъ въ займы; и радостною своею благодарностью, какъ природнымъ свѣтомъ здраваго разума просвѣщенной язычникъ; многихъ въ темнотѣ

заблуж-

заблужденія живущихъ, а на свѣтъ истинны взглянуть нехотящихъ Христіянъ: безотвѣтно посрамитъ. благодарю бога моего; [пишетъ Маркъ Аврелій въ 17 мъ пунктѣ 1. своей книги,] что онъ мнѣ честныхъ родителей даровавши; всѣмъ добрымъ на свѣте, обильно меня благословилъ. богъ же мнѣ ту милость даровалъ; что я, ничего противнаго ему не здѣлалъ: хотя часто, и при многихъ случаяхъ склоненъ къ тому былъ. Это я за особливую къ себѣ милость божію признаваю; что всѣ такія случаи немедлѣнно исчезали, которыя меня къ нещастію привесть могли. Еще Господу моему за то благодареніе приношу, что я въ дальнемъ воспитаніи у наложницы дѣда моего не оставшисъ, молодыя лѣта свои въ то время, и потомъ: непорочно, и цѣломудренно прожилъ. Я себѣ такого Монарха во отца получилъ; которой меня отъ всякой гордости и тщеславія излѣчить, а притомъ мнѣ показать старался, дабы Императору такъ жить; чтобъ ему ни въ караулѣ, ни въ богатомъ платьѣ, ни въ дорогихъ уборахъ, ни во множествѣ свѣчъ, ни въ великомъ числѣ служителей, нужды не было: но вездѣбъ Цесарю просто, и скромно себя вести; толькожъ безъ урону чина, и достоинства своего, когда государственная польза, или нужда того по требуетъ: дабы Цесарю себя всей Монархіи своей, въ высокомъ лицѣ Римскаго Императора непостыдно показать. Паки бога моего о томъ благодарю; что онъ мнѣ такого брата даровалъ, которой меня тому на училъ: что бы не только себя смотрѣть, но и опасно беречъ. Дѣти мой; никакого порока на тѣле не имѣя, добронравны были. Воспитавшихъ меня людей; а особливо тѣхъ, которые мнѣ путь къ добродѣтелямъ показывали: въ желаемыя ими чины, и достоинства охотно производилъ; а за не совершенствомъ лѣтъ ихъ, симъ благодѣяніемъ, нимало не медлилъ. Яжъ еще старался то узнавать; какъ бы мнѣ лутче, а съ разумною натурою сходнѣе жить. И такъ; не отъ недостатка ея помощи, или просвѣщенія, то дѣлалось: что я временемъ, отъ такого житья удалялся; но моя въ томъ собственная вина была, что не по ея велѣнію и правиламъ жилъ: а отъ того, иногда произходило: что я заповѣдямъ божіимъ не слѣдовалъ; и его Святому ученію не повиновался. Я же безмѣрной благости божіей сіе приписываю; что многими болѣзньми одержимое тѣло мое, столько трудовъ въ жизни своей снести могло. Хотя я на учителя

моего Рустика, за грубость ево часто серживался; однако, никогда того не дѣлывалъ: чего бы мнѣ потомъ жаль было. О томъ еще бога хвалю; что хотя мать моя въ малодыхъ лѣтахъ, однако у меня въ домѣ скончалась. И за то бога славлю! Когда я хотѣлъ бѣднаго человѣка наградить, то никто мнѣ того не сказалъ, что нѣчемъ. А самого меня, никогда до такой нужды богъ не допускалъ; что бы мнѣ у другихъ людей милости, или помощи просить. Что у меня покорная и услужная жена, которая меня любитъ; а въ своемъ поведенiи проста, и не лукава. Что я дѣтямъ моимъ: искусныхъ, и добродѣтельныхъ учителей нашелъ. Не заменьшей знакъ божiя къ себѣ милости, сiе почитаю; что онъ мнѣ во многихъ снахъ, отъ болѣзней моихъ лѣкарства открылъ; а особливо отъ обмороковъ, также отъ хожденiя крови ртомъ, и носомъ; какъ то надъ мною въ Гаэтѣ, и въ другихъ мѣстахъ бывало. И то егожъ божiя ко мнѣ милость: что я по великой своей охотѣ къ Философiи, не попался въ руки Софистамъ. Книгъ ихъ, не читалъ; хитроплетенныхъ гаданей, не зналъ: а во всю Философiю, да еще въ Астрологiю; выше мѣры не углубился. Все сiе; называю я великою милостiю, и благословенiемъ Всещедраго бога. Писано въ лагерѣ, противъ Квадовъ; у рѣки Грануа.

17.

Воздѣржанiе страстей.

Подлинно; въ лагерѣ противъ Квадовъ, или на войнѣ противъ непрiятелей: тоесть противу страстей, и злыхъ вожделѣней нашихъ. Они то нарушаютъ миръ нашъ. Отвлекаютъ насъ отъ бога; и отнимая страхъ Господень, лишаютъ человѣка истинной радости: ежели онъ ихъ здравымъ разумомъ, заблаговременно не побѣдитъ. Другiе народы, зовутъ ихъ похотьми, а на Еврейскомъ языкѣ есть такое слово, которое страсти съ прихотьми, основанiемъ всему безпокойству: и коренемъ всякому злу, потому и мянуетъ; что отъ прихотей, всѣ страсти родятся. Для чего одинъ человѣкъ враждуетъ, завидуетъ, жалуется, тужитъ, ревнуетъ, злобится, и всѣмъ не доволенъ? Для того: что злова желанiя своего, исполнить не можетъ. А чего ради другой; всѣмъ доволенъ, спокоенъ, тихъ, и кротокъ? Того ради, что страсти свои воздерживаетъ. О томъ уже выше

сего

сего сказано; что непорядочныя вожделѣнiи, какъ злыя дѣти пагубнаго грѣха: всю человѣческую жизнь, въ великое смяшенiе приводятъ. А теперь то обьявимъ; какъ страсти съ вожделѣнiями, здравымъ разумомъ въ такой порядокъ приводить: чтобъ бѣдная душа наша, сколько ей возможно, миръ и спокойство въ дому тѣла своего имѣла. Тихiя вѣтры, ко очищенiя воздуха весьма надобны; буде же они, въ жестокую бурю обратятся: то, все ломая опровергаютъ. Страсти въ человѣке, точно подобны вѣтрамъ на землѣ. Этѣ телесныя наши вѣтры; всю кровь въ человѣке для того движутъ, чтобъ она, застоявшисъ не испортиласъ: а кой часъ выше мѣры усилятся, то, во всѣмъ человѣке; великiя бури, и страшныя опустошенiи дѣлаютъ. Природа, человѣку; къ собственному храненiю и содержанiю себя, даровала четыре главныя страсти, которыя изъ двухъ разныхъ источниковъ выходятъ: тоесть изъ любви, да изъ ненависти. Перьвыя движенiи, раздѣляются на четыре главныя рѣки. 1. радость, 2. печаль, 3. забава а 4. болѣзнь. Отъ сихъ главныхъ, тѣ другiя страсти пошли; которыя по близости любимаго блага, или по отдаленiю ненавидимаго зла, иногда сильнѣйшiя: а временемъ, легчайшiя дѣйства съ имянами получаютъ. Я сего многочисленнаго войска, на смотръ выводить не намѣренъ; да только хочу сiе показать, какъ это полчище въ границы приведши, по малу пре одолѣвать. Разумная и благая природа; на обузданiе сихъ бѣшеныхъ лошадей, даровала намъ два крѣпкихъ муштука, а имянно: совѣсть, и страхъ божiй. Страсти, [къ великому удивленiю] всѣ таковы; что одна, другую прогонять можетъ. Естественной или плотской человѣкъ, ту великую помощъ къ спокойству внутрь себя имѣетъ; что любовь, одолѣваетъ ненависть: радость, прогоняетъ печаль; и желанiе чести, побѣждаетъ роскоши, съ прихотьми и вожделѣнiями. Когда эте страсти жестоки, и не удержимы станутъ; то одна, посредствомъ болѣзни: должна другую наказывать. Страхъ: данъ намъ отъ бога, и отъ природы, въ жестокаго наказателя всѣмъ страстямъ. Противу сихъ душевныхъ бунтовшиковъ; языческое нравоученiе, представляетъ намъ двѣ мудрыя: и весьма важныя книги. Одну, о воздержанiи; а другую, о благопристойности. По сему; ни Турокъ, ни Персiянинъ, того говорить не долженъ: будто ему страстей своихъ воздержать

 не льзя,

не льзя. Кто ему по противится; тотъ принудитъ меня, не только дѣлами многихъ злыхъ людей то доказывать: какъ они, страсть страстью, весьма хитро побѣждать умѣютъ; да еще приневолятъ меня, показать въ примѣръ имъ искусную собаку, которая обучена голодъ свой такъ воздерживать: что передъ брошеными ей съѣстными вѣщми легши, до тѣхъ поръ ихъ не трогала: пока хозяинъ къ ней пришедши, лѣжащее передъ нею, съѣсть приказалъ. Воздержаніе страстей; зависитъ на и болѣе отъ прилѣжнаго рассмотрѣнія, и глубокаго примѣчанія ихъ. Потомъ, отъ истиннаго, и твердаго намѣренія о супротивлении имъ; за тѣмъ, отъ при обыкновенія къ тому; а наконецъ, отъ силы, и помощи божія. Примѣчаніе страстей, съ крѣпкимъ намѣреніемъ, что бы имъ противиться; и за обыкновеніе къ тому, всякому человѣку возможно: а благодать, и помощъ божія; ни одному просящему не отказана. Сей трудъ, такъ важенъ; что объ немъ, и двожды упомянуть, не много. Я это поставлю на пробу, словами тогожъ безпримѣрнаго Императора; которой хотя и не очень красиво писалъ, только всегда праву дѣлалъ. Старайся о томъ; [пишетъ Маркъ Аврелій въ 26 пунктѣ 5: книги своей,] чтобъ лутчая часть самого тебя, [душа] ко всякимъ тѣлеснымъ озлобленіямъ, не чувствителна была; хотябъ они пріятными, или болѣзненными тебѣ казались. Смотри того, что бы душа съ тѣломъ не мѣшаласъ; чтобъ онѣ, изъ предѣловъ своихъ, отнюдь не выходили; а въ ту сторону, никогда ихъ не пускай; гдѣ прихоти твои воюютъ. Буде же страсти, по близкому соединенію души съ тѣломъ; тайною силою, до духа продерутся: то хотя ты естественной чувственности ихъ, совершенно противиться и не можешъ; однако, всею силою тому препятствуй, чтобъ душа твоя того не мыслила; будто такія чувственности злы или добры. Дальнѣе руководство къ сему дражайшеду труду; подастъ намъ тотъ же великой Императоръ, [въ 3 пунктѣ четвертой своей книги] слѣдующими словами. Не вольно ли тебѣ, на всякой часъ самому въ себя приходить? Нѣтъ того уединенія лутче, и любезнѣе, которое человѣкъ въ душе своей находитъ; ежели въ ней, довольное руководство къ миру и къ спокойству душевному есть. Спокойствомъ, называю я доброй порядокъ, и твердое состояніе души. Ходи же

другъ

другъ мой! Въ сїю прекрасную пустыню, чаще. Обновляйся въ ней. Отдыхай; и какъ можно молодѣй. Всегда при себѣ держи не большое число такихъ короткихъ правилъ; которыми бы ты, всѣ свои печали прогнать: а противъ всякихъ случаевъ и припадковъ, крѣпко вооружатся могъ. О чемъ бы тебѣ гнѣватся; и за чтобъ на свѣте сердиться? Ежели на злость человѣческую? Такъ вспомни сїю правду; что одинъ человѣкъ на услугу, и на пользу другому рожденъ. Самая [потому] справедливость, сего требуетъ; чтобъ одному, недостатки съ пороками другова, терпеливо сносить. Вѣдаешъ ли; что они по неволѣ грѣшатъ? Узнавши сїе, престанешъ себя мучить; когда вспомня разсудишъ, сколько тѣхъ людей до сего времени померло, и въ пепелъ обратилосъ; которые на свѣте живши, съ другими людьми великую вражду, и не примиримую ссору имѣли? То ли тебя озлобляетъ, что по порядку всеобщей натуры дѣлается? Представь себѣ тогожъ часа, сїе правило въ память. Провидѣнїе ли божїе, весь свѣтъ управляетъ; или все по случаю дѣлается? Тужъ минуту увидя, несумѣнно повѣришъ; что, [воистинну] промыслъ Всемогущаго, цѣлой свѣтъ сей непостижно правитъ: и онымъ, всесильно владѣетъ. болѣзнили, тѣлу твоему докучаютъ? Напомни себѣ то; когда душа твердо съ силою зберется, и крѣпость свою подлинно услышитъ: то она, съ тѣмъ жизненнымъ въ человѣке духомъ отнюдь не смѣшается; которой, отъ болѣзней мученїе: а отъ роскошей, подстрѣканїе терьпитъ. Къ сему, все то прибавь; что тебѣ люди, про эте обѣ страсти сказывали. Еще того не забудь, что ты въ книгахъ читалъ; или самъ на дѣле [въ практикѣ] видѣвши, за сущую правду призналъ. Разьвѣ тебя люблeнїе чести побуждаетъ? Подумай! Съ какою скоростью, все на свѣте въ забвенїе приходитъ! Представь себѣ въ мысль; непостижимую, и неизмѣримую бѣздну до тебя бывшаго: и по тебѣ, будущаго времени. Разсуди суету хвалы человѣческой! Подумай о неразумїи, съ непостоянствомъ норода; которой только думаетъ, будто онъ тебя хвалитъ; а самъ того не знаетъ, за что прямо человѣка хвалить; и для чего хулить. Разсмотри узкость того мѣста; которое твою похвалу въ себѣ заключаетъ. Сколько тѣхъ языковъ, кои тебя хвалятъ; и что они за люди? Тебѣ, больше сего дѣла не осталосъ; какъ только въ себя пришедши, по среди

объявленнаго предъ симъ жилища твоего, спокойно жить, прежде всего; перестань себя мучить, и запирать. будь свободенъ! На все свѣтское, такъ смотри; какъ крѣпкому, и совершенному мужу: какъ доброму гражданину, и смерти подверженному человѣку надлежитъ, и благопристойно есть. Между всѣми правилами; сихъ двухъ пунктовъ не забудь. 1. Ни какая вѣщь души человѣческой, сама собою не трогаетъ: но все ея состоянiе неподвижно пребываетъ. О чемъ мы безпокойство чувствуемъ; то приходитъ отъ онаго мнѣнiя, съ которымъ человѣкъ, объ этой вѣщи разсуждаетъ. 2. Все видимое тобою, во мгновенiе ока такъ перемѣнится; что уже его никогда больше не будетъ. Для подлиннаго о семъ увѣренiя, подумай; сколько уже ты, такихъ перемѣнъ на свѣте, своими глазами видалъ? Весь свѣтъ, всегдашная перемѣна; а жизнь наша, одно привидѣнiе. Но понеже между сими суетными пестротами, ни глазъ человѣческой глядѣнiемъ, ни ухо слышанiемъ, никогда не насыщается: а побужденiе прихотей, ни на одинъ день не перестаетъ; тобъ мы всеконечно пропали, ежели бы симъ ложнымъ свѣтиламъ по слѣдовали. Чтожъ намъ дѣлать, дабы спокойнымъ быть? За ранѣе привыкать; къ возможному сопротивленiю страстямъ, и прихотямъ нашимъ. Данное отъ Эпиктета къ сему важному дѣлу руководство, изъсамой практики взято; а состоитъ, въ слѣдующихъ словахъ. Обычай; [говоритъ сей Философъ] обычаемъ побѣждается. Дѣломъ исполненныя вожделѣнiи, глубокiя раны въ сердце человѣческое водружаютъ. Хотя ты этѣ язвы и залѣчишъ; однако отъ нихъ, такiя пятна остаются: которые опять скоро загноится могутъ, ежели за ними прилѣжно смотрѣть не станешъ. Ежели ты ко гнѣву сроденъ, или по привычкѣ склоненъ; то всего, и прилѣжно того берегисъ; что сiю страсть возбуждаетъ. Утиши себя на малое время, и сочти; сколько дней ты не сердился? Ты по своему нраву, ежедневно сердиться обыкъ; а буде два, или три дни, ни за что не злобился; то уже подлинной знакъ, что гнѣвъ твой убываетъ. Ежели увидишъ; что сего гнѣва съ яростью, цѣлую недѣлю у тебя не было: то сходивши въ Церьковь, за сiю Творца твоего милость, усердно по благодари. Сего дни я, ни о чемъ не печалился; И завтра, тужить не стану. А што какъ я, недѣль пять шесть съ ряду, то же дѣлать начну: не лутчель

мнѣ

мнѣ прежняго будетъ? Вчера видѣлъ я красавицу; только не подумалъ, и сего слова не сказалъ: щасливъ тотъ человѣкъ, хто сею красотою владѣетъ. Она меня, также манивши прельщала; какъ Пеньтефріева жена, Іосифа. Только и я, власно какъ сей цѣломудреной праотецъ, бога побоявшисъ; отъ этой безтыдницы удалился. Ежели ты въ себѣ спокоенъ, а богу пріятенъ быть желаешъ; то потщись, [тотъ же Эпиктетъ пишетъ] предъ богомъ, и предъ самимъ собою, чистъ быть. Философъ Платонъ; прихотливымъ людямъ, велитъ молится. Царь Каллимахъ, совѣтовалъ имъ; прилѣжно работать, воздержно жить: всегда о себѣ думать, и часто смерть помнить. Истинное о исправленіи своемъ намѣреніе; ежедневное въ трудѣ, и въ добродѣтеляхъ за обыкновеніе, подъ благословѣніемъ божіимъ: сильнѣйшую къ сему великому дѣлу помощь, подать можетъ. Много такихъ людей видано; которые отъ жестокой склонности къ роскошамъ, долговременнымъ воздержаніемъ, почти совершенно отъ нихъ отвыкли: а начало сему великому дѣлу, прилѣжною молитвою, и ежедневными трудами учинили. Вся сила въ томъ; дабы человѣку бога, прилѣжно помнить: а себя, обстоятельно знать. Совершенное руководство на укрощеніе страстей, съ похотьми; подаетъ намъ Израильской Царь Асафъ. Сей добродѣтельный Монархъ; природное наше честолюбіе, зависть, сребролюбіе, склонность къ роскошамъ, и ревность о временномъ процвѣтаніи беззаконниковъ; въ семдесятъ второмъ псалмѣ, пространно описалъ: а мы изъ онаго псалма, по приличности къ нашему дѣлу, слѣдующія слова его возмемъ. Яко разжжеся сердце мое, и утроба моя измѣнишася; и азъ уничиженъ быхъ, и не разумѣхъ. Скотенъ быхъ у тебе; и азъ выну съ тобою. Удержалъ еси руку десную мою, и совѣтомъ твоимъ, наставилъ мя еси; и сославою воспріялъ мя еси. Смиреннымъ признаніемъ немощей своихъ, и прошеніемъ у бога помощи, такъ укрѣпился; что весь свѣтъ, не надобенъ ему сталъ. Что бо ми есть на небеси; и отъ тебе, что восхотѣхъ на земли? Кротость душевная, отъ того происходитъ, что душа въ добродѣтельной волѣ своей возвысившисъ; а всю земную тлѣнность узнавши, обще съ Соломономъ скажетъ. Вся суть суета; и изволеніе духа. [прихоть.] Для сего що, языческіе учители; великодушіе съ мужествомъ, за толь

важную

важную добродѣтель почли: которая, духъ и сердце у человѣка, выше всего тленнаго возводя: а душу утѣшая, спокойною творитъ. Сія добродѣтель; утверждается на правѣдномъ познаніи вѣщей, и цѣны ихъ. Еще, на потеряніи малаго; ради пріобрѣтенія большаго добра. Она, зачинается бодрымъ намѣреніемъ; а совершается постоянствомъ. Мужество, побѣждаетъ двухъ соперниковъ своихъ; а имянно: дряхлость, и страхъ. Ежели человѣку, честолюбія своего на зло не употреблять; то оное же мужество, чрезъ отвѣрженіе всякихъ суетъ и тлѣнностей; великой миръ въ душе человѣческой причиняетъ, и производить долженствуетъ. Такіе способы, давали языческіе Философы своимъ ученикамъ; дабы они исполненіемъ Философскаго ученія, въ себѣ спокойны были: а дорогу къ высочайшему спокойству души, надлежало преодолѣніемъ страстей пріуготовлять. Для сей притчины, Пифагоровы ученики; прежде того спать не ложились, пока сами въ себѣ такого разсмотрѣнія не учинили: какъ много они чрезъ весь день, страстей своихъ укротивши побѣдили. Чемъ больше сего здѣлали; тѣмъ ближайшими себя къ великодушію, и къ душевному спокойству почитали. Здѣсь, никакихъ законовъ на сіе важное дѣло не предписывается; но кто бы опамятовавшись разсудить не похотѣлъ, въ чомъ прямая должность тѣхъ истинныхъ Христіянъ заключается: кои, отрицаніе всего свѣтскаго, за основоніе всему званію своему почитаютъ? Объ этомъ; во второй части сей книги, пространнѣе объявится; а теперь, надобно о томъ подумать; праведноль мы, того человѣка слѣпымъ почитаемъ: кто образа случаевъ, и состоянія приключеней своихъ; видѣть, чувствовать, и узнать не можетъ? А тѣмъ людямъ, какое уже имя дать; кто этѣ случаи и вѣщи, не тѣми; и не такими признаваетъ: каковы они въ самомъ дѣле? развѣ тотъ премудръ, кто самъ себя обманываетъ; а такой человѣкъ великодушенъ, кто взбѣсился? Тотъ уже конечно человѣчество забылъ, кто слѣпымъ страстямъ своимъ скотски послѣдуетъ; и безъ малѣйшаго супротивленія имъ повинуется. Все наше преимущество, въ томъ заключено; что бы человѣкъ въ дѣлахъ своихъ, разумно поступалъ: а тому бы, какъ главнѣйшему врагу своему противился; кто, или что: дражайшее сокровище наше, тоесть душевное спокойство, отнять у насъ похочетъ

Съ какимъ прилѣжаніемъ золотыхъ, и серебреныхъ дѣлъ мастеръ.

къ дѣлу своему надобныя металлы пробуючи, высоту доброты ихъ узнаваетъ: съ такимъ же раченïемъ и мы, опасаючисъ того; чтобъ наружней видъ, насъ непрельстилъ; отворя очи разума нашего, посмотримъ безпристрастно; существа, и состоянïя, всякихъ вѣщей на свѣте.

18.

За симъ безпристрастнымъ разсмотрѣнïемъ всякой вѣщи, должны мы мнѣнïе свое такъ обуздовать; дабы оно, всякую вѣщь такъ намъ казало: какова эта вѣщь въ самомъ дѣле, и въ состоянïи своемъ подлинно есть. При такомъ случаѣ; отъ правды, и отъ мудрости сïе зависитъ: что бы человѣку не обмануться, и ни чѣмъ себя не прельстить. Правда намъ сказываетъ, какая это вѣщь. Мудрость обьявляетъ, къ чему эта вѣщь способна; а ты своему мечтанïю, на подобïе такого адвоката, [стряпчей] отнюдь воли не давай: которой, и доброе хулитъ; и худое хвалитъ. Неправедное мнѣнïе, подобно такой волшебнице; которая умъ человѣческой, толь сильно ослѣпить можетъ: что онъ добра, и зла: неразпознаетъ. Между ложью, и правдою, такое различïе; какъ между землею, и между небомъ. Ложъ; утверждается на вожделѣнïяхъ, на мечтахъ, на зломъ обычаѣ, и на прелестной модѣ: а дерзость съ любопытствомъ, въ товарищахъ у лжи. Правда; [напротивъ того] имѣетъ твердое въ себѣ основанïе бога, всю тварь, разумъ, вѣчное право; и добрую совѣсть. Ложъ, безстыдна; а правда, скромна. Ложъ жестока, только безсильна; а правда тиха, но притомъ могущественна. Ложъ, прельщаетъ на лица зрѣнïемъ; а правда, побѣждаетъ тайною силою божïею. Ложъ, ослѣпляя насъ обманываетъ; а правда, просвѣщая увѣряетъ. Но понеже ложъ, со злымъ примѣромъ, такъ обманчива; что ложное праведнымъ, а злое, добрымъ кажетъ: то къ сему дѣлу, такое раченïе приложить должно; дабы мечта съ воображенïемъ, такъ не праведнаго мнѣнïя въ насъ не родила: которое всему состоянïю, и свойству вѣщей, со всѣмъ противно. Отъ воображенïя, родится мнѣнïе; а отъ мнѣнïя текущïе мысли, всю человѣческую жизнь управляютъ. Многïе ко лжѣ привыкшïе люди, весьма напрасно думаютъ; будто они все, и всегда правду говорятъ. По сему, видна жестокая сила мечтанïя ихъ. Горячкою лѣжавшимъ людямъ, такая мечта въ голову вселиласъ, будто они умерли; а

Какъ человѣку, мнѣнïе свое въ порядокъ приводить.

потомъ оздоровѣвши, нѣсколько лѣтъ жили. Для сихъ притчинъ, всею силою берегисъ, дабы тебѣ того за доброе не признавать; что вожделѣніе съ мечтою, мыслямъ твоимъ хвалитъ. Обманъ, никогда бы на свѣтъ не пришолъ; ежелибъ человѣческое мнѣніе, сію ложъ: подобіемъ правды, какъ покрываломъ не одѣвало. А понеже мнѣніе, чувствами поощряется; то всѣ его представленіи жестокостью, и жаромъ наполнены. За тѣмъ то сіе мнѣніе, душе нашей также не покаряется, какъ движеніе внѣшнихъ членовъ; но жестокимъ стремленіемъ своимъ, тихости разума сопротивляючисъ, всегда того ищетъ: какъ бы сего Царя въ головѣ, съ Престола его свергнуть; а самому бы мнѣнію съ суетою, да съ ложью соединясъ: на сей Престолъ взойти. буде сіе, [по не щастію] здѣлается; то ложное мнѣніе, всю человѣческую жизнь: безумно затвердѣлыми мысльми, мечтою, ложнымъ страхомъ, суетнымъ желаніемъ, и тщетною надеждою, сильно мучить станетъ; по примѣру той Галанки, которой не престанно казалосъ, будто она такъ обворожена: что сосѣдки во всѣ окна, и отовсюды на нѣе смотрятъ; кудабъ отъ нихъ не пряталасъ. Въ другой части сей книги, пространнѣе обьявится, что такое состояніе; темнымъ духамъ способъ къ тому подаетъ, что бы человѣка различными искушеніи, да мечтами мучить: а теперь должно намъ, отъ прелестей ложнаго мнѣнія, и мечты: сими правилами укрѣпиться. 1. Отнюдь къ тому не привыкай, что бы тебѣ по одному виду правды: но къ тому нравъ свой пріучай, дабы всегда по сущей истиннѣ; и по подлинному состоянію дѣла, и вѣщи: обовсемъ безпристрастно разсуждать. 2. Ничего не люби, и не почитай, кромѣ такова истиннаго блага: которому собственная твоя совѣсть, и другихъ людей печальная практика, [искуство дѣломъ] ни въ чѣмъ не споритъ, и прекословить не можетъ. 3. Не праведнаго, отнюдь за полезное не признавай; и добрымъ не зови. 4. Понеже природа наша, грѣхопаденіемъ къ тѣлесному прильнувши, естественную въ человѣке къ тому склонность, сильно умножила; то, такое благо, всегда подозрительнымъ тебѣ да будетъ: котораго твои чувства, безмѣрно желаютъ. 5. О верьховномъ твоемъ добрѣ; по самой лутчей части самого тебя, [душа] здраво и праведно разсуждай: а исправленіе души своей, выше всѣхъ тѣлесныхъ дѣлъ твоихъ почитай. 6 Ни общей, отъ всего свѣта принятой модѣ; ни затвер-

дѣлому мнѣнію худова воспитанія , ни злому обычаю , ни суетъ съ мечтаніемъ , ни ложному мнѣнію , отъ исканія истинной пользы души твоей ; отвращать , и удерживать себя не допускай. 7. Насупротивленіе мечтѣ , и прелестнымъ мыслямъ; всѣ свои силы употребляя , безпрестанно помни ; что конецъ твой , отчасу ближе подходитъ. 8. Все видимое на свѣте , такимъ почитай; какъ тебѣ объ немъ, при смерти своей разсуждать. Наружней видъ всего , что мы на свѣте не видимъ, занятъ отъ зажженнаго въ человѣкѣ мнѣнія ; а безумство , симъ ложнымъ видомъ : обманъ свой украшаетъ. Оно , по всякой день о томъ старается ; что бы лжамъ , да не правдамъ ; накладной , и притворной видъ правды придать ; а чрезъ сей бы злой способъ , все истинное благо , съ цѣлаго свѣта согнать. О семъ то , безуміе ; отъ созданія мира по нынѣ , ревностное стараніе прилагало : только въ суетныхъ и напрасныхъ трудахъ своихъ, желаннаго успѣху имѣть не могло. Главные у безумія помощники ; смѣльство , да наглость : къ этой тяжкой работѣ наняли полуученыхъ дураковъ. Развѣ ты думаешь ; что этотъ буйственной трудъ ихъ , въ нынѣшніе времена , желаемой успѣхъ и благословеніе отъ бога получитъ ? Ни какъ : и во вѣки того не будетъ. богъ и разумная природа ; ни какими силы и хитростьми , опроверьгнуть себя не допуститъ. Суду ; судомъ ; правдѣ , правдою ; благу , добромъ; а праведнымъ законамъ, до скончанія вѣка пребывать должно : хотя бы сто міліоновъ войска собравшисъ , и артилерію цѣлаго свѣта съ собою привезши ; непрестанно ихъ бомбардировали. Злые и безумные нападчики , симъ лукавымъ способомъ , сами себя скорѣе погубятъ ; а безсмертному благу , нималѣйшаго вреда здѣлать не возмогутъ. Льстецы да ласкатели , наконецъ ; всѣ коварства , хитрости , и мудрованіи свои проклявши ; въ должную честь превѣчной правдѣ , принуждены будутъ сказать. Тотъ человѣкъ крайней юродъ, кто безуміемъ себя ослѣпивши ; не возможное, возможнымъ здѣлать подумаетъ. Ежели бы кто пожелалъ настоящее щастье свое, которымъ человѣкъ превозносится ; или , печальми погружающее его не щастіе : безъ мечты , и безъ ложнаго мнѣнія, праведно разсмотрѣть; то бы суета мыслей ево , слѣдующею истинною Филисофскаго слова ясно открылась. Все состоитъ во мнѣніи. Желающему душу свою

вЪ непрерывномЪ спокойствѣ содержать, отнюдь не должно того допускать; дабы мнѣнїе сЪ мысльми его, кЪ случающимся припадкамЪ, что нибудь такое прибавляло, чего вЪ нихЪ нѣтЪ. НапримѣрЪ; ежели мнѣ скажутЪ, что имярекЪ меня бранилЪ: то я притомЪ оставшисЪ никогда уже не повѣрю, будто мнѣ отЪ того, подлинное зло здѣлалосЪ. Хотя мечтанїе, это мнѣ и внушаетЪ; только я ложнаго совѣта ево, отнюдь не послушаюсЪ. Другой мнѣ на ухо шепчетЪ; облыгаютЪ, и злословятЪ тебя. Это ко мнѣ не прильнетЪ, ежели только самЪ не подумаю; будто я симЪ оболганїемЪ или ругательствомЪ, подлинно озлобленЪ. СѣмЪ же я не стану того допускать, что бы мечта, разума моего не заглушала; а вЪ душу бы мою того не приводила, что во оную не принадлежитЪ. Это здѣлаю я для того; что мирЪ и спокойство души моей, симЪ способомЪ нарушиться можетЪ. Мечтанїе сказываетЪ, будто нѣкоторые припадки мнѣ вредны; а очень легко, статься можетЪ, что мечта: по свойству и обыкновенїю своему, меня обмануть хочетЪ; или уже, и дѣйствительно прельщаетЪ. Яже еще подлинно не знаю, внѣшней, или внутренной, этотЪ припадокЪ. Ежели онЪ внѣ меня; то ему во внутренности моей, дѣлать нѣчего. За чемЪ мечтанїю, то вЪ душу мою приводить; что во оную не принадлежитЪ? буде же припадокЪ, внутренней; то для чего ему, меня безпокоить? Душа; сама по себѣ, никогда недвижится: ежели еѣ, что постороннѣе не тронетЪ. Вода, сама собою всегда тиха; ежели вѣтрЪ, или брошенной вЪ неѣ камень, по неволѣ оную не всколеблетЪ. Мечту, и воображенїе; симЪ внутреннимЪ вѣтромЪ, назвать должно. Нетлѣннаго духа, никакая тлѣнность не трогаетЪ; ежели мечта, вЪ сїе дѣло не вступитЪ. Эта суетная посредница; щастью, и не щастью человѣческому, все развращенно совѣтуетЪ. Сїе мечтанїе, весьма праведно зовутЪ волшебнымЪ зерькаломЪ, которое ложною стѣнью образовательныхЪ случаевЪ, наступившїя человѣку припадки: то печальными, то радостными кажетЪ; для учиненїя насЪ чувствительными о томЪ, что не вЪ насЪ, и не наше. Кто не желаетЪ отЪ мечтанїя замученЪ, или обманутЪ быть; тому должно приходЪ сей мечты, силою разума одержать: или знающихЪ людей спросить, стоитЪ ли сїе труда: чтобы о знакомыхЪ, и обыкновенныхЪ вЪ жизни человѣческой припадкахЪ; безЪ рузсужденїя печалится! КЪ переломленїю силы у

воображенїя

вообраҗенія; три вѣщи надобны. 1. Воздерҗаніе самолюбія. 2. безпристрастное обо всемъ разсуҗденіе. 3. Что бы человѣку мыслію своею; далѣе перьвыхъ представленей, не забѣгать. Еҗели тебя кто злословилъ, такъ ты сего ругательства за озлобленіе себѣ не поставишъ, еҗели самолюбіемъ мучиться не станешъ: а разумной человѣкъ знаетъ, какъ мало сія мнимая обида до него касается. О чемъ мы печалимся, то внѣ; а не внутрь насъ. Наруҗнія вѣщи того не слышатъ, и чувствовать не могутъ; какъ мы на нихъ кричимъ, или сердимся. Одно только мечтаніе, такъ власно нами; какъ мама, или нянька, малыми дѣтьми играетъ. Какъ робенокъ, ногу или руку о камень себѣ ушибши заплачетъ; а нянька, на утѣшеніе дитяти, этотъ камень рукою шутя побьетъ: то робенокъ смотря на сіе, скоро умолкнетъ. Слабостью нравовъ своихъ, симъ дѣтямъ подобные люди: точно по сему примѣру, весьма лоҗно думаютъ: будто они печалью, или гнѣвомъ, наруҗнія вѣщи подвигнуть могутъ. Прямое безпокойство; не въ твоемъ умѣ, не въ чуҗомъ нравѣ, и не въ тѣхъ переменахъ, которымъ тѣло подверҗено. Откудыҗъ оно приходитъ? Отъ той части, которая внутрь тебя живучи, напрасно увѣрить хочетъ; будто однѣ вѣщи злы, а другія добры. Не давай мнѣнію своему воли; такъ и все хорошо будетъ. Обезпокоивающія насъ вѣщи; внѣ человѣка. Онѣ, почти всѣ бездушны; и тебя, ни чѣмъ не трогаютъ: да самъ ты себя мучишъ. Какъ же, отъ того уберечся? Смотри, и не пропускай того времени; когда ты, безовсякаго пристрастія опамятоваться моҗешъ. Къ сему дѣлу; надобно рачительное примѣчаніе, съ твердымъ намѣреніемъ. Мечта; обѣимъ имъ противится. Знаки ея, чувствительны; язвы, глубоки и болѣзненны: а образы съ представленіями; весьма человѣку пріятны. Еще самолюбіе свое воздерҗавши, на единѣ подумай. Кто, и что; я? Смерти, и тлѣнію подлеҗащей человѣкъ. Какое же праху, и пеплу, почтеніе отдавать долҗно? Когда душа моя; божественное, и небесное существо: то все земное, ничего ей здѣлать не моҗетъ. Что меня не умерщвляетъ, или злѣйшимъ не творитъ; то мнѣ не вредно. Ты уже состарѣлся; а спокойства, еще въ себѣ не имѣешъ: и такова неправеднаго мнѣнія до нынѣ не покидаешъ; будто внѣ тебя стоящія вѣщи, могутъ человѣку вредъ, или болѣзнь причинить. Тебѣ надобно, всякую вѣщь власно какъ до нага раздѣвши, по составамъ разобрать; для

усмотрѣнія худости, и ничтожества ея: а особливо въ то время, какъ мечтаніе такія вѣщи тебѣ представитъ; на которыя почти весь свѣтъ, безъ мѣры и безъ правды, высокую цѣну кладетъ. Разсмотря сіе, увидишъ что этѣ вѣщи, того же стоятъ: что за сырой, и не шлефованой хорошаго вида, только не прямо драгоцѣнной камень: дать надлежитъ. Ювеналъ пишетъ о такомъ человѣке, которой добродѣтельми своими, отъ всѣхъ общую хвалу получилъ; только со всѣми похвалами, бѣденъ остался. По сему видно; что вся слава и хвала человѣческая, бѣдное; и за тѣмъ уничтоженія достойное дѣло, что честному, а особливо добросовѣстному человѣку: при всѣхъ свѣтскихъ похвалахъ, съ голоду умереть надобно. И роскошъ, власно таковажъ. Она, весьма не то; что мечтаніе объ ней, ложно намъ сказываетъ. Да чтожъ она, такое? Роскошъ, есть увеселеніе человѣческой жизни; когда разумна, порядочна, и воздержна: а ежели мѣру превзойдетъ; то, ядовитѣйшая смертноубійца. Роскошъ, подобна водѣ; которая человѣка питая, утоляетъ жажду его: а буде человѣкъ мѣры не узнавши, въ глубину ея зайдетъ; то вода, его утопляетъ. Для сей важной притчины; вѣчная премудрость божія; сему дикому и свирѣпому звѣрю, [роскоши] желѣзныя удила, въ челюсти его положивши, въ самой натурѣ такъ узаконила: дабы чувствованію въ наслажденіи тѣлесныхъ роскошей, весьма кротку, и маловременну быть. Ѣства, до тѣхъ поръ вкусна; пока гортанью до желудка идетъ. Сладчайшее удовольствіе тѣла, всего человѣка умерщвляетъ; ежели не воздержно, и продлительно. Омерзеніе, да печаль; суть перьвыя и главнѣйшія слуги всякой роскоши: которая, больше въ зажженномъ мнѣніи состоитъ; а въ самомъ дѣле весьма не та, и отнюдь не такова; какою она, мечтѣ нашей кажется. Сія то роскошъ; жизнь нашу, весьма скоро разрушаетъ. Кто ею меньше наслаждается; тотъ долголѣтнѣе, здоровѣе, щасливѣе, и спокойнѣе будетъ. Для чего богатой, безпокойнѣе бѣднаго? По какой притчинѣ онъ въ тѣ поры спокойнѣе былъ, когда того богатства не имѣлъ; которымъ нынѣ владѣетъ? Чего ради, тотъ запасъ, днемъ и ночью его мучитъ; которой ему не надобенъ? Все сіе, для того дѣлается; что самолюбіе богача, мнимымъ не достаткомъ, всечасно терзаетъ. Изъ сего вы дорогой читатель, вторично видите; что мечта, съ лож-

нымЪ мнѣніемЪ, всему человѣческому нещастію притчина. Императора Марка Аврелія, сонЪ устрашилЪ. Только онЪ пробудившисЪ, весьма тому обрадовался; что это его безпокойство, сонное привидѣніе было. Мудрой Цесарь, и обо всѣхЪ случаяхЪ жизни своей подумавЪ, разсудилЪ; что приходящая отЪ нихЪ человѣку печаль, подобна страху соннаго привидѣнія. Для того ИмператорЪ, на утѣшеніе всѣмЪ печальнымЪ людямЪ; вЪ четвертой книгѣ нравоучительныхЪ разсужденей своихЪ, слѣдующее написалЪ. ПроснисЪ! И оброзумясЪ вспомни; что все, печаль тебѣ причиняющее: есть сонЪ. ПробудисЪ же пожалуй! И обо всѣхЪ случаяхЪ жизни твоей, такЪ власно, какЪ о прошломЪ снѣ своемЪ разсуждай: которой тебя, напрасно испужалЪ. ПотомЪ уже самЪ вЪ себѣ разсуди. Что это за вѣщь, которая меня такЪ безпокоитЪ? Суета, дуновеніе вѣтра чужая хвала, безумное мечтаніе, прелесное мнѣніе, горсть земли, будущая не извѣсность, настоящая мгла, и минувшая пыль. А я самЪ; что? ЧервямЪ пища, тлѣніе, земля, прахЪ, и пепелЪ. Ни одна бы хозяйка вЪ домѣ своемЪ, за разбитою не-нарочно порцелинную посуду, конечно не осердиласЪ; и служителей бы изЪ дому невыгнала, ежелибЪ здраво разсудила; что этотЪ глининой сосудЪ на то' зделанЪ, да бы самому разбиться, или отЪ людей разбитому быть; какЪ бы то ни здѣлалосЪ. Все, что человѣкЪ внѣ, и около себя ни видитЪ; то перемѣне, смерти, и тлѣнію подвержено. Ежели я кЪ нему привяжусЪ; то оно меня принудитЪ бояться, плакать, печалится, и жалобы приносить. УкрѣплюжЪ я душу мою правдою; а потомЪ, ни о какой тлѣнной, и мерзской вѣщи: не тлѣнныхЪ и прекрасныхЪ мыслей, имѣть не стану. ВЪ этой крѣпости сидя, никакой осады за тѣмЪ неиспужаюсЪ; что у сей цитадели крѣпкія стѣны, валы, и бойницы есть: а запасу, на нѣсколько лѣтЪ приготовлено. Но понеже вѣчная истинна, сила, и премудрость божія сама тутЪ; то сія крѣпость, отЪ всякихЪ набѣговЪ лжи, и суеты: никогда не опреодолѣна, и вЪ безконечныя вѣки не побѣдима пребудетЪ. Ежели тѣ вещи; которыхЪ не бытность, или присудствіе: страхомЪ или надеждою тебя мучитЪ, сами кЪ тебѣ не придутЪ; да ты принужденЪ будешЪ, самЪ по нихЪ итти: то по крайней мѣре, мнѣніе свое до тѣхЪ порЪ воздержи; пока уже ихЪ

предЪ

предъ собою увидя, собственной разумъ твой, на судъ не приведешъ. Онъ тебѣ про нихъ, такую правду скажетъ; что все этѣ вѣщи, самое тлѣнїе. Вода, пыль, и нечистота. Марморъ, земляная кожа; золото съ серебромъ, дрожжи да пѣна, изъ высокихъ горъ. Платьѣ твое, льняные нитки; шерсть, и волосы разныхъ звѣрей. Слава съ похвалою: пустой звукъ. А и вся твоя жизнь, тому же подобна. Приходитъ, и уходитъ. Скоро является; а скорѣе того ищезаетъ. буде уже ты такъ простъ, что мнѣнїе тебя одолѣвши; и съ мечтою соединясь, на Престолъ разума твоего сядетъ: то я тебѣ дружески совѣтую, безпрестанно такую мысль имѣть; будто ты щасливъ, и спокоенъ. Но притомъ напередъ тебя увѣдомляю; что мнѣнїе, по обыкновенному своему не постоянству: безъ тово долго сидѣть не можетъ, что бы у обладанныхъ имъ людей; голову закрутивши, совершенно бѣшеными: или уже на послѣднюю мѣру; вѣчными дураками ихъ здѣлать. Это губительное мнѣнїе, многихъ людей съ умомъ разлучивши, принудило о себѣ думать: будто они стекло, яицо, или испеченной пирогъ. Въ Лондонѣ; на содержанїе сихъ сумозбродовъ, построенъ великой домъ: а въ немъ былъ такой безумецъ, которой назывался великимъ Монархомъ. Стоящихъ передъ нимъ людей, за крестьянъ своихъ признавая; данными ему напропитанїе сухими бобами, власно какъ червонными: и на свое имя битыми ефимками, весьма гордо жаловалъ. Этотъ бѣдной человѣкъ; изо всѣхъ тамошнихъ дураковъ, потому щасливѣйшей безумецъ былъ: что мечта ево, нѣсколько лѣтъ сряду довольствовала; а другихъ людей, чрезъ день мучила.

19

Истинное и прямое разсужденїе.

Но понеже ни одинъ разумной человѣкъ; ложнаго спокойства, съ мечтателнымъ удовольствїемъ сего сумозброда, отнюдь не захочетъ; да естественнымъ образомъ, разумнаго удовольствїя всеконечно по желаетъ: то, надобно ему разсуждать; что мечтанїе, ложнымъ страхомъ да нуждою; и ево, также власно стращать, да мучить станетъ: какъ сумозброднаго Короля, прелеснымъ удовольствїемъ питало. Для сей притчины, долженъ человѣкъ; мнѣнїю своему, такую вѣчную правду передъ глаза поставить: которая бы самымъ искусствомъ,

ствомъ, [практика] отъ начала свѣта подтверждалась. Ему надлежитъ обо всякой вѣщи, такъ здраво разсуждать; какъ легко мечтанїе, чувствами къ тому движится: дабы человѣка ложною забавою, роскошью, или уже болѣзнью одолѣть. Чувствы, съ причиненнымъ отъ нихъ мнѣнїемъ; весьма пристрастныя, и отнюдь не довольныя судьи, по такому важному дѣлу: которое до истиннаго мира, и до спокойства душевнаго касается. Чувства, могутъ то знать; что горько, или сладко: кисло, или пряно; гладко, или шероховато; кругло, или угловато; близко, или далеко; движимо, или не поколебимо. Мечтанїе; можетъ изъ сего, образы или представленїи въ головѣ: а мнѣнїе, въ носу, да въ головѣ у человѣка; по движенїю чувствъ, разныя воображенїи здѣлать. Но о томъ уже, всѣ чувства разсуждать не въ состоянїи, что есть нравъ нашъ; что истинно, и право; что разумно, и совѣстно; что естеству человѣческому нужно, а душевному спокойству полезно. Чувствамъ сего, потому знать не льзя; что къ постиженїю этой глубины, надобна мудрость; а яснѣе сказать, подлинное вѣденїе о соединенїи дѣлъ и вѣщей божественныхъ, съ дѣлами и вѣщми человѣческими. По сему; всѣ тѣлесное съ богатствомъ, съ роскошью, и со всѣми честьми, въ очахъ здраваго разума: пустыми гороховыми стручками, да орѣховою скорлупою покажется. Къ познанїю истинны рожденной человѣкъ, будучи разумное созданїе, самъ себя повредитъ и обезпокоитъ, кой часъ чувствамъ, или мнѣнїямъ своимъ допуститъ: омерзѣнїе къ правдѣ, внутрь себя причинить. Для сего, должны мы спокойство свое тѣмъ поспѣшествовать; что бы намъ не по чувствамъ, ниже по мечтанїю: но по единой правдѣ, и по существу всякой вѣщи, самимъ себя спросить. Изъ чего, и откуды то произходитъ; что меня мучитъ, и безпокоитъ? Изъ какой матерїи оно составлено? Во что по маломъ времени обратится? На что, и къ какой пользѣ здѣлано? Какое согласїе съ цѣлою тварью имѣетъ? Какъ съ совѣтомъ; а особливо съ честїю, и со славою Творца сходствуетъ? Что у меня сей часъ на умѣ? Изъ чего оно составлено; и какъ долго пребываетъ? Какую бы мнѣ добродѣтель, на супротивъ ему поставить? Кротость, мужество, правду, вѣрность, или спокойство со удовольствїемъ? Отъ бога ли оно; и слѣдство ли, божїимъ провидѣнїемъ уставленыхъ причинъ?

человѣческое ли это дѣло? Они мнѣ братья. Равно со мною смерти, тлѣ, и не вѣденію подлежатъ. Часто сами не знаютъ, и о томъ не думаютъ, что дѣлаютъ. Очемъ же я печалюсь? Въ моей ли оно власти? Убавитъ ли моего спокойства, или прибавитъ? Что о сихъ дѣлахъ и вѣщахъ богъ глаголетъ; и что про нихъ умныя люди говорятъ? Ежели мое безпокойство отъ меня пришло; такъ по что мнѣ другихъ людей въ томъ обвинять? буде я къ страстямъ своимъ то прибавливаю, чего у нихъ нѣтъ; такъ самъ я въ томъ, а не иной кто виноватъ. Не безумноль это мнѣніе будетъ, когда человѣкъ о вѣщахъ иначе, а не такъ разсуждать станетъ; каковы оныя въ самомъ дѣле? Не прямоель это бѣшенство, когда мы сами себя мучимъ; а ко утѣшенію своему премногія способы имѣемъ? Для чего мы, не уподобляемся пчеламъ; и не собираемъ меду, со всѣхъ цвѣтовъ жизни нашей? За чѣмъ не разсматриваемъ ту мудрость; которая глубокія притчины промысла и соизволенія божія, во всѣхъ случаяхъ учредила? По что мы ко удивленію превѣчной истинны; и ко изслѣдованію Святыхъ ея совѣтовъ съ намѣреніями, а нашей суеты и ничтожества: въ слѣдъ за нею нейдемъ? Чего ради мы о вѣщахъ; лутче по общему слуху, и мнѣнію въ народѣ: нежели по свойству, и по состоянію ихъ разсуждаемъ? Но понеже разумъ нашъ, грѣхомъ ослабъ и умалился; то онъ, тогда въ состояніе придетъ, обо всякой вѣщи безпристрастія, и праведно разсуждать: какъ ты кратчайшую дорогу къ истинному благополучію взыщешъ: А когда это будетъ? Въ то время; какъ разумъ нашъ всякое ложное, и заблуждающее мнѣніе отложитъ. Какъ сіе здѣлать? Ежели ты страстямъ своимъ запретишъ; чтобъ онѣ, кромѣ истиннаго твоего блага, никакого зла не желали. Для сей притчины; жестокость страстей нашихъ, должна человѣку до тѣхъ поръ подозрительною быть: пока тихой разумъ, изъ рукъ безпокойнаго шуму мятежныхъ страстей вырвавшисъ; обо всѣхъ страстяхъ праведно, и безъ всякаго пристрастія разсуждать начнетъ. Сей путь [съ милостью и помощію божіею] самой прямой, а къ благополучію нашему лутчей будетъ: ежели не страсти разумомъ одолѣютъ, да онъ ихъ побѣдивши, власть надъ ними возьметъ. Вожделѣніе, такъ мною овладѣло; что я о добрѣ и помыслить не могу. Огненное мечтаніе, затменяетъ умъ мой; а мнѣніе съ прихотьми, надъ душею моею, верьхъ и волю взяло.

Очень

Очень это другъ мой, худо; что ты сiе зло, такъ давно, и глубоко запустилъ. Только это еще къ особливой тебѣ пользѣ служитъ, что ты болѣзнь свою чувствуешъ. Пожалуй же ободрисъ; и собери душевныя твои силы, на освобожденiе себя отъ духовной болѣзни. Ко облегченiю человѣку то главная надежда, что болящей, немощь свою чувствуетъ; а это къ выздоровленiю первая ступень, ежели раненой руку протянувши, пластырь къ язвамъ своимъ самъ приложитъ. буде у тебя надежной другъ есть, то открой ему печаль, и тугу сердца своего; а ежели безъ друзей живешъ, то перегнувши бѣлой листъ бумаги вдоль по поламъ: напиши реэстръ всѣмъ твоимъ печалямъ. Прочитавши эту роспись; вздохни, и по плачъ. Потомъ слезы свои отри, и первой пунктъ росписи прочитавши, по думай; нѣтъ ли на него утѣшенiя? Ежели найдешъ; то, противъ перьваго пункта по челобитью своему, отвѣтъ напиши: и такъ со всѣми пунктами поступай. Всѣ пункты очистя; и съ отвѣтами, еще прочти. Здѣлавши сiе, увидишъ; что утѣшенiи, гораздо сильнѣе жалобъ твоихъ. Нѣкто изъ друзей моихъ; симъ даннымъ ему отъ меня совѣтомъ, отъ глубокой меланколiи вылѣчился: а и тѣмъ людямъ, власно такой же пользы желаю; кто сей рецептъ мой, на излѣченiе печалей своихъ, разумно употребитъ. Къ такому ихъ состоянiю; слѣдующiя Сократовы слова приличны. Что вы бѣдные люди дѣлаете? Вижу; что вы какъ слѣпые, осязанiемъ рукъ своихъ ходите. Развѣ тамъ благополучiя моего ищете, гдѣ его не бывало; Или вы думаете, будто оно въ тѣлахъ вашихъ живетъ? Вспомнитѣ Мироновы, да Озелiеровы жалобы. Развѣ вы мыслите; будто въ деревняхъ, да въ пожиткахъ, все блаженство ваше заперто? Тутъ его, всеконечно нѣтъ; и во вѣки не будетъ. Вспомните Креза. Смотрите; какъ богачи, ежедневно вздыхаютъ! Не въ высокихъ ли вы достоинствахъ, все щастiе свое найти чаете? Напрасно вы друзья мои; этою мечтою себя мучите! Глазамъ ли вы своимъ, или объявленiю сихъ мученыхъ людей вѣрить хочете; которые за высокой чинъ, и достоинство свое, не сказанными трудами, и всечаснымъ страхомъ окружены? Можетъ статься, что Королевская власть все поглотила? Воистинну ни какъ! Ежелибъ сiе было; такъ бы Сарда напала, на Нерона, по этой высокой власти, щасливыми звать надлежало.

жало.

жало. Хотя Агамемнонъ, добродѣтельнѣе всѣхъ Греческихъ Царей былъ; однако ни въ одной исторіи того не видно, что бы кто благополучнымъ его имяновалъ. Чтожъ Агамемнонъ въ тѣ поры дѣлаетъ, какъ другіе спятъ и покоятся? Онъ на себѣ съ печали волосы деретъ; а притомъ непрестанно воздыхая, говоритъ. Страхъ, и печаль, такъ сердце мое терзаетъ; что я сихъ жестокихъ мукъ, терпѣть болѣе не могу. Кто всякую вѣщъ; по мѣре удаленія ея отъ спокойства, отъ бога, отъ неба, отъ твари, и отъ вѣчнаго блаженства размѣряетъ; тотъ человѣкъ, весьма инако ихъ найдетъ: нежели тѣ люди, которыя мимоходомъ, въ очки мечтанія, на этѣ вѣщи смотрятъ. Пожалуй же; разсужденіемъ своимъ, о видимомъ благополучіи людей свѣтскихъ, отнюдь не спѣши, и не заблуждай: но суди, судъ праведной. У всякой вѣщи, власно какъ двѣ руки; а сила вся въ томъ, какъ за этѣ рукоятки взяться. Злое вострѣе; также свою красоту, и пользу имѣетъ. Львовы зубы, терновникъ, крапива, да полынь; по природѣ и порядку ихъ, весьма изрядны; а въ натурѣ, очень надобны. Алойная горесть; да уксусная кислота; къ такому же употребленію, не обходимо нужна. Кто по сему правилу, обо всякой вѣщи, или о каждомъ дѣле праведно разсуждать хочетъ; тому, силу и свойство всѣхъ вѣщей основательно знать надлежитъ. Не такъ бы во нравѣ, и въ сердцѣ его дѣлалосъ, какъ на республиканскихъ собраніяхъ или сѣймахъ; гдѣ, то дѣло за лутчее почитается: которое въ шуму, да въ крику, по большинству голосовъ рѣшено. По намѣренію; тѣ вѣщи роду человѣческому вреднѣйшія, которыя, почти цѣлой свѣтъ, за пріятныя и полезнѣйшія: только не праведно признаваетъ. Между людьми, не такъ исправно дѣлается; что бы лутчеѣ множайшему числу народа нравилосъ. Соглашающееся число лутчихъ, и разумнѣйшихъ людей; пользу, въ этомъ случаѣ и обстоятельствѣ: подозрительною признаваетъ. Сократъ; во лжи и въ не правдѣ застарѣлыя мнѣніи: стукотными привидѣніями, и робячьими пужалами, справедливо называлъ. Не станемъ же того спрашивать, что у людей въ на и большемъ употребленіи; да то единственно разсмотримъ, что лутчее: а душамъ нашимъ, полезнѣйшее. Остановимся, надъ собственнымъ состояніемъ своимъ. На него по смотря, здраво разсудимъ; нѣтъ ли въ немъ чего нибудь такого, что бы насъ утѣ-

утѣшить : или бы другимъ людямъ иначе , нежели самимъ намъ казаться могло ? Лошади , боятся стѣни ; а мечтаніе, можетъ насъ такими ложными вѣщми испужать : которыя въ самомъ дѣле ни что , и малѣйшаго страха въ себѣ не имѣютъ. Потщимся же о себѣ , и обо всѣмъ на свѣте ; здраво , безпристрасно , и по самой правдѣ разсуждать. На и болѣе по стараемся того искать , что непремѣнное спокойство въ себѣ содержитъ ; а тому отнюдь не станемъ вѣрить : что народъ о пріятности забавъ и веселія, не знаючи говоритъ. Всѣ этѣ суеты до души пройти , и долго пребывать не могутъ. Я , именованіемъ народа ; не по наружнему виду поступаю. По сей внѣшности , надлежало того желать ; что бы во многихъ лицахъ , и подъ множествомъ богатыхъ одеждъ , подлой души не было. Мнѣ ; ни краснаго лица , ни богатаго платья , какъ въ примѣръ поступкамъ : такъ и въ судьи по важному дѣлу , взять не возможно. Мы , отъ поврежденія природы своей , наподобіе легкова дерева ; не противъ рѣки , да въ низъ по водѣ плыть обыкли. Для сей притчины , должно намъ здравому разуму послѣдовать ; ежели не хотимъ , со знатнѣйшимъ множествомъ въ погибель итти : и безумнымъ скотамъ уподобиться. А буде мы пропасти сего безпамятства не обойдемъ ; то , въ не обходимое заблужденіе , и въ ту не избѣжную тѣсноту придемъ , гдѣ другъ черезъ друга валяемся : а ни одинъ безъ того не упадетъ , что бы десяти человѣкъ съ собою не повалить. Это , обыкновенной конецъ тѣхъ людей ; которые лутче по новой модѣ , и по неправедно принятому обычаю жить , нежели здравому разуму слѣдовать : и лутче прелестнымъ свѣта сего росказамъ вѣрить , нежели обо всемъ здраво разсуждать хотятъ. За тѣмъ то они сами себѣ, мечтательное не щастіе, прежде времени выдумываютъ ; а того еще на дѣле [на практикѣ] не видали , подлинноль они безщастны. Намъ отъ этой прилипчивой болѣзни, до тѣхъ поръ не вылѣчится ; пока мы на себя, чужими глазами смотрѣть не перестанемъ: тоесть; до коихъ поръ по общему слуху , и по народнымъ скаскамъ : о собственномъ щастьѣ , и о не щастіи нашемъ , разсуждать будемъ. Въ людяхъ , отъ того главное безпокойство ; что думаютъ , будто они и подлинно таковы бещастны : какъ другіе , безщастными ихъ называютъ.

20.

Прямое мнѣніе. Человѣку несравненно лутче, и полезнѣе; что бы онъ здравому разуму послѣдуя, только то вреднымъ признавалъ: что всему роду, и естеству человѣческому вредно. Сіе то разумнѣйшіе язычники, за лутчее поспѣшествованіе спокойства признавши; велѣли намъ, по натурѣ жить. Но сіе, не о испорченной или развращенной; да о разумной природѣ мудраго человѣка, разумѣть должно. По натуре жить, называется то; что бы человѣку жизнь свою разумно, порядочно, и воздержно вести. Нужды своей, большею того не дѣлать; какъ умная природа требуетъ. Въ пользу человѣческаго общества, и по волѣ божіей; а не вопреки, или въ противность ей жить. Ничево того не желать, что человѣку не надобно; а того не бояться, что всякому изъ насъ случится можетъ, и должно. Ни чему тлѣнному себя не порабощать. Тѣло свое; пищею, питьемъ, и одеждою, такъ довольствовать: чтобъ оно, душу не умертвило. Цесарь Маркъ Аврелій; изъясняетъ сіе въ четвертой своей книгѣ, сими словами. Не печалься о томъ, что другіе люди дѣлаютъ; да того больше смотри, куды разумная природа тебя ведетъ. Всеобщею натурою, разумѣю я бога; и тѣ случаи, которые онъ, изъ Святой воли своей на тебя посылаетъ. Симъ же словомъ, разумѣю и собственную твою природу, съ тою должностью; которой, умное естество отъ тебя требуетъ. Всякая вѣщь, къ нѣкоторой должности прïобязана; а всѣ твари, на услугу человѣку созданы. Для сего то; не совершенное, совершеннѣйшему служитъ. А понеже одно разумное созданіе, ко услугамъ другова сотворено; то, первая человѣческая должность, въ томъ: дабы онъ цѣлому обществу, тоесть всему роду человѣчу, полезенъ былъ. Другая ево должность, та; дабы человѣкъ, плотскимъ вожделѣніямъ своимъ не поддавался: и отъ нихъ бы, побѣждаемъ не былъ. Сія то разумная природа, отъ всякаго изъ насъ того требуетъ; дабы человѣкъ, по часту въ себя приходилъ: а чувственнымъ поощреніямъ, и тѣлеснымъ страстямъ, для того бы не покарялся; что онѣ, безумнымъ скотамъ свойственны. Разумной душе; свойственно и прилично, самой собою владѣть: а отнюдь, и ни у кого въ порабощеніи не быть. Сіе, принадлежитъ ей, по такому

праву; что разумъ, на то человѣку данъ: дабы всѣми чувствы и страстьми своими, державно властвовать. Третїе свойство разумнаго естества, то; дабы умному человѣку, отъ прелестей и обмановъ, прилѣжно себя хранить. Кто сїе право, крѣпко за собою удержитъ; тотъ поди съ миромъ, и подлинно себѣ вѣдай: что онъ въ естественныхъ границахъ, разумной природы своей исправно, и благо ходитъ. богату, славну: благородну, и роскошну будучи; довольство такихъ вѣщей имѣть, которые народъ высоко почитаетъ: всѣ это, не совершенства натуры. Ежелибъ они, Подлинные свойства разумнаго естества и созданїя были; тобъ, ни одному человѣку отъ нихъ воздерживатся: также бы ихъ презирать, и противится имъ, не надлежало. Вопреки сему видно; что тѣхъ людей хвалятъ, и щастливыми зовутъ: кто помянутыхъ внѣшностей, меньше простова народа употребляетъ. И мы, тѣхъ мудрость любящихъ, за добродѣтельнѣйшихъ людей справедливо почитаемъ; которые такихъ наружныхъ вѣщей, добровольно отрѣкаются. Хотя Крассусъ, перьвѣйшей въ Римѣ богачъ былъ, однако ево за безумїе, до нынѣ порицаютъ. Неронъ, былъ сильной Цесарь; но за страшные сего тирана беззаконїи, цѣлой свѣтъ, по сю пору ево проклинаетъ. При его владѣнїи, жилъ Эпиктетъ; храмой и бѣдной холопъ: котораго до нынѣ за умнаго, кроткаго, и за добродѣтельнаго мужа; несравненно больше Нерона, праведно почитаютъ. Императоры, Короли, и славнѣйшїя Принцы; Эпиктетовы книги, чрезъ тысячу шесть сотъ лѣтъ, съ великимъ удовольствїемъ читая, справедливо хвалятъ. Многїя тысячи разумныхъ людей, безпристрасно увѣряютъ; что отъ прилѣжнаго чтенїя книгъ сего Философа, и отъ рачительнаго по онымъ исполненїе; [за помощїю божїею] великое себѣ спокойство получили: а сколько сотъ великихъ, знатныхъ, и роскошныхъ людей, между тѣмъ забыто? Изъ сего, можете дорогой читатель усмотрѣть; что власть, сила, роскошъ, богатство, и честь, за тѣмъ не подлинная благая: что онѣ, владѣющихъ ими; еще на землѣ, и во временной жизни, очень не на долго спокойными творятъ. Потому явствуетъ; что бѣдность, съ незнатнымъ чиномъ и житьемъ, отнюдь не зло: потому, что она Эпиктету не помѣшала, въ жизни его кротку, и добродѣтельну быть; а по смерти, отъ разумныхъ людей вѣчную похвалу,

праведно снискать. Самой природѣ разумнаго человѣка противно, о такихъ вѣщахъ печалится; которыхъ отчужденіе, великая добродѣтель: а лишеніе, особливое благополучіе. Изъ тогожъ оказывается; какъ свободно, весело, благодушно, тихо, и радосно спокойство того человѣка: кто по своей разумной природѣ живетъ. Еще можно сказать; когдабъ тлѣнныя вѣщи, истинное благо были: тобъ ни одинъ человѣкъ, съ радостію того не вспомнилъ, сколько онъ роскошей, и болѣзней преодолѣлъ: сколько славнаго на свѣте презрилъ; и какъ многимъ людямъ за ихъ зло, доброе воздалъ. Сіе видя, и познавъ; перестань душа моя, сама себя ругать! Душевное бещестіе, то; когда человѣкъ о такихъ вѣщахъ печалится, которыя хуже, и подлѣе души его. Не строй благополучія своего на суетѣ, и на тлѣнности чужой хвалы; а того, отнюдь не желай: что не подлинное твое благо. Прямое добро, то; что тебѣ разумному созданію, не вредно. Что разумную душу вредитъ, то человѣку худо; какое бы мнѣніе свѣтскія люди объ немъ ни имѣли. Отнюдь себѣ того не думай; будто ты и худое добрымъ здѣлаешь, какъ только въ свои руки получишъ. Ты еще, вѣсу у суеты; и тягости у злова обычая, не знаешъ. Въ глубокую рѣку, далеко не ходи; утонешъ. Кто самъ на страхъ идетъ, тотъ скоро погибнетъ. Потщимся же, о семъ важномъ дѣле такъ здраво разсуждать; что бы намъ, самимъ себя не обмануть. Что человѣка лутчимъ, и отчасу совершеннѣйшимъ творитъ; то его истинное, и подлинное благо: а что его злѣйшимъ дѣлаетъ, то человѣку сущее зло. Ежели меня внѣшнее благополучіе; благодарнымъ, любовнымъ, благотворительнымъ, кроткимъ, милостивымъ, и осторожнымъ учинить можетъ: то оно истинное, и великое благо. Буде же меня внѣшнее щастьѣ; бестрашнымъ, гордымъ, не воздержнымъ, суетнымъ, мучительнымъ, безбожнымъ, и беззаконникомъ творитъ: то сіе крайнее и горшее мнѣ зло, что я щасливъ. А и съ нещастіемъ, власно тожъ обстоятельство. Ежели оно человѣка не терпеливымъ, ропотательнымъ, завистливымъ, мятежникомъ, скучливымъ, и отчаяннымъ творитъ: то не щастіе: подлинное зло. Буде же человѣкъ отъ не щастія своего кротокъ, терпеливъ, целомудренъ, тихъ, и спокоенъ здѣлается; то, не щастье: совершенное благо, и крайняя ему польза. Ежели безпристрастно разсудить;

то

то изъ цѣлой сотни, всеконечно девяносто пять человѣкъ такихъ людей выберется: которымъ такъ называемое щастье, гораздо больше бѣдъ, и вреда; нежели не щастїе здѣлало, стануже я житьемъ и состоянїемъ своимъ, для того довольствоваться; что оно спокойно, и безопасно. Мнѣ это даромъ, и очень не нужно; что оно меня знатнѣе, и богатѣе нынѣшняго не учинитъ: да только бы внутренне, лутчимъ здѣлало. Въ томъ намѣренїе всѣхъ лутчихъ, и разумнѣйшихъ людей. Дорогой нравъ ихъ, подобенъ тинктурѣ; [составъ у лѣкарей, и у химиковъ] которая желѣзо, золотомъ обращаетъ. Онъ же равенъ съ мудрою пчелою; которая, со всякихъ вѣщей и цвѣтовъ, медъ збираетъ. Для чего я о такомъ состоянїи печалюсъ; изъ котораго мнѣ все можно здѣлать, что самъ по желаю? Ежели житье мое, не изъ лутчихъ, то равнодушїе, терпѣнїе, и спокойство души моей, эту жизнь спокойною, а мнѣ сносною здѣлать можетъ. Человѣкъ, не тѣмъ живетъ, что у него всево много; да тѣмъ богатъ; что малымъ доволенъ. Перьвой Ахавъ, да другой Аманъ, учатъ насъ тому; что не чинъ, и не достоинство: да единой нравъ, человѣка во всей жизни его спокойнымъ; или безпокойнымъ творитъ. Хотя у Израильскаго Царя Ахава, всего преизобильно было; только онъ несытствомъ разболѣлся. Хотя Аманъ, у Монарха своего Персидскаго Царя Артаксеркса въ крайней милости, и въ верьховномъ достоинствѣ находился: однако ни чѣмъ не насытная, и не преодолѣнная гордость ево тому притчиною была; что Аманъ, всею честїю и славою своею не довольствовался. Посредствомъ жестокихъ вожделѣней, на престолъ разума сихъ безщастныхъ людей взошедшее мечтанїе, такїя безпокойныя мысли въ нихъ произвело; отъ которыхъ вся жизнь ихъ, бѣдною учиниласъ. Ахавъ, и Аманъ, оба съ начала думали; что богатства и чести, желанїю ихъ предовольно будетъ. Но при концѣ; несытое желанїе суетнаго имѣнїя, одного изъ нихъ [Ахава] въ опасную болѣзнь: а другова [Амана] не побѣдимая гордость съ упрямствомъ, на виселицу привело. Желающему спокойнымъ быть; должно обо всякой вѣщи безпристрастное мнѣнїе, и здравой разсудокъ, для того всегда въ памяти имѣть; что мнѣнїе, всю жизнь человѣческую управляетъ: а къ покою, или къ безпокойству, великую помощъ подать можетъ. Человѣку прямое мнѣнїе, еще съ самой молодости его потому весьма нужно; что отъ него,

худыя, и добрыя мысли родятся. Симъ то здравымъ обо всякой вѣщи мнѣнїемъ; должно человѣку отъ ложныхъ, а особливо отъ застарѣлыхъ во всякой худобѣ мысляхъ, за ранѣе себя охранять: дабы продолжающейся обычай, со временемъ такъ ихъ не ожесточилъ; что уже отъ нихъ избавиться не льзя, и нѣчемъ будетъ. Къ сему надобно рачителное примѣчанїе; твердое и постоянное намѣренїе; и мудрое разсужденїе, съ правдолюбивымъ сердцемъ. Тогда уже разуму нашему не трудно будетъ, всю славу свѣта сего пересмотря; всякой передъ него приходящей вѣщи сказать. Ты, то; а ты, это. Ежели золото, и зеленую мѣдь или томпакъ передъ тебя положатъ; то по смотря на нихъ скажешъ. Это золото; а то, мѣдь. Хотя одно также какъ и другое свѣтится; только цвѣтъ, и проба, различїе доброты ихъ ясно кажетъ. Какъ человѣку того здѣлать нельзя, что бы многїя вѣщи, ложнаго на себѣ вида не имѣли; такъ и то не возможное дѣло, дабы всѣ камни и препятства, съ дороги такъ очистить; что бы человѣку, ни за что не запнуться. Но то одно въ нашей силѣ; дабы къ дальней дорогѣ, такую добрую и неспотыкливую лошадь себѣ промыслить; что бы человѣку по горамъ, по буграмъ, по ямамъ, по кочкамъ, и по среди боераковъ; крѣпче въ седлѣ у сидѣть. Всякаго рода кривые [не праведныя] толки, и мнѣнїи; можно уподобить буграмъ, кочкамъ, и камнямъ, объ которые страсти наши съ вожделѣнїями, очень часто запинаются. Для сей притчины, Царю тѣла человѣческаго; [умъ] сихъ безумныхъ лошадей, правымъ и безпристрастнымъ мнѣнїемъ, во всегдашнемъ обузданїи крѣпко держать должно; дабы человѣку не упасть, и не убится. Всѣ вѣщи на свѣте, такого состоянїя; что прямымъ ихъ употребленїемъ, добры; а отъ не праведнаго употребленїя, злы бываютъ. Возьми ножъ за черенъ, такъ можешъ имъ рѣзать; а буде за вострѣе ухватишъ, то руку себѣ порѣжешъ Для чего намъ той силы и пользы къ лутчему не употреблять, которую самъ богъ разуму нашему даровалъ, на взятїе всякихъ вѣщей такъ; чтобъ онѣ намъ, какъ можно меньше вреда дѣлали. Къ сему, очень много помогаетъ доброе обо всѣмъ на свѣте случающемся мнѣнїе; въ которомъ все на внѣшнее и на внутреннѣе благо раздѣляется: по состоянїю человѣческаго существа въ душе, и въ тѣле. Первые, называются тѣлесныя: а другїе, душевная благая. Тѣла, и житїя

нащего

нашего припадки; суть внѣ человѣка. Хотя они и не въ нашей силѣ; однако притчиною страстей, и многихъ вожделѣней человѣческихъ: а имянно; любви, ненависти, надежды, и страха. Жизнь, пропитанїе, здоровье, сила, веселье, честь, красота, слава, и богатство; суть причины человѣческой любви, или надежды. Вопреки тому; бѣдность, голодъ, нагота, презрѣнїе, подлость, стыдъ; ругательство, болѣзнь, мерзость, печаль, оскорбленїе, нападки, изгнанїе, лишенїе сродниковъ и друзей, а наконецъ и самая смерть: суть притчины человѣческой ненависти, страху, и омерзенїя. Изъ сего сокращенїя естественныхъ нуждъ, и телесныхъ благъ нашихъ, ясно можемъ видѣть; что намъ ихъ, во всю жизнь свою больше боятся, нежели уповать надлежитъ: для того; что все на свѣте въ неизвѣстности; да въ переменахъ состоитъ. Тѣже свѣтскїя вѣщи, не въ нашей силѣ; а наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ человѣку ненадобны. Много бы это намъ помочи подало; ежелибъ мы между надобнымъ, и не нужнымъ, прямое различїе здѣлали. О надобномъ бы такое мнѣнїе имѣли; чтобъ оно, какъ на и меньше насъ мучило. Чрезъ перьвое; можемъ мы у страстей своихъ, отнять способъ къ мученїю насъ: а другое, научитъ человѣка тому; какъ въ необходимыхъ нуждахъ маловременной жизни нашей, кротко, и спокойно поступать. О внѣшнихъ благихъ тѣла; и житїя нашего, предъ симъ уже сказано; а теперь, о внутренныхъ благихъ души нашей, умолчать не должно. Мудрость, остроумїе, правда, познанїе добра, и зла; обращенїе воли своей на истинное благо; кротость, благость, милосердїе, разумная любовь, воздержанїе страстей, великодушїе, и душевное спокойство: суть дѣла, и плоды духовныя. Хотя число ихъ, гораздо меньше тѣлесныхъ благихъ; только они долговѣчнее, и важнѣе: а притомъ самобытные существа, и подлинное благо души человѣческой. Они, [подъ благословенїемъ божїимъ и за его всесильною помощїю] въ нашей силѣ; а при употребленїи тѣлесныхъ благихъ, всѣ одно дѣйство имѣютъ. Для сего должно намъ; тѣлесное, по духовному учреждать; а о тѣлесномъ, отнюдь такого мнѣнїя не имѣть: за тѣмъ, что оно духовному, со всѣмъ противно. Мы; главное старанїе свое о знатнѣйшемъ, приложа, здѣлаемъ различїе между такими вѣщми; изъ которыхъ одни, по высочайшей мѣрѣ восемдесятъ лѣтъ пребываютъ; а другїя, вѣчны. Намъ должно за ранѣе то примѣчать,

какЪ тѣлесныя вѣщи, жизнь нашу безпокоятЪ; а духовныя, спокойство наше поспѣшествуютЪ: во временной, и вЪ вѣчной жизни. У кого свободной рузумЪ, и постоянной нравЪ, тотЪ скоро опамятовавщисЪ; ничему внѣшнему, больше того силы и власти не дастЪ; сколь имЪ принадлежитЪ. СимЪ здравымЪ разумомЪ одаренной человѣкЪ, самЪ себѣ скажетЪ. Здоровому глазу, должно на все смотрѣть; а тово отнюдь не говорить, я только на одну зелень глядѣть стану. Это, однѣмЪ худымЪ; и подслѣповатымЪ глазамЪ прилично. Здоровому желудку, должно всякія вѣщи варить; такЪ власно какЪ мельницѣ, всякаго званія хлѣбЪ, безЪ разбору молоть: каковЪ бы онЪ жестокЪ, и крупенЪ ни былЪ. ТакЪ точно разумному, и великодушному человѣку; надлежитЪ всечасно готовиться, кЪ сношенію всякихЪ приходящихЪ на него случаевЪ. А ежели онЪ изЪ нѣжившисЪ, станетЪ говорить; когдабЪ всѣ дѣти мои живы были: когдабЪ меня хвалили, когдабЪ я благодаренЪ, честенЪ, славенЪ, богатЪ, и знатенЪ былЪ: то сей человѣкЪ уподобиться больнымЪ зубамЪ, которые кромѣ каши, да киселя; ничего жоскаго, ѣсть не могутЪ. Сей важной пунктЪ, надлежитЪ мнѣ; слѣдующими Императора Марка Аврелія [вЪ 6 мЪ. и вЪ 7 мЪ. пунктѣ третей книги] словами заключить. Ежели ты на семЪ свѣте живучи, что нибудь лутче правды, и правосудія; лутче воздержанія, и мужества найдешЪ. Ежели что выше такой души сыщешЪ, которая собою довольствуючисЪ; всѣ на нѣе отЪ бога приходящее, со благодареніемЪ пріемля, терпеливо несетЪ: то, всѣмЪ сердцемЪ твоимЪ, кЪ сему вседражайшему благу прилѣпясЪ, вЪ совершенной кротости по слѣдуй. ВеселисЪ симЪ безцѣннымЪ сокровищемЪ, которое ты толь щасливо обрѣлЪ. буде ничего лутче божественной; и вЪ тебѣ храмЪ сей сЪ жилищемЪ имѣющей души не сыщешЪ, которая сама собою владѣетЪ: всѣхЪ своихЪ силЪ, чувствЪ, и дѣйствЪ, Самодержица; и [какЪ СократЪ говоритЪ] отЪ мучительства страстей, сама свобождаестся: правленію божію, совершенно себя вручаетЪ; а обо всѣхЪ людяхЪ, общее попеченіе имѣетЪ. Когда уже ничечо изряднѣе оныя не увидишЪ, а всѣ другое тебѣ; хуже, и не достойнѣе ея покажется: то, кромѣ сей блаженной души, ничему не повинуйся. буде же ты себя, хуждьшему души своей, [тѣлу] одиножды покоришЪ; то отЪ нево, очень

долго

долго вырваться, а своему единоистинному благу прилѣпиться, и служить не возможешь. Только это другъ мой, очень не хорошо будетъ; когда ты подлинное, и собственное свое благо; на чужое, на ложное, на не извѣстное, и на хуждьшее добро промѣняетъ. Чужимъ называю я; по хвалу народа, власть, богатство, чины, и роскошъ. Ежели человѣкъ симъ вѣщамъ, хотя малой къ себѣ доступъ дастъ; то онѣ, того же часа имъ овладѣвши, сего человѣка такъ скоро побѣдятъ: то ему о себѣ, а особливо о душе своей, и по думать нѣкогда будетъ. Изберижъ себѣ лутчее, безъ всякаго принужденія; и къ нему, всею силою прилѣписъ. Человѣку, то лутчее; что душе, а не тѣлу его полезнѣйшее. По слѣдующему ниже сего правилу; одно съ другимъ, легко распознаешъ. Все, что тебѣ какъ разумному созданію полезно, то удержи; а что тебѣжъ, какъ простой тварѣ надобно; то, брось. Храни только разумъ свой, чтобъ онъ свободенъ былъ, отъ затвердѣлаго въ не правдѣ мнѣнія, и отъ ложныхъ мыслей; а потомъ бы въ слѣдующемъ пунктѣ показанное раздѣленіе, самъ собою учинить могъ. Никогда того полезнымъ не признавай; что тебя принудить можетъ, вѣру или вѣрность нарушить: безстыднымъ учинится; зависть, ненависть, или подозреніе на людей имѣть. Лицемѣрить, притворятся, ругать кого; или изъ подобныхъ сему, такое зло дѣлать, которое въ подполъ прячется; и за зановѣсъ бѣгаетъ. Кто выше души своей, ничего не почитаетъ; и никакой вѣщи, больше того почтенія не отдаетъ, которое самой добродѣтели принадлежитъ: тотъ человѣкъ ничего такого не дѣлаетъ, что бы на трагедію [печальное дѣйство] походило. Онъ не вздыхаетъ. Уединенія, и бесѣды не ищетъ: а всего удивительнѣе, что такой человѣкъ безъ страха, и безъ желанія живетъ. Онъ же того не спрашиваетъ, долго ли мнѣ жить? Для того, что сей доброй человѣкъ, къ исходу отъ маловременной жизни своей, на всякой часъ такъ готовъ; какъ бы ему, другое честное дѣло здѣлать. Онъ на свѣте живучи больше всего о томъ печется, дабы ему душу свою въ такомъ добромъ состояніи содержать; чтобъ она могла то исполнять, что разумному созданію свойственно, а всему отечеству его полезно.

21.

Воздержность желанїе; по силѢ нужды.

Ежели бы всякой человѢкЪ, по своей мѢре жилЪ; а вожделѢнїи бы свои, по силѢ, и по возможности его обуздовалЪ: то бы симЪ способомЪ, всѢ добрыя желанїи свои получилЪ. Сколь многимЪ безпокойствамЪ входЪ чрезЪ сїе пресѢкается, ежели человѢкЪ малаго желаетЪ; для того, что нужду свою, по натурѢ размѢряетЪ: а разумная природа, малымЪ довольна. богЪ, подаетЪ человѢку многїя случаи кЪ полученїю того, и толикаго числа; что, и сколько ему надобно. ВсѢ безпокойства, произходятЪ отЪ невоздержнаго желанїя; или отЪ употребленїя на зло тѢхЪ вѢщей, безЪ которыхЪ человѢку прожить можно. Во злѢ, и вЪ неправдахЪ лѢжащей свѢтЪ сей; о убожествѢ, и о богатствѢ, весьма развращенное мнѢнїе имѢетЪ. Того богача похвалами до небесЪ возносятЪ, кому многїе милїоны надобны; а того добраго человѢка нищимЪ титулуютЪ, кто гривною вЪ день доволенЪ. Нога; подлинная мѢра башмаку, или сапогу твоему. буде ты ширѢ, или уже; короче, или долѢ; тѢснее, или просторнѢе ноги, бошмаки себѢ здѢлаешЪ: то самЪ себѢ ноги повредишЪ. ТакЪ власно бренное тѢло наше; всѢмЪ принадлежащимЪ кЪ нему благимЪ, естественная мѢра. ЧѢмЪ больше кто сверьхЪ нужды тѢла своего, излишествЪ пожелаетЪ; тѢмЪ вЪ горшее безпокойство, а наконецЪ, вЪ такое страшное желанїе зайдетЪ: которое человѢка, не только кЪ паденїю; но и кЪ безвременной смерьти приведетЪ. Когда уже самЪ знаю, что натура малымЪ довольна; то, за чѢмЪ мнѢ горькой корень не удовольства, желанїемЪ излишествЪ, вЪ душе своей насаждать? По что желанїю моему, далѢе нуждЪ моихЪ разпространяться? На что мнѢ того желать, что не надобно; а то добро терять, которымЪ наслаждаться могу? МнѢ можно великодушну быть; а я печалюсЪ о такихЪ вѢщахЪ, которыя душу мою, хуждьшею творятЪ. Я могу мудрость снискать; а вмѢсто ея, о томЪ себя крушу; что у меня денегЪ мало! МнѢ можно за работою сидя веселу быть; а я, грѢшной празности ищу! МнѢжЪ еще можно, трудомЪ своимЪ столько получить; чѢмЪ себя сЪ женою, сЪ дѢтьми, и со всѢмЪ домомЪ прокормить; а я стараюсЪ о томЪ, что бы мнѢ вЪ каменныхЪ полатахЪ живучи; сЪ богатымЪ экипажемЪ, по малой мѢре четвернею Ѣздить! НамЪ можно чады божїими быть; а мы о томЪ крушимся, что не Принцы, не Графы,

не

не бароны: или на послѣднюю мѣру, не знатнѣйшие изъ шляхетства. Человѣкъ можетъ безъ всѣхъ сихъ достоинствъ, спокойно жить. На чтожъ ему такова чина желать, котораго онъ безъ великихъ трудовъ получить; а безъ жестокой печали, потерять не можетъ? Человѣку, во всей его жизни; больше пищи; и одежды, никакихъ излишествъ не надобно. буде онъ никому, и ни чѣмъ не долженъ; то очень богатъ. Хлебъ, вездѣ пекутъ; а полотна, да сукны съ обовью, во всякомъ мѣсте продаютъ. Трудолюбивой человѣкъ, скоро можетъ столько промыслить; чѣмъ себя одѣть, и прокормить. Мнѣ, до богатства другихъ людей дѣла нѣтъ. И имъ, больше пищи да одежды; излишествъ не надобно. О томъ еще подлинно не извѣстно; кто слаще ѣстъ. Апицїусъ ли, деликатности свои; или Курїусъ, печоную рѣпу? Хотя мое платье, и не бархатное; однако долгомъ не опушено, а печалью не подбито. Доброй человѣкъ; [подъ божїимъ благословенїемъ] вездѣ себѣ содержанїе, и хлѣбъ сыщетъ. Ежелибъ злыя люди, не похотѣли его къ щастїю допускать; такъ у него доброе сердце, и спокойная душа останется. А милосердый богъ, то ему десятерицею наградитъ; что злыя люди, у бѣднаго человѣка отнимаютъ. Славной Сократъ, весьма разумно сказалъ. Тотъ человѣкъ, гораздо ближе къ богу; кому на свѣте, меньше другихъ надобно. Какъ сей Философъ увидѣлъ; что знатной человѣкъ въ богатой карѣте, со множествомъ провожатыхъ ѣдетъ: то Сократъ, предстоящимъ сказалъ. Слава богу! Что мнѣ, столько не надобно. Которой человѣкъ, изобилїе; не обходимою себѣ нуждою здѣлаетъ: тотъ и не жалуйся о томъ, что ему никогда спокойнымъ не бывать. Кому много надобно; тотъ долженъ въ наказанїе за не воздержность страшныхъ прихотей своихъ, много суеты, и попеченїя имѣть: для того, что отъ безгрѣшной чистоты непорочнаго естества, и отъ полезнѣйшаго ученїя тѣхъ мудрыхъ людей удаляется, которыя человѣку праведно совѣтуютъ; безумныя прихоти свои, всею силою воздерживая; малымъ довольствоваться. Къ достиженїю богатства, то лутчей способъ; дабы человѣку кромѣ нужнаго, никакихъ излишествъ не желать. По что мнѣ тово богатства отъ людей ждать, которое я; самъ себѣ дать могу? Останься же въ границахъ разумной природы. Въ ней, найдетъ главное; и лутчее спокойство. Ежели богъ; сверьхъ нужды моей, изъ милости своей, что

либо мнѣ даруетъ: то оное къ славѣ Подателя, и въ пользу ближняго моего употреблю; а чево мнѣ богъ недастъ, то мнѣ не надобно; и проку въ немъ нѣтъ. По этому и труда не стоитъ, дабы мнѣ того желать; что до полученія безпокоитъ, послѣ полученія мучитъ; а какъ ево потеряю; то оно меня безмѣрно печалитъ. Что до рукъ моихъ дойдетъ, то я и дѣлаю. Что на меня придетъ, то терьплю. Чего снесть не могу, отъ того удалюсь. Что мнѣ не надобно, того не требую. Чего получить нельзя, тово не желаю. А чево перемѣнить не льзя, о томъ и не печалюсь.

22.

Желанїи; по состоянїю своему.

Ежелибъ люди, состоянїе свое прилѣжно размотривали; тобы конечно стыдились того требовать, что имъ не годно, и не прилично. Почти всѣ люди хотятъ, состоянїе свое по себѣ; а вождѣленїи ихъ, по состоянїю своему мѣрять. Но сїе, многимъ изъ насъ такъ пристало; какъ худо съ шитое платьѣ. То уско, то широко; то долго, то коротко; а никогда не въ пору. Ежелибъ этѣ люди; прямую мѣру съ силъ своихъ снявши; желанїи свои, по настоящимъ обстоятельствамъ ихъ учредили: тобъ и все въ согласїе пришло, а они бы, въ совершенномъ спокойствѣ остались. Когда человѣкъ богатъ, тобъ ему не скупому, и не насытну: но щедру, и великодушну быть надлежало. Ежели сего не будетъ: то не насытное желанїе того, дабы отчасу болѣе богатства собирая никуды въ росходъ не терять: всего спокойства насъ лишитъ. А когда мы убоги; то долженствовало намъ осторожнѣе, бережливѣе, трудолюбнѣе, и терпѣливѣйшимъ быть. Ежели мы иначе поступимъ; то не достатки, отчасу больше насъ утеснивши: печаль нашу, несносною намъ здѣлаютъ. Сїе безпокойство, приходитъ обыкновенно отъ безпамятства такихъ людей; которые ни о состоянїи своемъ, ни о желаемомъ ими; прямо разсудить не могутъ: и той бѣдности, основательно не понимаютъ, на которую столь многїя тысячи людей съ печалью, и воздыханїемъ, напрасно жалуются. Эта ихъ мнимая, и толь страшная ихъ бѣдность; одинъ только недостатокъ, малымъ числомъ излишествъ: которыя, мечтательное лакомство, за необходимые; весьма ложно имъ представляетъ; а разумная природа, и безъ нихъ обойтись можетъ.

можетъ. Этѣ вѣщи, до тѣхъ поръ намъ не надобны; пока мы ихъ пристрастно не пожелаемъ. Не тотъ бѣденъ, у ково мало; да тотъ подлинной бѣднякъ, кому много надобно. Развѣ то прямая бѣдность, что человѣкъ; сѣрой кафтанъ, и толстую рубашку носитъ? ржаной хлѣбъ, и грубую пищу ѣстъ; всякой день самъ работаетъ, излишняго себѣ не запасаетъ, слугъ при себѣ не имѣетъ, да самъ себѣ, и господину своему служитъ? Этотъ [по свѣтскому имянованiю бѣдной] чистонравной человѣкъ; отъ работнаго на всякъ день поту, [какъ богъ ему велѣлъ] всегда добрымъ здоровьемъ наслаждаючисъ: о почечуѣ, о Iпохондрiи, о подагрѣ съ хираргою, о сiятикѣ, и почти ибо всѣхъ тѣхъ деликатныхъ болѣзняхъ ничего незнаетъ; которыми Вельможи, да богачи, обыкновенно мучатся. У него, имѣнiя такъ мало; что по среди разбойниковъ идучи, пѣсни пѣть можетъ. Для сей то важной притчины; многiе люди, убожество великодушно несли: а другiе, добрымъ произволенiемъ оное избрали. Царь и богоотецъ Давидъ, [въ десятомъ псалмѣ] убожество; блаженствомъ называетъ. Отъ Царскаго корене его, плотски возсiявый Христосъ Спаситель и богъ нашъ; въ убогомъ образѣ на землю пришелъ. Лутчiе, и разумнѣйшiе язычники; отъ глубокой древности сiе признали, что спокойно жить желающему: имѣнiемъ, бѣдну; а духомъ, нищу быть должно. Но богатой, разумѣть сего не хочетъ; а умомъ понять не можетъ. Хотя временемъ видитъ, и внутренне чувствуетъ, что земледѣлецъ щасливѣе ево; только совершеннаго спокойства, и самимъ собою обладанiя достигнуть не съ состоянiи. Какъ и чѣмъ бы намъ; всю славу богатыхъ на звать? Она, сундукъ наполненной мечтами; видимая прелесть; Мать суеты, и роскошей; пауковы тенета на мухъ; и отъ непрiязни приходящее излишество. Вопреки тому, бѣдной человѣкъ; въ границахъ простой, и неповрежденной натуры всегда пребываетъ. буде у него во щахъ прянова зелья; а на бѣдномъ столѣ ево, дватцети блюдъ Французской поварни; да притомъ шампанiя съ бургонскимъ, и Аглинскаго пива съ Венгерскимъ нѣтъ: то къ нему прелѣ симъ объявленныя боярскiя болѣзни, очень не скоро придутъ. Отъ такого же не разсужденiя, и тѣ люди печалятся; кто изъ высокаго достоинства въ упадокъ пришедши, того еще прямо не разсмотрѣлъ: подлиннуюль онъ притчину,

къ печали имѣетъ. Пожалуй мнѣ скажи; что ты потерялъ? буде хвалы человѣческой лишился? Такъ ты еѣ слышать, и въ себѣ чувствовать не станешъ; ежели оную самъ себѣ, чувствительною не здѣлаешъ. Водяной пузырь прорвался; вѣтеръ дунулъ; стаканъ разшибся; чайная чашка изъ рукъ упавши разбиласъ: Птица изъ клѣтки вылетѣла. Все это, подобно твоей славѣ; за которую ты съ такою болѣзнью гоняешся. Что перемѣннее нрава славныхъ земли? Что не постояннѣе милости Вельможъ? Когда это вѣдаешъ; за чѣмъ же и печалишся о такой грудѣ снѣгу, которая отъ лучей вѣшняго солнца, очень скоро разтаяла? А буде ты сего невидалъ: то подлинно труда стоитъ, что бы это важное дѣйство, въ практикѣ видѣть: и оному искусившисъ, самому тебѣ эту чудную комедїю на свѣте узнать. буде ты въ этотъ упадокъ, своею проступкою пришолъ; то, собственнымъ вредомъ и убыткомъ своимъ уму научасъ, тѣхъ притчинъ начни убѣгать: которые тебя, къ этой бѣде привели. Ежели не ты въ этомъ виноватъ, то не повинностью своею веселисъ; а о томъ сердечно радуйся, что у тебя такой щасливой нравъ: которой отъ неправдъ, и отъ обидъ враговъ твоихъ, никогда не побѣждается. Ты больше объ нихъ, нежели о себѣ жалѣй. Развѣ тебѣ, чужое мнѣнїе о твоихъ дѣлахъ по нравилосъ? Это твое мнимое веселье; суетою, да самолюбїемъ повреждено. Тебѣ сїе гораздо полезнѣе, что ты случай получилъ; сїе веселье воздержать, а самолюбїе бросить. Что тебѣ, злой языкъ ругателей твоихъ здѣлаетъ? Ничего; ежели ты собственнымъ мнѣнїемъ, какъ своимъ ножемъ, самъ себя не убьешъ. За чѣмъ тебѣ то допускать; что бы люди тебя, по своему произволенїю безпокоили? На что тебѣ самому себя, для того бѣднымъ дѣлать; что другїе люди злы? Лутче то вспомни, что Эпиктетъ сказалъ. Слава богу о томъ; что враги мои, всѣхъ моихъ пороковъ и погрѣшностей не знаютъ; а то бы они про меня, больше нынѣшнева говорили. Іовъ, и Давидъ, учатъ насъ тому; какъ человѣку въ гоненїяхъ, и въ презрѣнїи отъ людей поступать. Ежели тебѣ, оба этѣ богоугодныя мужи, весьма Святы; или, [по твоему мнѣнїю] надмѣру совершенными покажутся: такъ уже хотя то разсуди, что языческой Цесарь Маркъ Аврелїй, къ женѣ своей Фаустинѣ въ тѣ поры писалъ; какъ бунтующей противъ него

Кассїусъ, сего Монарха и Государя своего презрѣлъ. Пускай непрїятель мой живъ будетъ, ежели онъ достойнѣе; а отечеству полезнѣе меня, и дѣтей моихъ.

23.

Я тѣмъ отъ намѣренїя моего нимало не удалюсь, когда пользу трудовъ представлю. Здоровому, все здорово; а больному человѣку, и лутчїя вѣщи вредны. Но понеже онѣ, такую кислоту въ себѣ имѣютъ; которая внутреннюю ихъ, какъ ржавчина желѣзо съѣдаетъ: то симъ людямъ очень не худо будетъ, когда они отъ мокроты огустѣвшую кровь свою, трудами и работою по разведутъ: а жизненнымъ духамъ, чрезъ сей способъ великую свободу, и облегченїе здѣлаютъ. Человѣкъ; на труды, и къ покою, равно родился. Когда размышленїе наше перестанетъ, тогда работѣ начаться должно; а ежели человѣкъ сего нездѣлаетъ, то какое нибудь злое вожделѣнїе: или страсть, у дверей разума его постучится. Празной духъ; сперьва начнетъ суетнымъ желанїемъ, или ложною надеждою себя ласкать. За тѣмъ станетъ скукою, любовью, или ненавистью терзаться. Потомъ не терпеливостью, или роптанїемъ раздираючисъ; изъ стороны въ сторону, власно также помчитъ бросатся: какъ въ задъ и въ передъ порхающая ластовица, туда и сюда безпрестанно лѣтаетъ; а сама не знаетъ куды, и за чѣмъ лѣтитъ. Такъ точно празной, и лѣнивой человѣкъ; съ конца на конецъ пространнѣйшаго города, верстъ по десяти, для исканїя себѣ такой компанїи бѣгаетъ и скачетъ; которая его, и видѣть не хочетъ. По истиннѣ! Лѣностная жизнь; гораздо тижелѣ работы. Душа лѣниваго, непрестанно желаетъ, а яснѣе сказать; съ лѣности отолстѣвшей: и опустившейся человѣкъ: празными желанїями, всечасно мучится. Сперьва станетъ таковъ же любопытенъ, какъ дряхлые Афинцы. За тѣмъ, впадетъ въ такїя же пороки; какъ лѣнивые Критяне. Напослѣдокъ уподобится; изъ мятежа въ печаль, и въ отчаянїе о томъ пришедшимъ римлянамъ: для чего они доброе упустили, а злое исполнили: Нѣкоторой работникъ, самъ о себѣ такую правду сказалъ. Я только въ тѣ поры веселъ и спокоенъ, когда у меня дѣло есть. А простая мнѣ пища, вкуснѣе Сарданапаловыхъ Работа.

 столовъ.

столовѣ. По истиннѣ! Тѣло человѣческое тогда только здорово, когда вѣ движенїи да вѣ трудахѣ: а душа вѣ то время спокойна, когда мы надѣ дѣломѣ, да за работою сидимѣ. По сему; до тѣхѣ порѣ человѣкѣ благополученѣ, пока вѣ томѣ пребываетѣ на что родился: тоесть вѣ трудахѣ, и вѣ работѣ. Крайняго удивленїя достойное дѣло; что художники, да земледѣльцы, болѣзней очень мало: а душевнаго безпокойства, и того меньше имѣютѣ. Лѣность, всѣмѣ болѣзнямѣ отецѣ. Роскошѣ сѣ бездѣлїемѣ, это имѣ родитель; а изобилїе сѣ забавами, мать безпокойству душевному. Симѣ мечтамѣ, и воздушнымѣ привидѣнїямѣ; ежедневная работа сѣ трудами, первое лѣкарство; и лутчее изцелѣнїе. Трудомѣ, чувства наши кѣ добру прїучаются; а работа, содержитѣ духѣ человѣческой во всегдашнемѣ спокойствѣ, и вѣ веселїй. Ежели духу, никакова дѣла не дать; то онѣ ослабѣвши, кѣ худымѣ мыслямѣ обратится. Чинѣ, и званїе всякаго человѣка; кѣ повседневнымѣ трудамѣ обязуетѣ. Никому изѣ насѣ, сѣ обѣявленнымѣ во Святомѣ Эуангелїй лѣнивцами, того сказать не льзя. Никто же ны наятѣ. Ни одинѣ разумной человѣкѣ, сего безумнаго слова не молвитѣ; мнѣ дѣлать нѣчего. Кто о благополучїй отечества, также о собственномѣ домѣ и добрѣ, а притомѣ еще о пользѣ ближняго, прилѣжно помыслитѣ: тотѣ ни на одинѣ часѣ безѣ дѣла не будетѣ. Хотя бы человѣкѣ никакова публичнаго, тоесть государственнаго чина вѣ отечествѣ своемѣ не имѣлѣ: однако ему должность умнаго человѣка исполнять, не обходимо надлежитѣ. Прилѣжанїе сѣ трудами, никогда не пропадетѣ; и вѣ тунѣ не останется. буде ни отѣ кого работы ему не дано; то, произвольнымѣ трудомѣ рукѣ своихѣ, себѣ, и ближнему пользу принесть можетѣ. Не послѣдуй, тому безумному старику, которой долголѣтїе свое сѣдыми волосами доказываючи; ни за что приняться не хотѣлѣ. Ты помни, первозданному человѣку со всѣмѣ родомѣ его, отѣ Всемогущаго Творца на вѣки данное повелѣнїе. Вѣ потѣ лица твоего, снѣси хлѣбѣ твой; вся дни живота твоего. Вся тварь, на службу создана. А ты: развѣ на одну роскошѣ, да на забавы рожденѣ? Не думаю я этого! Трудисѣ же другѣ мой; на всякой день. Прилѣжно работай, пока ты жива; что бы смерьть, незастигла тебя вѣ грѣшной празности. Но дабы, изѣ этой помощи кѣ спокойству; новаго

новаго мятежа и безпокойства не произошло: то, должно всякому изъ насъ прежде всего, то разсмотрѣть: къ какой службѣ и работѣ, кто склоненъ; и къ чему отъ природы способенъ? Ты себя умными, тоесть мысленными очами разсмотря, прилѣжно того берегись; чтобъ беремя твое, не ширѣ плѣчъ твоихъ было: а платежъ бы за сїю ношу, тебѣ же въ раскаянїе не обратился. И отъ того себя рачительно храни; чтобъ не склонная тягость трудовъ твоихъ, не сравнялась съ каторжною работою. Всякое, мѣру превозходящее принужденїе; человѣческому естеству трудно, скучно, и отчасти мучительно. Для сей притчины, такїе дѣла по силѣ своей зачинай; которыя бы ты добрымъ произволенїемъ окончать, въ состоянїи былъ. Женскимъ лицамъ; въ правленїи дому, въ воспитанїи дѣтей, и въ другихъ къ нему принадлежащихъ должностяхъ, такъ много упражненїя: что имъ больше сихъ трудовъ, никогда дѣла предписывать не надобно. Разумнѣйшимъ изъ женъ; чтенїя полезныхъ, и добродѣтелямъ учащихъ книгъ, отнюдь не отрицаю: только боже ихъ сохрани отъ читанья душевредныхъ повѣстей, и любовныхъ басенъ. Демокритъ говаривалъ; не много работай, ежели хочешъ спокоенъ быть. Не лутчель было ему такъ сказать. Все исправляй, что такому разумному человѣку дѣлать должно; которой родился, на общую всѣмъ намъ пользу. Удовольство наше въ томъ, что человѣкъ добро дѣлаетъ; а покой отъ того, что не много трудился. Ежелибъ мы отъ словъ, и отъ дѣлъ своихъ; не надобное, да празное, почасту отнимали: то бы больше времени къ благотворенїю, а меньше случая къ печалямъ имѣли. Ты, надъ всякимъ дѣломъ; самъ себя спроси. Надобноель мнѣ; и не напрасное ли это дѣло? Симъ способомъ; не только съ не надобными дѣлами, да со всѣми не потребными мысльми поступая: великую помочь къ спокойству душевному получишъ.

24.

Этѣ умныя мысли; сходны съ природою, и съ состоянїемъ разумныхъ людей. Человѣку, до тѣхъ поръ спокойну быть не льзя; пока онъ, указанїю и руководству сихъ разумныхъ мыслей, въ дѣлахъ своихъ слѣдовать не станетъ. Какъ лошадь, къ ѣздѣ и воженїю; а собака на гоньбу и ловлю,

Уединенное размышленїе.

такЪ [по слову Аристотелеву] человѣкЪ : на работу, и кЪ размышленію сотворенЪ ; а не только на то созданЪ ; чтобЪ ему пить , есть , да дѣтей родить: какЪ звѣрямЪ , и безумнымЪ тварямЪ. Дражайшей разумЪ, не нароскошЪ и обжирство; да весьма на иное человѣку данЪ. КЪ нашему благополучію , не довольно того ; чтобЪ на малое время веселу , здорову, или спокойну быть. Это благополучіе, состоитЪ вЪ отвращеніи зла ; вЪ пріобрѣтеній постояннаго спокойства; и вЪ снисканіи всякаго блага душамЪ нашимЪ. Не со АристипомЪ вЪ сладострастіяхЪ; ниже сЪ ЕронимомЪ во удержаніи болѣзни; но вЪ добрыхЪ дѣлахЪ, и вЪ благихЪ мысляхЪ. ПечалямЪ своимЪ пользы, и утѣхи; а нравоученію приращенія, такихЪ людей ищи: которые безЪ чужова мнѣнія, своему разсужденію слѣдуютЪ; а спрашиваются у своей практики, тоесть усобственнаго искуства. Сіе мудрое размышленіе, не обходимо того требуетЪ; что бы человѣку вЪ себя пришедши, душу свою отЪ свѣтскаго шуму и мятежа, всею силою отвлекать: наподобіе такихЪ пьяныхЪ людей, которые ни на какое подносимое имЪ вино не смотря , и ни чьей прозьбы не слушая: всею возможностью для того изЪ рукЪ рвутся, что бы имЪ до постѣли добѣжавЪ, по скорѣе выспатся. Не обузданныя прихоти , сЪ сильнымЪ соблазномЪ новой моды; и развращенно сЪ принятымЪ худымЪ обычаемЪ, хотятЪ умнаго человѣка кЪ тому привесть: что ему не сродно, и весьма не пристало. Но понеже такой видЪ есть, что они человѣка изЪ собственнаго дому выгнать хотятЪ ; то намЪ противу сихЪ безстыдныхЪ гостей сильную строгость употребя, сЪ самаго начала, на шумЪ ихЪ смотрѣть; и имЪ поддаваться , отнюдь не должно. СамЪ ты со временемЪ увидишЪ , какая тебѣ отЪ сего размышленія польза произойдетЪ. Мнѣ , такіе люди про неѣ сказывали ; которые , отЪ несноснаго духу ихЪ шуму, и отЪ мятежа большихЪ городовЪ удалясЪ: а потомЪ вЪ близкихЪ оттуды мѣстахЪ спокойно живучи, больше покоя и удовольства имѣли; нежели при дворѣ, такжe вЪ штатской и вЪ военной службѣ. ТамЪ то человѣкЪ подлинно веселЪ , и совершенно спокоенЪ ; а до сего блаженнаго уединенія , внѣ себя бывши , по чужимЪ дворамЪ бродилЪ. ТамЪ онЪ ; притчины своего неудовольства , вЪ собственной слабости найдетЪ. Тогда уже все то отЪ него удалится , что страсти сЪ вожделѣніями вЪ человѣке возбуждало. ТутЪ ты вЪ самомЪ себѣ увидищЪ тѣ отворенныя двери , которыми не удоволь-

ство съ мечтою, въ душу твою ворваться хотѣло. Тамъ, веселое смотрѣніе на сады и огороды свои; на поля, на луга, и на всю въ Маіѣ мѣсяце новою зеленью покрытую землю, душу твою такъ обрадуетъ: что самъ себя, такими мыслями спрашивать начнетъ. Какая это вѣщь была, что мнѣніе мое по се время, темными мечтами устрашала? Стоитъ ли она того, что бы мнѣ объ ней печалится? Самъ я это вижу, и знаю; какъ малымъ натура довольна. По чтожъ мнѣ многова желать, и чужое грабить? Возьму ли я что нибудь, на тотъ свѣтъ съ собою? Ни синя пороха, въ гробъ со мною не положатъ; да все на землѣ останется. Что мнѣ въ чужой славѣ, и въ лестныхъ похвалахъ прибыли? За чѣмъ я о томъ печалюсь, чего перемѣнить не могу? Неглуполь о томъ думать и тужить, что не въ моей волѣ и власти? Подлинноль въ этомъ честь, и слава; а въ томъ, стыдъ да бещестьѣ? Не противно ли это воли божіей; и сходноль со здравымъ разумомъ? Умаляетъ ли оно; или умножаетъ человѣчество наше? Почти всѣ умные язычники, на тѣ поры и времена такъ разсуждали; когда, какое либо вожделѣніе ихъ обезпокоивало. Для безпрепятственнаго пребыванія въ толь полезныхъ размышленіяхъ, удалялисъ на время отъ компаніи; и укрепивши себя заповѣдьми мудрости, возвращалисъ они по прежнему къ дѣламъ своимъ. Всею возможностью, укрѣпляли себя отъ нападковъ поспѣшенія и торопливости; также отъ всякихъ прелестей, съ послѣдующимъ за ними безпокойствомъ, и устрашеніемъ души. Нѣмецкой дворянинъ биландеръ, силу умнаго размышленія въ тѣ поры увидѣлъ; какъ случившуюся ему печаль, выѣздомъ для прогуливанія разсыпать хотѣлъ. Равные поля, и цвѣтами усыпанные луга, выгнали изъ головы его весь страхъ; и причиненныя отъ печали мечты. Умъ его, по видимому горизонту распространясъ, всѣ притчины печали своей терять началъ. Между сими, ѣдущаго биландера веселыми размышленіями; лошадь его, вдругъ отъ того испужавшись пошерошилась; что бѣлыми цвѣтами усыпанной калиновой кустъ увидѣла. Дворянинъ, иноходца своего шпорами ударя; ближе къ кусту подъѣхалъ. Лошадь къ самому кусту подшедши, стала его обнюхивать. биландеръ, до тѣхъ поръ мимо куста въ задъ и въ передъ ѣздилъ; пока иноходецъ куста, нимало уже не боялся. Печаль свою разсѣвающей дворянинъ; отъ сего мѣста

далѣе

далѣе поѣхавши, сталъ въ себѣ разсуждать, всѣ меня мучившія печали, подобны этому калиновому кусту; а мечта, сравнялась съ лошадью моею: которая куста испужалась. Разуму, надлежитъ мнѣніе всею силою воздерживать. Теперь уже самъ вижу; что скучныя печали мои, въ пріятныя цвѣты перемѣняются. Хотя они изъ жестокаго терновника выросли, только на видъ очень пріятны; и въ душевномъ лѣкарствѣ, цѣлительную силу имѣютъ. Ктожъ бы изъ умныхъ людей не по хотѣлъ о томъ по старатся; чтобъ бѣды, или печали свои, биландеровымъ способомъ узнавать; а у мечты своей, наглыя, или пужливыя представленія: прямымъ, и правымъ употребленіемъ здраваго резума, справедливо отнимать?

25.

Симъ бы способомъ, совершенное спокойство; или на послѣднюю мѣру, безпристрастное мнѣніе о тѣхъ вѣщахъ въ насъ произошло: которыхъ перемѣна, не въ нашей силѣ. Онѣ, ни чѣмъ не подвижны: хотябъ человѣкъ смѣялся, или плакалъ. По чтожъ я о томъ печалюсь, что обо мнѣ не думаетъ? Что не въ моей волѣ, и власти; [говоритъ Эпиктетъ] то чужое: а что не въ моей силѣ, то до меня не касается. Чтожъ бы не въ моей силѣ было? Все, что внѣ меня. Тѣло, со всѣми припадками его. богатство, честь, друзья, враги, дѣти, и рабы; это все внѣшнее, или наружное у человѣка. А въ моей силѣ, что? Нравъ, мысли, мечта, воображеніе; праведное, и ложное мнѣніе: вожделѣніи, любовь, ненависть, страхъ, надежда, и другія страсти. Для того; надлежитъ мнѣ, сими внутренними силами, внѣшнія припадки: къ пользѣ своей, всей возможностью обращать. Понеже Всемогущій Творецъ; означенныя вѣщи, не въ моей силѣ и возможности поставилъ: то онъ, такую силу мнѣ доровалъ; дабы ихъ, въ мое спокойство употреблять. Для чегожъ человѣку, суетнымъ и ложнымъ мнѣніемъ; собственному благополучію препятствовать? Агриппѣ сказали; ты въ сылку назначенъ. А онъ имъ отвѣчалъ. Такъ я сего дни, обѣдать буду въ Варницѣ. [мѣстечко] Ежели часъ смерьти моей придетъ; то я, наподобіе такого человѣка умру: которой взаймы взятое, со благодареніемъ возвращаетъ. Я бы теперь поѣхалъ, друга своего навѣстить; да великое ненастьѣ на дворѣ. Что же мнѣ дѣлать?

дѣлать? Терпѣть; пока дожжъ, и слякоть перестанетъ! Для чего мы, при всѣхъ случаяхъ жизни нашей; не также поступаемъ? Моя ли въ томъ вина; что одинъ упрямъ, а другой своенравенъ? Я тому препятствовать не могу, что однихъ людей злость; а другихъ безумiе, такую бурю въ свѣте причиняетъ, Ксантипа бѣсится; а Сократъ ей уступаетъ. На дворѣ дожжъ, слякоть, и всякая не погодь; а я въ теплой избѣ сижу. Когда сильной вѣтръ увижу, въ тѣ поры на море не поѣду. Въ горнице у меня дымно; я начасъ изъ неѣ выду. Все это, скоро перемѣняется; а печаль, долго вѣчнѣе всего. За чѣмъ же мнѣ еѣ, самому себѣ причинять? Лутче я сiю тягость свою, облегчать стану. Это у единаго бога во власти; дабы всѣ по Его Святой волѣ, и премудрости дѣлать. Наша должность; все терпѣть, чего перемѣнить не можемъ: а особливо тогда, ежели мы пришедшей на насъ бѣде, не виновны. Радость, съ веселiемъ о доброй совѣсти: въ разумной душе, тогда сильнѣе бываетъ: какъ печаль о случившейся нуждѣ, или о нечаянной горести, умножатся начнетъ. Лутче терпѣть въ неповинности; нежели въ винѣ, и въ неправдѣ своей веселится.

26.

Изъ сихъ умныхъ разсужденей, такое въ душе человѣческой спокойство родится; отъ котораго всѣ безпокойныя страсти, власно какъ тучи отъ солнечнаго сiянiя, немедлѣнно ищезаютъ. За тѣмъ начинается равнодушiе; а именно: Дiодорово, да Iеронимово нечувствованiе болѣзней. Равнодушной Аристенъ; обо всемъ на свѣте безпристрастно разсуждалъ. Искуство, [практика] на учило его тому; что на свѣте, ничего совершеннаго нѣтъ. Все на землѣ, смѣшано. Доброе, съ худымъ; забава, съ печалью и скукою; надежда, со страхомъ; а наслажденiе, съ горестью; и лишенiемъ. Сей то суетѣ; все земное подвержено. Между умными, и безумными; первое и главнѣйшее различiе, то: что умныя люди, правду съ неправдою; ложное добро, съ истиннымъ благомъ: а худое, съ хорошимъ; распознать могутъ. Премудрость всемогущаго Творца, сiе не совершенство во все земное за тѣмъ положило, дабы человѣкъ не отрицался, все это съ разумомъ употреблять; съ равнодушiемъ, всего отвер-

Какое отъ сего, равнодушiе происходитъ.

отвергнуться; а при смерти своей, съ радостiю оставить. Сiе; ко успокоенiю, и къ содержанiю всякаго человѣка служить: что бы такая же перемѣна и внутри насъ была. Ежели бы человѣкъ печали не вкусилъ, тобъ и радости не зналъ. Когда временной печалѣ, основанiемъ вѣчнаго веселiя быть должно; то, за чѣмъ я тѣхъ добрыхъ часовъ, въ кротости и въ спокойствѣ не жду: которые злымъ моимъ днямъ, на смѣну притти имѣютъ? Эпиктетъ написалъ. Ты въ своей жизни, власно какъ на пиру поступать долженъ. Ежели часть какой ѣствы тебѣ поднесутъ, то протянувши руку, со благодаренiемъ прими; а когда тебя обнесутъ, то за сiе не сердясъ, жди того: пока что до тебя дойдетъ. Такъ власно съ женою, съ дѣтьми, съ рабами, съ честью, съ богатствомъ, и со всѣмъ имѣнiемъ твоимъ поступай; ежели достойнымъ гостемъ божiя пира, учинить себя хочешъ. А буде поданнаго не принявши, въ велико не поставишъ; то, не гостемъ; но участникомъ царствiя божiя будешъ. Сiе; Сократа, Ераклита, и другихъ любителей мудрости: божiими людьми учинило. Хотя это состоянiе души, и высоко; однакожъ человѣкъ, праведнымъ разсужденiемъ получить его можетъ. И самыя стихiи, не чисты. Высочайшая сладость, на и большую горесть въ себѣ имѣетъ; а въ уксусѣ, сахаръ есть. Подождужъ я во всякой спокойности; и начну отъ нынѣшней моей сладости: кислоту, дагоресть, разумно отдѣлять. Или, того дожидаться стану; пока уксусъ печалей моихъ, со всею житейскою горестью: въ желаемую сладость, самъ обратится. Премудрѣйшей на свѣте Саломонъ, всего искалъ; что бы человѣческое спокойство поспѣшествовать могло. Но кромѣ суеты, и прелестнаго смѣшенiя, ничего добраго, и душеполезнаго не нашедши: къ лутчему успѣху мира и спокойства нашего, то за лутчее призналъ: дабы человѣку все видимое, за скоро преходящую стѣнь почитая; всякой день въ трудахъ обращаться; а притомъ веселу, и спокойну быть. Я пришедши въ компанiю увидѣлъ двухъ человѣкъ, которые въ карты играли. Одинъ изъ нихъ очень жаденъ къ выигрышу, и отъ того не терьпеливъ; а другой напротивъ сего тихъ, и такъ равнодушенъ былъ: что выигрышъ и проигрышъ, за едино почитая; у соперника своего, знатную сумму денегъ выигралъ. Для чегожъ бы намъ и во всей комедiи, какъ въ самой игрѣ

жизни

жизни нашей ; не также поступать ? развѣ мы не терпеливостью своею выиграть думаемъ ? Ни какъ ! Отъ неѣ кромѣ проигрышу ; никакой пользы не будетъ. бѣдная та игра, которая человѣка въ толь сильной восторгъ приводитъ ; что онъ себя, душу свою, и вѣчное блаженство забываетъ. Не лутчель ему , все внѣшнее разуму покоривши ; въ настоящемъ, терпеливу: а въ разсужденiи будущаго, спокойну быть. Всякъ изъ насъ можетъ съ Эпиктетомъ равнодушно сказать. Мнѣ это все равно, и едино; мало, или много, я : богатства , чести, славы, забавъ, и того на свѣте получу ; что свѣтскiе люди щастьемъ, не знаючи называютъ. Я , все это ; волѣ , и судьбѣ божiей предавши ; стану конца моего безъ страха , и безъ муки, спокойно ожидать.

27.

Порядочное обращанiе крови , и жизненныхъ духовъ; къ равнодушiю человѣческому , много способствуетъ. Сiя равнодушность , тѣмъ болѣе возвышается ; чемъ полнѣе , и постояннѣе , человѣческое здоровьѣ пребываетъ. Мы ; тѣлу своему надлежащее содержанiе пищею , и одеждою , для того давать должны : что человѣкъ въ то время веселъ , и здоровъ ; когда сытъ , одѣтъ , и по своей мѣре доволенъ. Мы должны сiе великое благодѣянiе всемудрѣйшаго Творца , со смиреннымъ благодаренiемъ признавать ; что онъ спокойства душъ нашихъ, съ тѣлесными вѣщми не соединилъ. Ни чѣмъ кромѣ смерьти , нераздѣльное соединенiе души съ тѣломъ, естественная тому притчина: что душа, участницею тѣлесныхъ припадковъ : весьма часто бываетъ. Для сего то, разумной душе ; о здоровье тѣла , также власно какъ хозяину о домѣ своемъ , усердно стараться надлежитъ: дабы дворъ его прежде времени не обветшалъ , и не роспался. Которыми орудiи душа дѣйствуетъ ; тѣ инструменты , телесными соками захватываются : а этѣ соки , веселостью души и жизненныхъ духовъ ; также чисты, и тонки быть могутъ : какъ воздухъ. Сiя то чистота , съ тонкостью жизненныхъ духовъ ; къ содержанiю здоровья нужнѣе всего. Тихой и веселой нравъ , всегдашняя человѣку радость ; а не воздержанiе , гнѣвъ , и печаль : всю человѣческую жизнь , въ огорченiе приводитъ. Воздержанiе страстей , трезвость , и

Умеренное раченiе, о телѣ своемъ.

 поря-

порядочное житьѣ; отъ многихъ болѣзней человѣка охраняетъ. Естественная теплота; подъ игомъ невоздержностей, и подъ вѣтромъ роскошей: прежде, и скорѣе всего угасаетъ. Для сей притчины, здоровью человѣческому весьма сіе полезно; дабы стремленіе и не воздержность страстей, воздержаніемъ и постомъ укрощать. Тѣло человѣческое, отъ природы своей таково; что перемѣною укрѣпляется. Умѣренная ходьба къ сохраненію здоровья весьма способна. Цицеронъ; къ болящему другу своему Аттику, такъ писалъ. Я тебѣ желаю добраго апетиту; скораго варенія желудка; убѣганія скуки, и печали; размѣрнаго прохаживанія, позволенной забавы, и отворенія живота. У коего эти обстоятельства будутъ; тотъ на болѣзненныя припадки, очень рѣдко жаловаться станетъ.

28.

Добрая бесѣда. Лутчее увеселеніе человѣческой жизни; поспѣшествуется доброю компаніею, тоесть собраніе честныхъ людей. Сердца человѣческаго, ни что такъ не веселитъ, какъ вѣрной другъ. Всѣмъ намъ сіе сродно; дабы сердечную печаль, другу своему открывши; помощи, и совѣта у него просить. Я тебѣ такова друга желаю; котораго веселость, твоею радостью: сердце его, хранилищемъ твоихъ таинъ; разговоръ его совѣтникомъ твоимъ; а рѣчь и разумъ его; прогонителемъ твоихъ печалей да буде. Сей другъ; то самое предрагое, и рѣдчайшее на свѣте сокровище: о которомъ Сирахъ пишетъ. Другъ вѣренъ, кровъ крѣпокъ. Другови вѣрну, нѣсть измѣны; и нѣсть мѣрила добротѣ его. Только и такія чудные на свѣте случаи бываютъ, что лутчей у человѣка другъ, притчиною горьшей печали ево здѣлаться можетъ. Въ другѣ, не только того смотрѣть; чтобъ онъ молчаливъ да вѣренъ былъ. И плуты плутамъ, такъ вѣрны; что взаимнаго злодѣйства своего, никому не открываютъ. Въ честномъ другѣ; еще другихъ свойствъ, и лутчихъ сего добродѣтелей, искать должно. Дружба пороками зараженныхъ людей, доброму человѣку всегда опасна. Гдѣ прямой добродѣтели нѣтъ, тамъ истинной дружбѣ быть не льзя. Изволь же дорогой читатель самъ разсудить; сколь великая къ тому осторожность надобна, что бы намъ такихъ злыхъ людей въ друзья себѣ не выбрать: которые и насъ повѣтріемъ своимъ заразивши, вмѣсто

чаемой

чаемой отъ нихъ утѣхи и помощи, горшее тебѣ безпокойство причинить могутъ. Славной Кемписъ; къ не малому удивленїю, совѣтуетъ: съ женскими лицами въ близкую дружбу, въ скорое знакомство, и во откровенное обхожденїе отнюдь не вступать: да съ лутчими изъ женъ, при одномъ, нѣжному полу ихъ должномъ почтенїи; всегда оставаться. Знать, сей славной мужъ, на дѣле искусившись узналъ; что краснаго лица жены, самыя тѣ страшнѣйшїя камни искушенїя и соблазновъ: объ которые душевное спокойство разбивается. Напротиву сего и женамъ; отъ блискаго знакомства, и откровеннаго обхожденїя съ мущинами: чести, и славы очень не много; а душевнаго спокойства, и того меньше будетъ. Ежелибъ мы въ золотомъ вѣке жили; тобъ истиннаго себѣ друга, скорѣе нашли. Но понеже мы не только въ желѣзномъ; да въ самомъ чугунномъ, тоесть въ развращеннѣйшемъ времени живемъ: то надобно уже притомъ другѣ оставаться, которой не хуже, и не злѣе другихъ. И такихъ людей компанїи рачительно убѣгай; которые всѣхъ, и все переговариваютъ. Многолюдная компанїя; больше притчины къ опасности, и къ безпокойству подаетъ, нежели къ увеселенїю служитъ: для того, что между людьми: больше безумныхъ, и злыхъ; нежели разумныхъ, и добрыхъ. Чѣмъ далѣ въ многолюдство пойдешъ; тѣмъ больше тебя тѣснить станутъ. Для сей то важной притчины; два, или три выбранныхъ друга: лутче многолюдной бесѣды. Въ выборѣ друзей, совершенства не надѣйся; да такъ ихъ бери, каковы люди есть; и какими тебѣ, на особливое щастїе попадутся. Того на и болѣе смотри, дабы тотъ человѣкъ доброй, кроткой, благонравной, и примирительной былъ: кого ты себѣ, въ друзья взять намѣряешся. Кто себя не совершеннымъ, и бѣднымъ признаваетъ; тотъ къ дружеству, способнѣе всѣхъ. Любовь, здѣлаетъ въ сердцѣ его различныя ступени добродѣтелей; по которымъ степенямъ, духу сего человѣка возходить, и низходить: смотря по состоянїю тѣхъ людей, съ кѣмъ ему дружится. Такой человѣкъ; слабости ближняго узнавши, не убоится передъ Монарха своего притти; а тѣмъ не постыдится, и не по брезгуетъ; что бы ему подлѣ землѣдѣльца, или подлѣ боку мастероваго человѣка сѣсть. Онъ, вездѣ разумъ почтетъ, гдѣ его ни найдетъ; а добродѣтелью, всегда весе-

литься станетъ : хотябъ она подъ золотыми парчами , или бы , подъ сѣрымъ сукномъ была. Ежели нечаянной случай , въ такую бесѣду его приведетъ ; гдѣ люди , нѣчто противъ добродѣтели дѣлаютъ , и говорятъ : то о семъ , по примѣру гордаго Фарисея роптать не станетъ ; да съ веселымъ Цицерономъ , такому случаю посмѣется. Сей у Римлянъ славнѣйшей Ораторъ и Философъ , о такой бесѣде ; къ другу своему Петусу , слѣдующее писалъ. Я эту грамоту къ тебѣ отправя ; въ девятомъ часу вечера ужинать пошелъ. буде спросишъ куда? Къ веселому Волумнїю! Тамъ, по правую у меня руку , лѣжалъ Веррїусъ ; а по лѣвую , Аттикъ. Оба тебѣ друзья! Развѣ тебѣ это дивно ; что я въ не щастье своемъ , такъ веселъ быть могу? Чтожъ мнѣ другое дѣлать? Развѣ безпрестанно крушиться , да плакать ? А что я себѣ тѣмъ помогу? Ты мнѣ скажешъ ; забавляйся письмомъ , да чтенїемъ книгъ : у меня то и весельѣ. Какъ бы мнѣ безъ этой честной , и полѣзнѣйшей забавы прожить? Только и въ этомъ трудѣ , мѣра надобна. Человѣкъ , отъ письменной работы , скорѣе другова дѣла устанетъ. Когда я за книги примусъ ; въ тѣ поры жену съ дѣтьми , и весь Римъ забуду. Спроси учоныхъ людей ; они тебѣ скажутъ , сколько къ сему дѣлу времени надобно. Я тебѣ еще больше скажу. Противъ насъ на канапе , лѣжалъ Евтрапель ; а у ногъ его , сидѣла Цитера. Ежели мнѣ скажешъ ; въ такую то бесѣду , постоянной нашъ Цицеронъ зашелъ! Какъ тамъ люди на почтенное лицо твое смотрѣли? Какїя уши тѣхъ устъ слушали , передъ которыми , весь Римъ молчитъ? Истинно я не зналъ , что Цитера тамъ будетъ. Не стыдился же Сократовъ ученикъ Аристипъ въ тѣ поры , какъ его тѣмъ упрекали; что онъ съ Лайсою въ одной компанїи сидѣлъ : а Философъ имъ отвѣчалъ. Хотя Лайса подлѣ Аристипа и сидитъ ; только она имъ не овладѣетъ. Самъ ты довольно знаешъ, что меня такїе лицы съ молоду не прельщали ; а теперь уже на старости, конечно не поколеблютъ. Я въ компанїи , за тѣмъ охотно сижу ; что все на умъ мнѣ приходящее, свободно тамъ говорю. Съ утра до полудни ; пишу , да читаю. Въ полдни , придутъ ко мнѣ друзья. Съ ними я за обѣдъ сѣвши : еще меньше тово говорю , нежели законы дружества дозволяютъ. Для того ты, моей компанїи не бойся. Я у тебя такой гость буду, которой мало ѣстъ; а много шутитъ. Желаю тебѣ здравствовать.

ствовать. Сей примѣръ, кажетъ разумъ такого язычника, которой въ компанїи будучи; себя и людей, не порочно увеселить старается. Острота разума, и скромность; могутъ человѣку при такихъ случаяхъ, вмѣсто свѣтильника служить. Но всякому изъ насъ, то должно помнить; что богъ человѣку два уха, а одинъ ротъ, и одинъ языкъ на то далъ: что бы мы больше слушали, а меньше говорили. Уши, сама природа за тѣмъ отворенными устроила; что бы человѣку, больше слушать: а отъ самой бы натуры затвореннаго рта; безъ притчины, и безъ разсужденїя, намъ не отворять. Человѣкъ: симъ способомъ, много безпокойства убѣжать можетъ: ежели въ компанїи сидя, рѣчей и разсужденїя другихъ людей не опровергаетъ; а за свое мнѣнїе, упорно не стоитъ. Ежелибъ только по думать, какъ мало мы бѣдныя люди знаемъ; то бы человѣкъ, произходящїя въ компанїяхъ разговоры: больше къ собственному наставленїю, нежели къ строгому ученїю другихъ людей употреблялъ. буде мы себя, въ такомъ состоянїи усмотримъ, что другимъ людямъ наставленїе дать можемъ; то надлежитъ сїе прїятнымъ разговоромъ, и дружелюбнымъ увѣщанїемъ; а не строгими заповѣдьми, или, высокогласными повелѣнїями дѣлать. На чужїя продерзости должно намъ ушами отвѣчать; а усты бы твои, къ жестокому обличенїю, и къ ругательству ближняго, никогда не отворялись. Ежели противники твои, ядовитаго языка своего на оселкѣ злобы точить; и славу добраго человѣка, сею бритвою рѣзать не престаютъ: то, отъ такихъ бесѣдъ бѣгай; и всею возможностью уклоняйся. Мнѣ случилось въ компанїи съ такою госпожею сидѣть; катораря, на за шедшїе о безпокойствѣ разговоры!, такъ отвѣчала. Къ убѣжанїю душевнаго безпокоства; лутче того способа нѣтъ, какъ молодому человѣку, по ранѣе женится. Но тяжкими послѣ сего слова воздыханїи, и пролитыми слезами; къ наставленїю всѣмъ въ собранїи бывшимъ, дѣйствительно обявила: что супружеское житьѣ, премногимъ сѣтямъ, искушенїямъ, бѣдамъ, печалямъ, и великимъ горестямъ подвержено.

29.

Послѣ честнаго обхожденїя въ компанїяхъ; есть позволенныя способы, ко увеселенїю человѣческому. Ежели игрѣ, не Iгра, путешествїе, и музыка.

не для корыстнаго, и пагубнаго выигрышу быть; то биліардъ, къ движенію тѣла; шахматы, къ поощренію ума; а Ломберъ, къ забавѣ служить можетъ. Однимъ, нравится музыка; другимъ людямъ, путешествіе мило; а третіе, художествами забавляются. Я будучи въ Париже: познакомился съ Парламентскимъ Совѣтникомъ; которой, залотыя да серебреныя вѣщи, лутче мастеровъ дѣлалъ: а въ алмазахъ, и въ дорогомъ каменье, великую силу зналъ. Этотъ искусной человѣкъ, и многими добродѣтельми украшенной мужъ, часто меня посѣщая; на пагубное злонравіе одноземцовъ своихъ, весьма справедливо жаловался. Я; умныхъ ево жалобъ слушая, самъ въ себѣ подумалъ. Не тольло намъ однимъ иноземцамъ, да всей бы Европѣ, бога о томъ молить надлежало: что бы земляки твои Французы, въ наши краи никогда не ѣздили, и своемубъ злонравію, насъ не переучили: отъ котораго теперь всѣ Христіянскіе народы, не чувствительно заразились. Остроумнѣйшей въ монархахъ Соломонъ; во всякихъ случаяхъ молодости своей, всего на свѣте смотря, отвѣдывалъ. Но кромѣ мудрости, и трудолюбія; ни гдѣ, и ни въ чѣмъ, совершеннаго спокойства не нашолъ. Для того, за ранѣе къ нему возвратясъ; книгу Эклезіаста своего, увѣщаніемъ къ страху божію, и храненіямъ заповѣдей его, весьма разумно заключаетъ. Первыя его увеселеніи, были безгрѣшныя. Сей премудрой Царь, строилъ себѣ домы; заводилъ сады и виноврады; разсматривалъ натуру травъ, и деревья. Привелъ въ порядокъ землеѣльство; учредилъ многія заводы; но между сими надмѣру великими трудами, и чрезвычайнымъ попеченіемъ о земныхъ; сердце ево отъ бога отвлеклосъ. Страсти возмутилисъ; великое, и вседневное увеселеніе, произвело роскошъ: которая, пѣвицами да комедіантами началасъ; а окончаласъ грешнымъ и душепагубнымъ многоженствомъ. Изъ сего видно; съ какимъ размѣромъ, и коль съ великою осторожностью, человѣку; всякое земное веселіе, употреблять должно: дабы оное сперьва излишнымъ послѣ того, злымъ: а наконецъ, беззаконнымъ употребленіемъ своимъ; притчины къ новомубезпокойству, въ насъ не произвело. Отъ сего то злова употребленія свѣтскихъ забавъ въ смятеніе пришедшей Царь Соломонъ; не избѣжное отъ него безпокойство свое, въ Эклезіястовой книгѣ разсыпать старался. Но понеже ему возстановленіе прежняго спокойства,

такъ много печали и труда не причинило; то, съ тѣми людьми что уже будетъ: которые ни въ тысяшную долю разума, противъ Саломоновой премудрости не имѣютъ? Хотя всѣ позволенныя забавы, особливую въ себѣ пріятность содержатъ; только онѣ первой, и ближайшей путь къ злому употребленію: а за тѣмъ, и поводъ ко грѣху подаютъ. Этѣ забавы подобны фальшивому лѣкарству, отъ котораго больнымъ, нималой пользы не бываетъ; и быть не можетъ. Ко очищенію, и къ спокойству души; чашки кофе съ молокомъ, да бутылки шампанскаго съ веселою бесѣдою, отнюдь не довольно: но весьма иные обстоятельства къ тому надобны. И того еще заподлинно сказать не льзя, можноль человѣку до тѣхъ поръ совершеннаго спокойства достигнуть, пока твердаго о томъ намѣренія не возметъ; чтобъ ему настоящимъ чиномъ, житьемъ, и состояніемъ своимъ; довольну быть. Все то настоящее, будущее, или прошедшее; о чемъ человѣкъ печалится можетъ. Настоящее, скоро проходитъ; и больше притчины къ желанію, нежели къ безпокойству, и печалямъ. Минувшаго, уже нѣтъ. Какъ же не безумно, о томъ человѣку печалится; чево ни гдѣ сыскать не льзя? будущее въ переди; а придетъ, или нѣтъ: того никому знать не льзя? На чтожъ тебѣ о томъ крушиться, чего еще не бывало? Да я боюсь тово, что бы мнѣ безщастнымъ, больнымъ, или бѣднымъ нездѣлаться. Для чего тебѣ, не извѣстными дѣлами себя мучить? За чемъ не можешъ щастливъ, богатъ, или здоровъ быть? По что твоему страху, выше надежды простираться? Чегобъ ради тебѣ, изъ двухъ бѣдъ; мнѣйшаго зла невыбрать? Для какой бы притчины человѣку, изъ настоящаго состоянія своего, лутчаго житья не здѣлать? Ежели тебѣ прошедшее, способъ къ размышленію о душевномъ спокойствѣ подавало; такъ о чемъ ты и жалуешся? Цицеронъ пишетъ. Мое утѣшеніе въ нынѣшнемъ не щастьѣ, што; что я способъ и случай получилъ, къ размышленію о мудрости: дабы оную, сынамъ отечества моего объявить. А что человѣку лутче, и полезнѣе сего?

30.

На поминанїе минувшаго.

Эта обыкновенная не благодарность злова, лукаваго, и прелестнаго свѣта; чтобъ минувшее, отъ людей учиненное намъ благодѣянїе забывать: да тѣмъ только мучиться, что оно перестало. Вся свѣтлость прежняго веселья ищезаетъ; какъ скоро рѣка жизни нашей въ мутную лужу скуки, и печалей впадетъ. Намъ должно было о томъ радоваться, что мы такъ много блага получили: а за прошлыя спокойные дни и лѣта наши, бога усердно блогодарить. Симъ бы мы способомъ; и печальное время свое въ радостныя часы обратившы, за благодарность свою отъ милосердаго бога, новое благословенїе всеконечнобъ получили. Намъ къ сему дѣлу, весьма нуженъ остропамятной, и благодарной Симонидъ: дабы насъ симъ двумъ добродѣтелямъ научилъ. Мы отъ природы своей такъ повреждены, что доброе оченъ скоро забываемъ: да вопреки тому, всякое зло весьма долго помнимъ: а намъ оное, скоро забывать надлежало. Когда уже язычникъ Епикуръ, къ поспѣшествованїю душевнаго спокойства совѣтуетъ; минувшее зло какъ на и скорѣе забывать, а полученныя отъ людей благодѣянїи, какъ можно чаще помнить; то для чего Христїянамъ, въ этомъ важномъ дѣле безумнѣе Епикура быть? Подобныя ему язычники. Темистоклъ, да Орестъ; прошлую печаль свою скоро забывали. Выгнанной изъ Рима славной Полководецъ Марїусъ, наготу и голодъ терпѣлъ. На побѣге отъ гонителей, по самую шею въ болотѣ стоя, прежнїя свои благополучїй напоминаетъ; а настоящую бѣдность его, прїятною памятью прошлыхъ побѣдъ, и трїумфовъ своихъ облегчаетъ. Когда Цицеронъ въ ссылкѣ своей увидѣлъ, что печаль да жалоба ничево ему не помогаетъ; то и онъ, власно тѣмъ же способомъ себя утѣшалъ. Какъ враги и гонители его утѣснили, то сей славнѣйшей мужъ удалясъ отъ нихъ тѣмъ напоминанїемъ веселился; что отечество свое, отъ крайней погибѣли спасъ: Римскому народу полезнѣе всѣхъ враговъ своихъ былъ; а настоящее не щастїе безвинно терпитъ.

31.

* Истинное спокойство; выше и дороже всего свѣта,

* Прямое спокойство въ недостаткѣ, лутче безпокойства въ изобилїи, и въ великомъ богатствѣ. Македонской Царь Але-

Александръ по прозванію великой, почти уже цѣлаго свѣта обладателемъ учинившись, на то время плакалъ: какъ ему сказали что есть иной свѣтъ, и жизнь безконечная. Кратесъ, великою бѣдностью своею доволенъ. Напротивъ того Александру, всего свѣта мало казалось. А Философъ Анаксархъ, въ крайнемъ не имуществѣ живучи? всегда веселъ былъ. Тихой нравъ, и спокойное сердце безстрастей; божіимъ жилищемъ, и Престоломъ истинной мудрости назвать должно. Ежели человѣкъ прихотьми надутъ, то, ни вся вселенная сокровищи своими: несытой души сего прихотливца наполнить не возможетъ. Тогда человѣкъ, уподобляется скупому купцу; которой малою прибылью не довольствуючись, но отчасу большихъ корыстей жаждучи, до тѣхъ поръ въ задъ и въ передъ по морю бѣгаетъ; пока оно корабль съ купцомъ, и со всѣми его товарами поглотитъ. Такими то способы, всякое несытство кончится. Кто чиномъ, житьемъ, и состояніемъ своимъ доволенъ: тотъ вожделѣніямъ своимъ такую границу полагаетъ, за которую бы они переходить не дерзали. При такомъ состояніи находящейся человѣкъ, всѣмъ въ руки къ нему приходящимъ такъ доволенъ; что излишняго отнюдь не требуетъ, и онымъ добровольно поступается. А о своемъ вредѣ и убыткѣ, выше мѣры не печалится. Притомъ помнитъ; что все около, и внѣ его сущее, того не чувствуетъ: когда человѣкъ о чемъ печаленъ, или сердится. Собственной пользы, за тѣмъ себя не лишаетъ; что другіе люди долю ихъ, къ своему удовольствію употребляютъ. Это уже извѣстно дѣло; что внѣшнія или наружнія вѣщи, не въ нашей силѣ. Ежелибъ онѣ въ человѣческой власти были; то бы мы ихъ, и потерять не могли. На чтожъ печалится о томъ; когда стекло, или порцелинъ разобьеться? Кто о настоящемъ тѣлесномъ вредѣ много печалится; тотъ [какъ видно] душевныхъ благихъ, въ велико неставитъ: которая всегда съ нами, и въ нашей власти. Стужу, и жаръ, безъ дальняго труда сноситъ; а доброе, и мужественное сердце его; отъ не щастія и бѣдъ, не скоро испужается. Великодушной человѣкъ, такъ думаетъ. Каковобъ велико не щастье мое ни здѣлалось, однако ему конецъ будетъ. Сіе мудрое разсмотрѣніе настоящаго блага, великая помощъ къ спокойству душевному; ежели къ случаямъ того не прибавлять, чего они въ самихъ себѣ не имѣютъ. А будущаго, на

собственное себѣ мученїе; изъ далека, отнюдь къ себѣ не приводить. Человѣку надобно больше о томъ радоваться, что у нево есть; а не о томъ печалится, чево нѣтъ. Нѣкто спросилъ нищаго; здороволь ты живешъ? Нищей ему отвѣчалъ. Слава богу, я со всѣмъ здоровъ! Знаю что дѣлаю! Одежду и обувь имѣю! А хлѣба, столько набралъ; что не только мнѣ сей день, да еще и завтра не съѣсть. Ктожъ изъ насъ такъ доволенъ, какъ этотъ нищей? Многїе люди, подобны такимъ мешкамъ; которые изъ рѣдкой, и толстой холстины сшиты. Они; мѣльчайшую муку, пылью изъ себя выпускаютъ: а отруби, въ себѣ удерживаютъ. Для чево мы лутче того не удерживаемъ, что насъ веселить можетъ; а тово отъ себя не отрѣшаемъ, что насъ мучитъ? Настоящее малое въ рукахъ, гораздо лутче тово будущаго большова, что за оболоками. Нѣкто другу своему сказалъ. Ты нашолъ то, что не у многихъ есть; а потерялъ такую вѣщь, которой всѣ мы лишиться принуждены. О чемъ же и тужишъ? Римской судья Папирїй Петусъ, печалившисъ о не извѣстныхъ ему дѣлахъ; отправленнымъ къ Цицерону письмомъ спрашиваетъ о томъ, что въ передъ будетъ? Цицеронъ ему, обратнымъ письмомъ отвѣчалъ. Ты у меня тово спрашиваешъ, о чемъ всѣ безумцы мечтою себя мучатъ. Желаешъ дорогой мой Петусъ, то вѣдать; чево и самъ начальникъ нашъ Помпей не знаетъ. Мы не ему служимъ, да времени ево повинуемся. Онъ тово не знаетъ, что время принесетъ, а мы того не вѣдаемъ что Помпей думаетъ. Ты лутче желай, въ мысляхъ своихъ горшее себѣ представлять; а все на тебя приходящее, терпеливо сноси. Не многїе о томъ разсуждаютъ, сколь богаты, и какъ благополучны они въ настоящемъ времени. Для сей притчины; этѣ суетные люди безразсуднымъ желанїемъ своимъ, отчасу въ горшее безпокойство углубляются. Каменьшиковъ и другихъ мастеровыхъ людей; съ тижелой работы перевели на легкую. Какъ они у сего новаго дѣла малое время по бывши стали о томъ жаловаться, будто теперешняя работа не сносна: то одинъ изъ нихъ по умнѣе, товарищамъ своимъ сказалъ. По думайте братцы! Сколь тижела намъ прежняя наша работа была? А буде насъ завтра на такую работу погонятъ, которая въ трое тижелѣ старой будетъ; то вы о теперешномъ легкомъ дѣле, гораздо по тужите.

Такое же власно, и съ любопытнымъ человѣкомъ обстоятельство. Ему надлежало Господа бога о томъ хвалить, что у нево насущной хлѣбъ есть; а онъ жалуется, будто у нево перекусить нѣчего. Сей роптатель, не долженъ былъ того забывать; что настоящей трудъ и крестъ, очень ему сносенъ: а несравненно тяжелѣ онаго, отъ бога на нево посланъ; и за роптаніе наложенъ быть можетъ. Для чево ему, недовольствоваться малымъ трудомъ? По что самому себѣ, большей нужды и бѣды искать? Что мнѣ будетъ въ тѣ поры дѣлать, какъ у меня силы не станетъ работать; и ничево себѣ нажить не въ состояніи буду? И въ тѣ поры, по старому веселъ будь! Что ты себѣ печалью, да туженьемъ поможешъ? Ничево! Дикіе Американцы съ работы сошедъ и наѣвшисъ, такъ крѣпко спали; что приставникъ, на силу ихъ разбудивши спросилъ. Отъ чево это вы такъ крѣпко, какъ мертвые спите? Дикари ему отвѣчали. Отъ тово; что мы сей день до поту работавъ, и досыта наѣвшисъ, веселы были: а завтрешной день, богу; да господину своему вручаемъ. Кто сего дня живъ, тотъ и сытъ; а кто до утра доживетъ тотъ также обѣдать, да ужинать станетъ. Многія перемѣны дѣлъ человѣческихъ, не обходимо того требуютъ; чтобъ и на нихъ, также власно какъ на теперешную, или настоящую погоду смотря поступать: а времени, всегда повиноваться. Философъ Платонъ, о семъ дѣле такое разумное слово сказалъ. Жизнь наша, подобна игранію въ кости. Не въ нашей это власти, столько бковъ кинуть сколько мы желаемъ: да то, можетъ разумъ человѣческой здѣлать, что бы по случаю упадающія оки насъ не озлобили. Человѣку должно тѣмъ пользоваться, что накостяхъ ляжетъ; и потому тавлейныя кружки, какъ можно лутче ставить. Ежели мы сію науку переймемъ, то, съ тѣмъ человѣкомъ согласиться можемъ: которой намѣренъ былъ бѣшеную сабаку застрѣлить, но вмѣсто eѣ мачиху свою убивши, сказалъ. Порохъ, и зарядъ мой; не пропалъ. Я въ томъ ни мало негрѣшу, что жизнь нашу игрѣ уподобляю, на славу тѣмъ людямъ; которые и въ не щастье своемъ, также власно какъ въ щастье смѣются. Только сіе важное дѣло до тѣхъ поръ не исполнится, пока мы разинувши ротъ на другихъ людей зѣвать станемъ: а на себя никогда не оглянемся, и состоянія своего здравымъ умомъ не разсудимъ. Нарушателямъ супружеской вѣрно-

 сти,

сти, весьма особливое это наказанїе; что они законныхъ краснаго лица, и добродѣтельныхъ женъ своихъ возненавидя; на мерзскихъ скверновицъ мечутся. Это достойное и праведное имъ не щастїе, отъ того на нихъ приходитъ; что страстью ослѣпшей человѣкъ, собственнаго благополучїя не видитъ и не признаваетъ. Не подлиннаяль это причина къ нашему безпокойству; что мы своимъ убожествомъ, противъ богатства другихъ людей равняться желаемъ: а своихъ ногъ, пособственной одеждѣ, протягать не хочемъ? Для сей причины; заводной мужикъ, мѣщаниномъ быть желаетъ. богатой посадской, шляхетства ищетъ; а убогой дворянинъ въ Герцоги, или на послѣднюю мѣру въ Графы добивается. Всѣ этѣ безумцы, подобны Езопову ослу; котораго скотская прихоть къ тому возбудила, чтобъ нальду по танцовать: только отъ сего, не ево глупой природѣ приличнаго менуета; обѣ ноги себѣ переломилъ. Послушаемъ лутче Плютархова совѣта. Онъ сїе безумство, такимъ мудрымъ разсужденїемъ отвращаетъ. Тебѣ, надобно великодушну быть. Людямъ не много дивисъ, да больше самъ себя въ примѣръ имъ представляй. Ежели тебѣ нельзя брїарѣемъ, или Геркулесомъ быть; такъ на послѣднюю мѣру, можешъ спокойную душу имѣть. Не удивляйся смотря на такова господина, котораго гайдуки въ Портшезѣ [но сильная корѣтка] руками своими тащатъ. буде твое мечтанїе; сего въ корѣтке высящагося горделивца, такимъ же щастливымъ какъ Креркса на зоветъ: такъ вспомни многїе тысячи тѣхъ бѣдныхъ людей Персидскаго народа, которые по приказу сего гордова Царя ихъ, палочные удары терпя: высокую гору Атосъ, ужасным трудомъ долой срывали. Не забудь еще множайшихъ тысячъ тѣхъ же Персїянъ, коимъ тотъ же звѣронравной Царь: носы, и уши, за то обрѣзать велѣлъ; будто ихъ не береженїемъ, на Еллеспонтѣ [морской проливъ въ Греческой землѣ] здѣланной мостъ, жестокою бурею снесло. Съ сими то бѣдными людьми самъ себя сравнявши, по думай. Не въ тысячную ли мѣру, ты щасливѣе ихъ? По что же самъ себѣ; такъ бещасным, и столь бѣднымъ человѣкомъ въ глазахъ своихъ кажешся? Хочешъ ли знать тайну? Пожалуй скажи! Отнюдь ты себя, чужимъ аршиномъ не мѣряй; а съ вышшими тебя, никогда не равняйся. Езопова лягушка конечно бы не лопнула; ежелибъ мнимою своею величиною, съ быкомъ равняться невздумала.

32.

32.

Ежели праведное сравненіе собственнаго блага, и зла, учинить пожелаешь; то прежде всего рачительно наблюдай, что бы вѣсы разсужденія твоего вѣрны, и во всемъ исправны были. Поднявши ихъ правою рукою къ верьху, на лѣвую чашку терпѣніе свое положи, а на правую чашу вѣсовъ радость свою поставь. По прилѣжномъ смотрѣніи увидишь, какъ одна сторона противъ другой на вѣсу состоитъ? На правой сторонѣ лѣжащая польза твоя, такъ велика и важна; что на лѣвой чашкѣ стоящей убытокъ, нимало ея къ землѣ нетянетъ. Не всегда, на сухое деревье въ саду твоемъ смотри; да временемъ на зеленыя, и цвѣтущіе яблони взгляни. Ктобъ и зо всей жизни своей, одно только горькое выбирать по хотѣлъ? Ктобъ одними только печальми себя мучить, и такому человѣку уподобится вздумалъ; которой сладкое вино людямъ продовалъ, а самъ уксусъ пилъ? Я, тѣмъ дѣтямъ подобенъ быть отнюдь не хочу; которые до тѣхъ поръ чешутся, пока тѣло свое до крови раздерутъ. Ни съ такими прошаками равнятся не думаю; которые себѣ и дѣтямъ своимъ, руки да ноги для того ломаютъ, что бы у народа вольше милостины выманить. Цицеронъ въ ссылкѣ своей живучи тѣмъ веселился, что доброю совѣсть свою; съ дѣлами славнаго Помпея, да соперника его Іюлія Цесаря равняя, въ книгѣ житья своего такъ о семъ пишетъ. Я уже то забываю, что потерялъ; да о томъ только помнить стану, сколько добра самъ здѣлалъ, или поспѣшествовалъ. Я себя, и въ не щастье своемъ съ тѣми равняю; кои меня въ нынѣшнюю бѣдность привели. Оба они; обидчиками, и утеснительми отечества здѣлались. По сравненій моихъ добрыхъ поступокъ, съ дѣлами сихъ завоевателей; я, нынѣшняго не щастья своего: на всю ихъ славу, на богатство, и на великолѣпіе не промѣняю. Какъ тотъ, такъ и другой, тѣмъ меня безсчаснѣе; что страсти ихъ одолѣли. У обѣихъ; ни суда съ росправою, ни милости съ человѣколюбіемъ нѣтъ. И Помпей, и соперникъ его Цезарь; славу съ высокимъ достоинствомъ своимъ, выше благополучія отечества почитаютъ. Меня; добрая совѣсть тою пріятною памятью веселитъ, что я любезной отчизнѣ моей, всею возможностью усердно служивщи; истинное, и вѣрно

Прямое сравненіе добра, и зла своего.

сынов-

сыновское объ ней попеченіе имѣлъ. Кто такое сокровище чести, и добрыхъ дѣлъ; въ душе, и въ совѣсти своей имѣетъ: тому разсмотря и вспомнивши ихъ, сердечно веселится надлежитъ. Спокойство добросовѣстнаго, несравненною мѣрою лутче безпокойства злова человѣка. При такомъ состояніи, и самая печаль должна къ тому способствовать: что бы горесть не щастія, въ сладость утѣшенія обратишь. Нѣтъ такой злой вѣщи на свѣте, которая бы къ чему нибудь доброму негодиласъ. Я въ нынѣшнемъ не щастье моемъ тѣмъ веселюсъ, что въ теперешней ссылкѣ своей время получилъ, книги о должности человѣческой: къ пользѣ малаго отечества моего написать. А что человѣку лутче, и полезнѣе мудрости? Ни одново такъ худова чина, житья, и состоянія человѣческаго нѣтъ; въ которомъ бы какой нибудь пользы ненашлосъ. Взявши ево съ доброй стороны, самъ себѣ говорю. Хотя я изъ отечества моего и выгнанъ, однако здоровье, и разумъ удержалъ. Все мое пропало, только великодушіе со мною. О томъ бога славлю; что умъ, память, волю, и доброе разсужденіе имѣю. Ни чьему безумію помогать, и никому рабомъ быть не обязанъ. Живу, ѣмъ, сплю, встаю, ложусъ, и гуляю по своей волѣ; чево мнѣ больше? Хотя мечта да ложное мнѣніе, безщастнымъ меня и называетъ: только разумъ, весьма иное мнѣ говоритъ. Злыя люди, сильно меня не навидятъ! Щастливъ ты, что они тебѣ горшихъ бѣдъ не дѣлаютъ. безсовѣстныя меня гонятъ! А каковобъ тебѣ въ тѣ поры было, когдабъ они тебя ограбили? Фролъ меня злословіемъ язвитъ, а Лаверъ облыгаетъ! благодари бога о томъ, что они тебя до смерьти не убили. Самъ не знаю, за что Сидоръ на меня восталъ? Знать, онъ тебя богатствомъ да чинами сильнѣе: а ты ево, умомъ превосходишъ. Не вѣдаю для чего Карпъ меня ругаетъ, и вездѣ поноситъ? Для того, что онъ золъ, а ты, добрымъ быть стараешся. Кому же изъ васъ, лутчая часть по раздѣлу достанешся: ему, или тебѣ? Всеконечно твоему жеребью, лутчему быть должно. О томъ ли мнѣ печалиться, что у дѣла моего отнято; а у отца згорѣло, и въ бѣдахъ пропало? У меня еще больше, и лутче ихъ тово осталосъ; о чемъ я радоваться могу. Такъ отвѣчалъ Философъ Аристипъ тому другу, которой въ печали, и въ убыткахъ его утѣшалъ.

Ежели

Ежели у меня чести, богатства, высокихъ достоинствъ, сильнаго отца, знатнаго сродника, и многомощнаго благодѣтеля нѣтъ: такъ богъ мнѣ отецъ, помощникъ, и сильнѣйшей всѣхъ покровитель. Денегъ ли у меня не стало? Такъ спокойная душа, и веселое сердце есть. Хотя я не богатъ; однаго здоровъ, и малымъ доволенъ. Когда у меня того нѣтъ, что другїе имѣютъ; такъ много такихъ хорошихъ вѣщей у себя нахожу, чего у нихъ нѣтъ. Лутчежъ мнѣ, излишествомъ собственнаго спокойства довольствоватся; нежели безпокойства въ чужомъ изобилїи, да въ ложномъ щастье другихъ людей искать.

33.

Сравненїе собственнаго не щастїя, съ чужимъ злополучїемъ.

Кто находящееся въ рукахъ своихъ доброе, чрезъ объявленной способъ съ тѣмъ сравняетъ, чего у нево нѣтъ: тотъ человѣкъ, несправедливость печали своей, не только скоро увидитъ; да еще великой способъ ко удовольствїю своему получитъ, когда въ этомъ сравненїи далѣе поступивши, не токмо свою радость, и печаль разсудитъ; да мнимое свое не щастье, съ подлиннымъ злополучїемъ другихъ людей безпристрастно разсмотритъ, и здравымъ умомъ сравняетъ. Ежелибъ мы во всемъ праведно поступали, тобъ скоро могли увидѣть, какъ сильно въ томъ обманываемся: что себя бещастнѣе другихъ людей, весьма напрасно признаваемъ. Я такого человѣка знавалъ; которой отъ малаго недостатка будучи утѣсняемъ, нарочно за тѣмъ въ гошпитали да въ богадельни ходилъ, чтобы на такихъ людей по смотря, печаль свою забыть; которые въ тысячу мѣръ, бѣднее ево. Другой не богатой дворянинъ; въ печалѣ о недостаткахъ своихъ, часто къ окну своему подходя, на улицу смотрѣлъ. Увидя знатнаго купца, самъ себя спросилъ. Промѣняешъ ли ты свою жизнь, на ево житье? За тѣмъ не промѣняю; что онъ завтра банкрутомъ здѣлавшисъ, въ тюрьму посаженъ быть можетъ. Потомъ увидя шпапскаго, въ мысляхъ себѣ сказалъ: я самъ таковъ же. На бѣднаго смотря по думалъ; благодарю бога о томъ, что я богатѣе сего мизерака. Какъ противъ окна ево поровнялась шумящаго журьба холопей, матрозовъ, и салдатъ; то дворянинъ, съ жалостью, и со омѣрзенїемъ на сїю подлость смотря, подумалъ. Слава Господу богу; что я не отъ этой худой

крови родился. За тѣмъ; проѣхали мимо двора ево двѣ кареты. Одна цугомъ; а другая четверьнею. Шляхтичъ, на нихъ смотря помыслилъ. Ежелибъ я подлинно вѣдалъ, что въ этѣхъ великолѣпныхъ рыдванахъ: не правда и грабительство, со множествомъ смрадныхъ пороковъ не сидитъ; тобъ а восьлибо и я, этой свѣтской суеты да житейской гордости, себѣ пожелалъ. А что мнѣ въ ней? Напрасно, мечта меня прельщаетъ. Вся эта разворительная спѣсь, и гордая прихоть; Христїянину не надобна. Не глупой дворянской сынъ, нѣсколько дней къ окну своему подходя; до тѣхъ поръ на улицу смотрѣлъ, пока на учился спокойнѣйшимъ быть. Ежели такая перемѣна вѣщей свѣтскихъ, мудрымъ разсмотрѣнїемъ оныхъ, подлинно намъ спокойство принесть можетъ: то она такой медь во устахъ своихъ носитъ, которой намъ при всякомъ познанїи правды нуженъ, и весьма полезенъ. Кому сїя истинна нѣкоторую болѣзнь причиняетъ, у того человѣка сердце и душа, къ суетѣ да къ прелести мира сего, выше мѣры крѣпко прилѣпилосъ. А разлученїе съ сею душе нашей пагубною суетою, и удаленїе отъ страшной въ свѣтѣ прелести, великое и весьма нужное благо человѣку. Каковъ бы кто изъ насъ убогъ не былъ, однако много такихъ людей найдешъ; которыя гораздо бѣднее его. Мы о чужомъ не щастье такъ мало знаемъ, что бы намъ и подумать было стыдно, будто наше бещастье не сносно. Какъ много ты такихъ людей знаешъ, изъ которыхъ всякъ свой крестъ, шоесть собственную бѣду и печаль несетъ? Сколь мало тебѣ горести и бѣды тѣхъ людей извѣстны, которыхъ ты больше другихъ знаешъ? Многихъ лице, предъ людьми кажется весело и прїятно: а сердце ихъ отъ страха, отъ муки, отъ бѣдъ, и отъ печалей стонетъ. Уста ихъ смѣются, а сердце плачетъ. Ты завидуешъ такому человѣку, о которомъ бы конечно пожалѣлъ; ежели внутреннюю горесть и печаль его вѣдалъ. Почтобъ тебѣ о своей бѣдности прежде того жаловаться, пока того не узнаешъ, подлинноль ты бѣднее другихъ людей: и можешъли себя по справедливости бѣднымъ назвать? Философъ, и Афинской законодавецъ Солонъ; возведши печальнаго друга своего на такую высокую гору, откуда бы онъ весь городъ Афины видѣть могъ: и указавши ему на премногїя сего мѣста домы, такъ сказалъ.

Поду-

Подумавъ, и разсудивши въ себѣ то; какъ много превеликихъ бѣдъ и печалей, подъ кровлями сихъ дворовъ живетъ: пожалуй перестань печалиться о такихъ случаяхъ, которые съ родомъ человѣческимъ такъ же не раздѣльны, какъ душа съ тѣломъ не разлучна. Чудное, и почти невѣроятное дѣло; что неразсудительное и безпамятное самолюбїе: всякїя печали и горести, несравненно большими того кажетъ; каковы онѣ въ самомъ дѣле. И надомною власно тожъ, что надъ сосѣдомъ моимъ дѣлается; а мнѣ свое малое не щастье, въ милїонную мѣру больше чужой великой бѣды, ложно кажется. Ежели у сосѣда жена умретъ, то объ ней и вздохнуть не думаю; а какъ моей жены не станетъ, въ тѣ поры не лѣпымъ голосомъ завывши, весьма иное за говорю. Развѣ жена твоя безсмертна была? Ни какъ. Или она тебѣ прекраснѣе, и добродѣтельнѣе всѣхъ женъ на цѣломъ свѣте показалась? Нѣтъ. За чемъ же ты свое не щастье, такъ великимъ ставишъ? Я тебѣ скажу! За тѣмъ; что на свою печаль, въ двойную зрительную трубу смотришъ. А яснѣе сказать; самъ ты себя безмѣрному самолюбїю, и ложному мнѣнїю на муку, и на жестокое терзанїе отдаешъ.

34.

Когда мы свое состоянїе, съ поведенїемъ благополучнѣйшихъ насъ людей сравняемъ, то безпристрасно увидѣть можемъ: кто изъ насъ щастливѣе кого. Здѣсь; подается человѣку новая притчина къ радости, близкимъ разсмотрѣнїемъ добродѣтели тѣхъ людей кои померли: или еще съ нами на свѣте живутъ. Красота добродѣтели, увеселяетъ такихъ людей, кои сами честны будучи; на чужую добродѣтель безъ самолюбїя, и безъ зависти смотрятъ. Въ этомъ случаѣ должны мы послѣдовать мудрому увѣщанїю Римскаго Императора Марка Аврелїя, состоящему въ сихъ словахъ. Хочешъ ли по веселится? По смотри на добродѣтель тѣхъ людей, кои въ твоемъ времени живутъ. Погляди; какъ одинъ честенъ, другой прилѣженъ, третей справедливъ, четвертой щедръ, пятой великодушенъ, шестой скроменъ; а седьмой терпеливъ; и такъ далѣе. Ни что человѣку столь непрїятно; какъ образъ истинной добродѣтели, сїяющей изъ дѣлъ знаемыхъ намъ особъ. По истиннѣ! великїй

Сравненїе своихъ худыхъ поступокъ, съ добродѣтелью чужою.

Монархъ! Долженствовало того желать; дабы въ насъ Христіянѣхъ, много подобныхъ тебѣ: и одного съ тобою праведнаго мнѣнія людей было. Какъ бы отъ того роду человѣческому польза произошла, ежелибъ злыя люди добродѣтели не завидовали: и оную, безвинно не гнали. Да сами бы; достохвальными образы и примѣрами добродѣтельныхъ людей, коисполненію благихъ дѣлъ непрестанно побуждаясь; безсмертную добродѣтель искренно любили, и усерднобъ ея держались.

35.

Только своего злополучія, съ чужимъ щастіемъ; отнюдь не равняй.

Весьма не многія люди съ такою искренностью о себѣ думаютъ; дабы на себя по смотреть, чего у самихъ внутри не достаетъ? Почти всѣ мы таковы; что свои обстоятельства, съ чужимъ житьемъ и состояніемъ, весьма охотно равняемъ: а добродѣтелью счесться, и не думаемъ. Многіе изъ насъ, за весьма странное дѣло это почтутъ; что бы имъ добродѣтельми, и совершенствомъ другихъ людей веселиться. Теперь уже человѣколюбіе, на многихъ мѣстахъ такъ погасло; что мы себя не только лутче обмануть, а не исправить хотимъ: да еще скорѣе желаемъ наше злое, съ сосѣднимъ добромъ; нажели свое доброе, со зломъ ближняго сравнять. Для того мы, всѣ ево наружнія пользы собирая; противъ недостатковъ нашихъ, съ такимъ прилѣжаніемъ равняемъ: что весьма часто уподобляемся глупымъ дѣтямъ; которые золото да серебро изъ рукъ бросивши, красками росписаннаго конька, или другихъ игрушекъ, съ великимъ крикомъ просятъ. Когда до разсмотренія чужихъ нравовъ дойдетъ, то мы весьма развращенно поступая: худое ближняго, тоесть пороки ево: съ нашею добродѣтелью, неправедно равняемъ. Тогда; и малыя не исправности ближняго, таковыжъ велики въ глазахъ нашихъ покажутся: каково собственное не щастье наше. А временемъ, такъ не праведно разсуждаемъ; будто ближней нашъ того достоинъ, чтобъ и ему такое же не щастье случилось, какое на насъ пришло. Ежели чужое не щастье обстоятельно разсмотришъ, то, по благодаря бога скажешъ, слава тебѣ Господи, что я не въ ихъ мѣсте! Потщимся же слѣдовать мудрому совѣту стараго комедіянта,

дїянта, которой у Афенея въ книгѣ такъ говоритъ. Ежели ты бѣденъ, то подумай: что Телефъ въ десятеро бѣдняе тебя. боленъ ли ты? Алькмеонъ; пятнатцать лѣтъ съ постели тяжкихъ болѣзней своихъ не вставалъ. Глазаль у тебя болятъ? Финѣесъ, всю жизнь свою въ слѣпотѣ проводилъ. Сынъ ли у тебя умеръ, или дочери не стало? У старой вдовы Нїовы, три сына въ одинъ день померли. буде ты хромъ? По смотри на безногова Филоктета. Ежели ты старъ; взгляни, на столѣтнаго Енеа. Увидишъ; какъ печаль твоя тѣмъ умалится, что ты въ свѣте много такихъ людей нашелъ; которые въ сотеро хуже, и бѣднее тебя.

36.

Уравненїе того, что имѣемъ, съ тѣмъ, что мы заслужили.

Мы, отъ природы безмѣрно самолюбивымъ глазомъ на себя смотря; больше то щитаемъ, чево у насъ нѣтъ: нежели то помнимъ, чево мы достойны? Мы же; отъ разсмотрѣнїя бѣдъ и напастей добродѣтельныхъ людей, за тѣмъ пользы себѣ не видимъ: что завистью, и самолюбїемъ ослѣпленныя глаза свои, на ложное щастїе злыхъ людей обращаемъ. Притомъ, не опомнимся; каковъ бы бѣденъ конецъ тово мнимаго щастья былъ, котораго мы съ такою нетерпеливостью, и толь великимъ ревнїемъ желаемъ? Ежелибъ щастье злыхъ людей, намъ досталосъ; тобъ мы долженствовали, и пороки ихъ на себя перенять; а этѣ грѣхи, главныя притчины мнимому благополучїю ихъ. Хотябъ намъ самолюбїе, [при такихъ не разумныхъ желанїяхъ] и внушало; будто мы сего благополучїя, достойнѣе другихъ людей: а о себѣ бы думали, какїябъ мы преизрядные господа въ то время были; ежелибъ это мнимое щастье, въ наши руки дѣйствительно пришло? Дамыже бы; въ этомъ благоденствїй гораздо лутче другихъ поступить, и умнѣе многихъ содержать себя надѣялисъ: однако собственной человѣка самого себя обманъ, такъ далеко идетъ; что и тѣ люди, которые худыми поступками сами себя въ не щастїе привели, весьма напрасно думаютъ; будто они впредь, несравненно лутче прежняго поступятъ: ежелибъ только старое ихъ щастье, опять къ нимъ возвратилосъ. Намѣренїе ихъ таковожъ неправедно, какъ желанїе такихъ людей со всѣмъ ложно; которые въ жестокой болѣзни обѣщаютъ

исправиться, ежели только выздоровѣютъ. Но кой часъ болѣзнь минется; то, хуже прежняго жить начнутъ. Нѣкоторые самолюбы, безмѣрнымъ желанїемъ маловременнаго щастїя такъ ослѣпляются, что отъ того и погибаютъ. Я сїе для того пишу, дабы они безумство съ заблужденїемъ своимъ узнавъ, а потомъ бы ободрясъ, такимъ умнымъ людямъ послѣдовали: которые не на одинъ только ложной видъ, но въ самомъ дѣле щастливы. Это мудрое старанїе, двойную пользу производитъ. Во перьвыхъ, исправленїе; а потомъ спокойство душъ ихъ. Сїе, толь надежнѣе учинится можетъ, когда ни богъ, ни природа: способовъ къ истинному благополучїю, ни одному человѣку не отрекаетъ. Только сихъ способовъ; не въ скоро преходящихъ роскошахъ, не во тщетной славѣ, не въ суетной чести, ниже въ тлѣнномъ богатствѣ; но гораздо въ лутчихъ, и въ важнѣйшихъ вѣщахъ искать должно. Какъ долго мы храмину благополучїя своего, на такомъ сыпучемъ пескѣ строить не перестанемъ; до тѣхъ поръ, новыя случаи къ беспокойству получать будемъ. А пока не научимся, вѣчности выше временнаго почитать: до тѣхъ поръ жалобамъ нашимъ конца не будетъ.

37.

Умеренность въ настоящемъ.

Усердное исполненїе добродетелей, подлинно къ совершенному спокойству насъ приведетъ; ежели добродѣтели сердцемъ нашимъ овладѣютъ. Чему внутренное утѣшенїе раждать, тому должно глубже наружняго вида проходить. Правда, воздержанїе, и великодушность; суть три питательницы спокойства душевнаго. Искренно того желать надлежитъ; дабы всякъ изъ насъ эте добродѣтели внутрь себя чувствовать, а не по одному описанїю знать могъ. Онѣ, душе человѣческой такую силу и сладость подаютъ: которою, душа; въ щастьѣ, равно себя учитъ. Щастїе; на и большїя поврежденїи съ пагубными вожделѣнїями: а не щастье, сильнѣйшїя искушенїи въ себѣ имѣетъ. Для сихъ важныхъ притчинъ, во перьвыхъ чрезвычайная мудрость; а поней, правда съ великостью и съ воздержанїемъ, тому чоловѣку надобна: кто въ благоденствїи своемъ, такой равной вѣсъ удержать желаетъ; что бы человѣкъ при щастьѣ, не высоко въ верхъ подымался; а при не щастьѣ своемъ, не глубоко въ низъ опускался. Человѣкъ,

вѣкъ, съ природы своей таковъ тижелъ; что гораздо способнѣе къ паденію, нежели къ возвышенію. Для того нѣкоторые люди; не успѣвши подняться, и опять упадаютъ. Острая память, съ мудрымъ разсужденіемъ во всякихъ дѣлахъ и случаяхъ, производитъ въ насъ великодушіе: а сія великодушность, во всемъ равной вѣсъ производитъ чрезъ воздержаніе. Для сей притчины всякому человѣку то состояніе опаснѣйшимъ почитать надлежитъ; въ которомъ онъ ни о чемъ не думаетъ. Не щастье, чувства человѣческіе въ одно мѣсто згоняетъ; а щастіе, жизненныя духи часто разсыпаетъ. Отъ сего въ человѣке такая легкомысленность родится; что онъ случая, мѣста, дѣла и времени не знаетъ: гдѣ, когда, и чего ему больше беречся. Въ щастьѣ, безъ ума и безъ памяти радоваться; а въ не щастіи, безмѣры и безъ разсужденія, печалиться не надобно. Сіе то драгое и благополучнѣйшее состояніе; человѣка во всегдашнемъ равновѣсіи, и въ спокойствѣ содержитъ. Ктожъ будетъ воздержно радоваться, и умѣренно тужить? 1. Тотъ, кто умѣренно себя любитъ. 2. А другой, тотъ человѣкъ: кто худшую часть самого себя, [тѣло] съ дѣлами ея; меньше, и ниже лутчей части [души] почитаетъ. Кто на высокую башню взойдетъ; у того человѣка росту, за тѣмъ ни на волосъ не прибудетъ: что онъ выше тѣхъ людей стоитъ, которые по землѣ ходятъ. Отъ сей высоты; никакой прибыли ему не будетъ, кромѣ такова закруженія въ головѣ: отъ котораго человѣкъ скоро упасть можетъ. Сей обморокъ въ тѣ поры больше приходитъ, когда человѣкъ отъ безмѣрнаго самолюбія смертельно угоритъ. На сію жестокую болѣзнь; совѣтъ мудраго Сирихова, лутчее лѣкарство и скорѣйшее исцѣленіе. Чемъ выше, и честнѣе ты другихъ людей на свѣте будешъ; то больше смиряйся.

38.

Приготовленіе къ будущему.

Намъ во всякомъ чинѣ, въ житьѣ, и въ состояніи своемъ, то помня всегда резсуждать надлежитъ: что, и какая вѣщъ у насъ въ рукахъ; дабы потомъ объ ней напрасно не тужить. Какъ истинное спокойство, чрезъ то поспѣшествуется; когда человѣкъ настоящемъ житьемъ, и состояніемъ своимъ доволенъ: такъ сіе къ облегченію всѣхъ печалей не мало служитъ; когда человѣкъ печаль свою мысленными

ленными очами разума, власно какъ съ высокой башни изъ далека усмотря; къ принятiю оныя, мужественнымъ сердцемъ, и добрымъ духомъ готовится. Кто симъ способомъ съ печалью своею въ дали познается, того она въ близи, не больно язвитъ, а которой человѣкъ печаль свою до приходу видитъ; тому она по приходѣ своемъ, не много вреда дѣлаетъ. Только я сiе не въ такомъ мнѣнiи говорю, дабы человѣку обовсякой мнимой бѣде, безпрестанною памятью себя мучить. Въ такомъ случаѣ; не льзя ему на единое мгновенiе ока веселу, и спокойну быть. Человѣку то полезнѣе всего, что бы бѣдъ и печалей своихъ не вѣдать. Чево я не знаю; то меня и не мучитъ. Ежелибъ человѣкъ, бѣды и напасти свои напередъ вѣдалъ; тобъ ему только и дѣла было, что непрестанно бояться, и трепетать. Всеведущая десница премудрости божiя; смертельной ядъ нечаянныхъ бѣдъ и горестей, за тѣмъ отъ глазъ человѣческихъ скрыла дабы намъ отъ всегдашняго страха и трепета, безвременно не умереть. О будущихъ случаяхъ, надобно такимъ безпристрастiемъ разсуждать; чтобъ они насъ по приходѣ своемъ ни устрашить, ни опечалить не могли. Мы, очень много въ томъ грѣшимъ; что долгъ человѣческой бѣдности, вдругъ отдать думаемъ. Лутче намъ, съ искусными въ шахматы игроками поступивши; на одну игру, розныя намѣренiи положить. буде одна игра не удастся; такъ другой щастья своего отвѣдай. Когда лукавая фортуна, разными коварствы надъ тобою шутитъ; то ты, разными приготовленiями къ будущему не щастью, сильно ей отмсти. Напередъ видѣнныя стрѣлы, не больно язвятъ. Кто непрiятеля къ себѣ ждетъ; тому шанцы и батареи, до приходу ево здѣлать можно. Желающему ѣхать моремъ; ко всякой непогодѣ, и къ страшнымъ бурямъ, за ранѣе готовиться надобно. Путешествующей, непогоду изъ далека предвидя: отъ дожжа, отъ снѣгу, и отъ всякой слякоти, заблаговременно укрывается. Глупые люди, пришедшее къ нимъ не щастье увидя; всѣ, и всегда такъ говорятъ. Я было тово не думалъ. Очень другъ мой худо; что ты объ этомъ никогда не мысля, обыкновенное у вашей братьи слово небось; безумно говорилъ. Когда уже многiе разумнѣйшiе насъ люди, за истинну утверждаютъ; что боязливость, родная мать мудрости; то для чего намъ сiю родительницу толикихъ благъ, чрезъ разумныя мысли, ору-

орудїемъ спокойства душъ своихъ не учинить? Какъ много баталей однимъ страхомъ выигрываютъ? Сколь многїе Полководцы тѣмъ щасливы бываютъ, что за ранѣе того боятся; дабы бещасными не быть? Гишпанскаго шляхтича спросили. боишся ли ты на свѣте чево нибудь? Дворянинъ имъ отвѣчалъ. У насъ въ Гишпанїи, страху не знаютъ. Только эта ево спѣсивая пословица; никуды не годится. Многїе Гишпанцы отъ тово погибли, что никогда, и ничево не боялисъ. Кто бы могъ такъ худою надеждою себя ласкать, будто никакой страхъ до него не дойдетъ; которой всегда, и около всякаго человѣка лѣтаетъ? Когда уже домъ сосѣда моево горитъ; то, и до меня всеконечно дойдетъ. Знатнѣйшїя люди на свѣте; отъ бѣдъ и напастей, охранной грамоты имѣть не могутъ. А я уже противъ сихъ орловъ, какая синица? Всякой человѣкъ, бѣдамъ и страху подверженъ; а меня бѣдняка, кто [кромѣ бога] отъ сего выключитъ, или охранитъ? Почти всѣ бѣды на человѣка, за грѣхи ево приходятъ; а я, ежедневно грѣшу. На свѣте, ничево постояннаго нѣтъ; а я, по среди не постояннаго свѣта живу. Теперь я богатъ; А что мнѣ въ тѣ поры дѣлать, какъ въ убожество приду? Нынѣ я въ чести; а какъ мнѣ въ гоненїи, да въ безчестьѣ отъ враговъ, и отъ гонителей моихъ поступать? На сей часъ у меня всего довольно, а что бы мнѣ въ тѣ поры дѣлать, когдабъ я ничего не имѣлъ? Такїе умныя разсужденїи, творятъ человѣка осторожнымъ въ щастьѣ; а въ не щастїи его терпеливость приносятъ. Эта осторожность; обогащаетъ человѣка веселымъ нравомъ, и безъ опасностью. Саломонъ, тѣхъ людей щасливыми называетъ; кто съ разумомъ опасается. блаженъ мужъ, иже убоится заговѣнїе; жестосердый же, въ падетъ въ злая. И такїя случаи бываютъ, въ Прит: которыхъ никакая осторожность не помогаетъ. Они прихо- сал: гл: 8. дятъ по особливому смотрѣнїю, и по воли всемогущаго Творца; на искушенїе, или въ наказанїе: а больше всего, для исправленїя насъ. Ежели эти случаи, божественное намѣренїе премудрѣйшаго и всеблагаго бога исполняютъ: то, мнимое наше не щастьѣ, намъ же въ крайнее благополучїе обратится можетъ. Симъ же мудрымъ на передъ приготовленїемъ; самое острѣйшее жало бѣдъ и напастей, со временемъ притупляется. Предвидѣнная бѣда, не такъ человѣка язвитъ какъ нечаянная. Сенека того не зналъ, что ему

вѣ банѣ кровью изойти; да то подлинно вѣдалѣ, что онѣ до злыхѣ, лукавыхѣ, и до не благодарныхѣ людей дѣло имѣетѣ. Ежели приуготовленіе кѣ будущимѣ бѣдамѣ не сѣ разумомѣ дѣлается, то лутче ево оставить. Человѣку, довольно настоящаго. А о томѣ на что ему печалится, чево еще нѣтѣ: и можетѣ статься, что никогда не будетѣ. До будущаго, надобно сѣ легка; и то, безѣ печали касаться; а обѣ отвращеніи онаго; безѣ гнѣва, и безѣ натсады себѣ, холоднымѣ умомѣ разсуждать. Немучѣ же себя печальными и страшными размышленіями о будущемѣ, да только при всякомѣ случающемся тебѣ не щастьѣ самѣ себя спроси. Развѣ это несносно? Тебѣ стыдно будетѣ самому себѣ сказать, что не стерпимо. Притомѣ еще вспомни: что ни прошлое, ни будущее, да одно настоящее человѣку скучно. И оно, горесть свою вѣ тѣ поры потеряетѣ; когда человѣкѣ здраво разсудитѣ; какѣ кратко, и сколь маловременно это настоящее. Притомѣ же сердцу своему сильной за то выговорѣ здѣлаетѣ, для чего оно такѣ маловременнаго зла снести не можетѣ. Страхѣ сѣ невѣріемѣ, всю печаль о будущемѣ вѣ человѣке причиняетѣ. Иныя люди такѣ глупы, что о будущемѣ щастье своемѣ у ворожей, да у колдуновѣ спрашиваютѣ. Вы благосклонный читатель, не ходя кѣ симѣ плутамѣ и обманщикамѣ, конечно щасливы будите: ежели спокойству учиться прилѣжно начнете. Мудрой Цесарь Маркѣ Аврелій, противѣ завтрешнихѣ безпокойствѣ такими словами на всякой день вооружался. Можетѣ быть, что мнѣ сего дня до злова, до не благодарнова, до лукаваго, до не праведнаго, до грубова, или до завидливаго человѣка дѣло случится. Какою же мнѣ вѣ тѣ поры добродѣтелью, порокамѣ его по противиться; и какою кротостью, злость его побѣдить? Сія мысль о будущемѣ весьма полезна, и разумна. Сѣ меня, настоящаго довольно; а будущее, все богу поручаю.

39.

Печаль, человѣку не пристойна.

Развѣ намѣ умѣ свой только такими вѣщами мучить, которые гораздо хуже, и подлѣе души человѣческой? Или душа, желаніе свое тѣмѣ скорѣе получитѣ; когда о суетномѣ да о тлѣнномѣ, больше всего печалится станетѣ? Приличноль

это.

это высотѣ ея ; что душа верьховное свое благо забывши, о томъ печалиться начнетъ : что и малымъ добромъ, едваль назвать можно? Для чего душа человѣка меньше тварей, въ границахъ своихъ пребываетъ ! Или ей одной какъ дражайшей части духа божїя въ человѣке, то дозволено ; что бы сопротивленїемъ и мятежами, самой себѣ посрамлять ? Развѣ безсмертной духъ меньше травъ, и хуже камней это знаетъ : что, и въ чемъ, подлинная должность его ; Развѣ образу и подобїю безсмертнаго бога позволено ; рабомъ, и невольникомъ у скотскихъ страстей быть? Развѣ свѣту разума, туманомъ чувствъ и мечтанїя, помрачаться надобно ? Или, разумному созданїю ; безумство съ заблужденїемъ, а обманъ съ прелестью, лутче разума съ мудростью : и выше истинны почитать надлежитъ ? Какая намъ отъ того прибыль, что сами себя въ горестяхъ утопляючи ; смерть раждающею печалью, безпрестанно съѣдаемъ ? Природа человѣку, скорость мыслей на то даровала ; чтобъ ему съ ними на пути сей много бѣдственной жизни, не долго останавливаться : да этѣ бы помышленїи свои, по состоянїю существа ихъ ; отъ земли на высоту, къ безконечному житїю и блаженству своему за тѣмъ возводить : дабы душа наша, отъ тягости суетъ свѣтскихъ скорѣе свободиться могла. Человѣкъ, двѣ вѣщи общїя съ богомъ имѣетъ. Во перьвыхъ то, что до души его ни что прикоснуться не можетъ; а второе то, что человѣкъ ко всякому благу природную волю и склонность имѣетъ. Ежели мы сїе отъ бога, и отъ разумной природы дарованное намъ право къ добру употребимъ ; то, на все земное, власно какъ съ превысокой горы смотрѣть станемъ, а сами отъ него нимало не повредимся. Аррїанъ пишетъ. Три разсужденїя ; украшаютъ, и успокоиваютъ человѣка. 1. Что мы чада божїя. 2. Граждане всего свѣта ; 3. А между собою братья. Когда мы чада богу ; то подлинно вѣдаемъ и вѣрить должны : что небесный Отецъ нашъ никогда зла намъ не учинитъ, и во вѣки не пожелаетъ : а сыновская должность наша не избѣжно того требуетъ, что бы мы святой волѣ его, усердно повиновались. Ежели мы граждане свѣтскїе ; то, общее благо, въ непрестанной памяти имѣть должны : а состоянїя свѣта сего, корыстьми нашими утѣснять, отнюдь намъ не надлежитъ. Когда всѣ мы между собою братья ; то одному, другова любить надобно. Пороки ближняго, великоду-

великодушно сносить, или терпеливо исправлять. Что мы о себѣ думаемъ? богъ насъ на такую высоту поставилъ, откудабъ мы всѣмъ свѣтомъ править могли: а мы сїю отъ всемогущаго Творца данную намъ власть, на безчестнѣйшее раболѣпство мѣнять хотимъ. Разумъ твой тѣмъ тебя безпокоитъ, что чувствамъ твоимъ угодно. Не приличнѣелибъ человѣку было; когдабъ мятежныя страсти, и бунтующїя чувства разуму его повиновались; Духъ твой, упражняется въ тѣлесныхъ сластяхъ; а несходнѣель бы съ разумною натурою было, когдабъ тѣло духу покарялось? Ты стараешся о томъ, что бы тебѣ природу свою переворотить; а въ томъ больше труда, и множаѣ страху находишъ: дабы разумной природѣ своей, и званїю Творца твоего, усердно послѣдовать? богъ тебя на до всѣмъ тлѣннымъ властелиномъ поставилъ, а ты себя самъ маловременной суетѣ подвергаешъ. Тѣмъ то человѣкъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ себя ругаетъ: а на дѣле искусясь увидитъ, что симъ же способомъ себя и безпокоитъ. Разумное созданїе [человѣкъ] допускаетъ тому собою обладать, что ему на службу сотворено. Человѣкъ, и за тѣмъ безпокоенъ; что не совершенное, совершеннаго удовольствовать не можетъ. Воспряни, и подымисъ же въ ту сторону; гдѣ благїя духи живутъ. Тамъ твой подлинной домъ, и прямое отечество. Смотри; на вѣчное его совершенство. Люби всѣмъ усердїемъ нетлѣнную его красоту. Потщисъ, сей сколокъ разумной природы; на тебѣ самомъ какъ на истинномъ ея подобїй, чрезъ всю жизнь твою воображать. Тогда ты роду человѣчу полезенъ, а въ себѣ спокоенъ будешъ. Неругай же себя отъ сего времени.. Имѣй отъ нынѣ почтенїе къ самому себѣ. Не давай воли тѣлеснымъ своимъ поощренїямъ. Недопускай ихъ до того, чтобъ онѣ тобою власно какъ комедїянты куклами, по своей волѣ дѣйствовали. Прилѣпляйся къ тому, что съ разумною натурою сходно. Держисъ тово, что природу твою недѣлаетъ хуждшею; когда уже еѣ исправить не можетъ. Прежде и больше всего о томъ старайся, дабы жизнь твоя нималаго замѣшательства въ себѣ не имѣла: а дѣла бы твои не уподобились, на трудолюбїе похожей празности. Для убѣжанїя обоего, возми себѣ такое намѣренїе; которое бы съ разумною натурою сходствовало, а къ твоемубъ намѣренїю благопоспѣшно было.

40.

Прилѣжаніе къ наукамъ; а потомъ изданіе полезныхъ книгъ, и рачительное чтеніе оныхъ, великое спокойство человѣку приноситъ. Славнѣйшіе на свѣте люди, во всякихъ до наукъ касающихся трудахъ: главное спокойство, перьвое веселье, и лутчее себѣ удовольство нашли. Какъ Марку Тулью мятежныя дѣла свѣтскія въ Римѣ наскучили, то онъ отъ безпокойнаго шуму ихъ, въ близкую подлѣ города деревню свою Тускулумъ уѣжжалъ. Тамъ, въ чтеніи книгъ и въ письмѣ довольное время проводя: прежнюю свою веселость получилъ. богъ; въ разсмотрѣніе правды и мудрости, отъ начала вѣка особливую сладость вложилъ. Кто еѣ ни искалъ, всѣ тѣ люди въ достойное награжденіе полезнѣйшихъ трудовъ своихъ, отъ божественной десницы превѣчной истинны, душевное спокойство получили; чего и вамъ любезный читатель усердно желаю. Чтеніе полезныхъ книгъ.

41.

Сколь не пристойна печаль умному, а особливо ученому человѣку; также чемъ ему себя отъ незаслуженаго злополучія изцѣливши утѣшить, сіе увидимъ изъ произшедшихъ у Философа Ѳиликса, съ Цицерономъ разговоровъ. Этотъ перьвой у Римлянъ Ораторъ, и великой во своемъ времени человѣкъ; за безмѣрную любовь и вѣрность къ отечеству его, изъ Рима будучи выгнанъ: добровольно въ ссылку поѣхалъ. Сіе разумное уступленіе страшному времени, враговъ его безстыдными; а друзей, такъ непостояными учинило: что пріятели, съ непріятельми въ томъ согласились, что бы не повиннаго Цицерона изъ отечества выгнать. По семъ изгнаніи, конфискованныя пожитки его проданы. Домъ раззоренъ до основанія; а самъ Цицеронъ, безчестнымъ человѣкомъ объявленъ. Онъ; отъ сихъ бѣдъ и крайнихъ страховъ, изъ Сициліи въ Македонію уѣхавъ, спознался тамъ со славнымъ Философомъ Филискомъ. Сей рачитель мудрости; въ одно время къ Цицерону пришелъ, и въ великомъ изумленіи его увидя, сталъ ему говорить. Не пристойно тебѣ славной Цицеронъ такъ унывать, и наподобіе женщины въ глубокую печаль вдаваться. Не думалъ бы я того; чтобъ такъ искуской и столь умной человѣкъ,

какъ ты: по ободренiи множества печальныхъ сердецъ самъ въ глубокое унынiе, и въ опасную душе отчаянность пришелъ. Цицеронъ ему отвѣчалъ, великое въ томъ [любезной Филискъ] различiе, что бы человѣку печальныхъ людей утѣшать; или самому себя въ своей печали утѣшить. Когда мы другихъ людей разговариваемъ, то къ сему дѣлу свободной разумъ употребляемъ. Утѣшенiе наше для того сильно, что никакою внутренною болѣзнью не пресѣкается. Кой часъ сердце у человѣка за болѣвши опечалится; то оно туманомъ окружасъ, всю природную силу свою такъ потеряетъ: что умъ человѣческой и вздумать того не можетъ, чемъ бы ему печаль свою прогнать, а себя утѣшить. Филискъ на то сказалъ. Ты очень изрядно, и умно говоришъ. Только я никогда тому не вѣрилъ; что бы въ нравоученiй, во всякихъ вѣденiяхъ, и въ самой практикѣ толь сильной человѣкъ какъ вы Цицеронъ: противъ безщастныхъ припадковъ жизни своей, ни чемъ вооруженъ не былъ. Но когда уже ты, отъ нынѣшняго не щастья своего почти со всѣмъ побѣжденъ: то я отвѣдаю, не можноль мнѣ твое бремя облегчить, или на послѣднюю мѣру, въ ношенiй онаго: дружескую тебѣ помочъ подать. Ты сiю добрую волю мою, тѣмъ благосклоннѣе примешъ; когда уже славнѣйшiе лѣкари Iпократъ, и Демоцедъ, въ то время у другихъ людей помочи икали: какъ сами не могли. Ваше [дорогой мой Филискъ) представленiе; всякой благодарности достойно. [Сказалъ Цицеронъ.] Я, все то съ терпеливостью слушать готовъ; что туманъ печали мои прогнать, а сердце мое въ прежнюю его веселость привести можетъ. Хотя я искусствомъ своимъ довольно себѣ славы получилъ, однако еще такъ мудрымъ отнюдь себя не почитаю, что бы мнѣ у васъ многосовершеннѣйшему не научиться. Филискъ сталъ говорить. Посмотримъ же сперьва, подлинноель это зло; которое такъ сильно тебя мучитъ? А потомъ уже разсудимъ, чемъ бы сей бѣде помочъ. По перьвому, я вижу; что ты бодръ, и со всѣмъ здоровъ: а сiе состоянiе, всякому человѣку за перьвое себѣ благополучiе почитать должно. Потомъ не вижу; чтобъ у тебя къ содержанiю жизни, надобныхъ вѣщей недоставало. По сему; ни голоду, ни жажды, ни наготы, ни стужи, ни зною, ни жару, бояться тебѣ нѣчего. Цицеронъ отвѣчалъ. Все это [любезной Филискъ] самая истинна! Да чтожъ во всѣхъ

сихъ

сихъ пользахъ такому человѣку, которой самъ въ себѣ такъ не спокоенъ: что внутренняя печаль, больше ему тягости причиняетъ; нежели тѣ вѣщи удовольства приносятъ, о которыхъ ты сказывалъ? Меня, здоровье мое за тѣмъ не веселитъ; что умъ мой, о потеряномъ въ такую болѣзнь пришолъ: которая ему, оставшимся малымъ имѣнїемъ; наслаждатся не допускаетъ. А что бы ты въ тѣ поры Филискъ. сказалъ, или подумалъ; когдабъ тебѣ ни пить ни есть нѣчего было? Ты о такомъ излишествѣ печалишся, въ которомъ человѣку дальней нужды нѣтъ. Ты ни отъ дѣда, ни отъ своего отца, ничего въ наслѣдство себѣ не получилъ; а что было велерѣчїемъ своимъ нажилъ, то опять своимъ же языкомъ потерялъ. Перестаньже о лишенїй такова имѣнїя печалится; которое тѣмъ же самымъ способомъ изъ рукъ твоихъ ушло, которымъ оно въ твои руки пришло. Корабельщики въ жестокую бурю, излишней грузъ корабля своего съ великую охотою въ море бросаютъ, только бы симъ облегченїемъ весь корабль свой спасти; а морю, то на жертву отдать: что отъ нево получили. Полно объ этомъ говорить! Я тово человѣка много щасливымъ почитаю, у ково ни въ пище ни въ одѣждѣ недостатка нѣтъ: а напротивъ тому, за всякимъ излишествомъ; трудъ, попеченїе, не правда, обида, зависть, ненависть, гоненїе, а наконецъ: и самая погибель богатому слѣдуетъ. Это я очень знаю, что тѣлесная благая до тѣхъ поръ человѣку не милы: пока сердце съ душею печальми отягчено. Душа съ тѣломъ такъ тѣсно соединена, что тѣлу безъ искушенїя духовнаго, пробыть не возможно Только думаю; что душевныя болѣзни легче исцѣлить, нежели тѣлесныя: для того, что тѣло наше изъ плоти, изъ крови, изъ жилъ, да еще изъ костей составлено: а слѣдственно, изъ такихъ различныхъ вѣщей сложено; которыя тѣлесному пользованїю больше препятствуютъ, нежели душевному. Отъ бога произшедшая душа; есть духовное, и простое существо. Когда уже ты душею болѣзнуешъ, то должно намъ теперь того посмотреть; какое ты благо по нраву, и по сердцу своему имѣешъ: какою пользою, по душе своей одаренъ; и какимъ зломъ, душа твоя отягчена? Я это вѣдаю; какъ многихъ людей ты своею мудростїю превышаешъ. Ты не только Римскому Сенату и народу всегда полезное

совѣтовалъ; да многимъ, а особливо добродѣтельнымъ людямъ всѣмъ усердіемъ помогалъ. Я твоей справедливости, и отмѣнному великодушію, такіе подлинныя опыты знаю: что ты не только отечество, и друзей своихъ мужественно защищалъ; да страшнымъ врагамъ твоимъ противишся, героичною душею не боялся. По сему; всей твоей нынѣшнѣй печалѣ, ни что другое причиною: какъ одно твое праведное постоянство въ добродѣтеляхъ, а притомъ безмерная любовь, и непоколебимая вѣрность къ общему всѣхъ римлянъ добру; также, къ полезнѣйшему всей отчизнѣ вашей храненію государственныхъ законовъ. Вся твоя жизнь, доказываетъ воздержаніе твое. Учиненныя тобою славные дѣла, въ самой полдень о томъ свидѣтельствуютъ; что ты темную ночь роскошей мужески побѣдилъ. Изо всѣхъ розговоровъ твоихъ, видно хвалы достойно мужество; и великодушіе твое. Легко статся можетъ, что не щастіе, нѣкоторую часть силъ у тебя отнявши, изъ такой крѣпости тебя выгнало, которую ты обратно взять можешъ. Я вижу; что ты тѣломъ здоровъ, а душею бодръ. По этому не нахожу, какую бы ты великую притчину въ толь глубокой печалѣ

Цицеронъ. имѣлъ? развѣ тебѣ этотъ стыдъ малъ кажется; что я изъ отечества выгнанъ, и безщеснымъ обьявленъ? Дому, жены, дѣтей, сродниковъ, и друзей, за неволю лишившисъ; по чужой землѣ ссылочнымъ скитаюсъ. Непріятелямъ своимъ радостью, и посмѣшищемъ здѣлался: а у друзей моихъ въ мерзость, и въ напрасное поношеніе пришолъ. Все это [по самой истиннѣ] кажется мнѣ: великое зло и крайнее не щастьѣ?

Филискъ. А я, во всемъ этомъ; нималаго зла не признаваю. Челокѣкъ сложенъ изъ души, да еще изъ тѣла. Какъ тѣло, такъ и душа; доброе свое отъ природы имѣетъ. Ежели одного изъ нихъ недостаетъ, то подлинной человѣку врѣдъ, и совершенной стыдъ: а когда оба цѣлы, то человѣкъ со всѣмъ хорошъ. Въ этомъ состояніи тебя, сей часъ я вижу. Что касается до страму и до стыда; то оба эте порока, по одному только мнѣнію, а не въ самомъ дѣле злы; и слѣдовательно, ни души ни тѣла повредить не могутъ. Чье бы тѣло, отъ того одного когда нибудь разболѣлосъ или умерло: или, чья бы душа правду и науку свою отъ того потеряла; что человѣкъ обруганъ, и въ ссылку посланъ? Ты мнѣ ни одного такова человѣка показать не возможешъ. Для того; что обѣ этѣ вѣщи таковы-

же

же сами себѣ не злы: какъ то въ самомъ себѣ не добро, что бы человѣку отъ людей почтену быть, или въ своемъ отечествѣ умереть. Этѣ вѣщи таковы; что, и какъ, человѣкъ объ нихъ думать станетъ. Учоные люди, еще по сю пору о томъ согласиться не могли; что честь, и что безчестьѣ. Одинъ то хвалитъ, что другой хулитъ. Трешей, то награждаетъ; за что четвертой наказываетъ. Пятые, о имени чести да безчестья: и слышать не хотятъ. Они въ томъ, не очень еще и виноваты. До человѣка одно то касается, что къ ево природѣ и къ существу принадлежитъ. Не смѣшноль бы было, здороваго человѣка въ тѣ поры больнымъ почитать, когда ему за немочъ велятъ? И то, сему же смѣху подобно; дабы человѣкъ для того бещестенъ былъ, что люди ему бещеснымъ быть приказываютъ. Все твое изгнаніе, сему же подобно. Оно ни что иное; какъ съ напраснымъ отъ народа руганіетъ соединенное путешествіе. Ежели ругательство само собою не зло, то и во изгнаніи твоемъ никакой худобы нѣтъ. Много такихъ людей, которыхъ вся жизнь самое путешествіе, и всегдашнее странствованіе: а они сего ни за стыдъ, ни за вредъ себѣ не почитаютъ. Въ томъ все различіе; съ охотою, или съ роптаніемъ, мы: къ сему странствію готовимся. Которой бы умной человѣкъ не съ охотою то дѣлалъ, чего переменить не льзя? Человѣку; [по стародавному правилу] не тово желать, чего онъ хочетъ: да того хотѣть надобно, чему съ нами быть и здѣлаться должно. Жизнь наша со всѣми ея случаями не въ нашей силѣ, и не въ человѣческой власти. Мы должны тѣмъ довольствоваться, какъ воля и судьба божія дѣла наши учредитъ, а житье и пути всякаго человѣка управить изволитъ. Хотя мы сему и противимся, однако повиноваться принуждены. Ежели тебѣ, худое воздаяніе за любовь и за вѣрность твою ко отечеству; болѣзненнѣе изгнанія, и чувствительнѣе стыда, такъ думай: что божіей волѣ угодно было, сіе терпѣніе на тебя наложить. Притомъ; за честь и за благополучіе себѣ почитай, что ты не повинно страждешъ. Ты всегда, и во всемъ правду дѣлалъ: а враги твои не праведно поступали. Для сей причины тебѣ должно радоваться, а имъ печальнымъ быть; ежели только ты, отъ судьбы и отъ руки божія возложенное на тебя бремя, съ терпѣніемъ носить станешъ. буде на честь и на стыдъ

 смот-

смотришЪ; такЪ это человѣку гораздо честнѣе, что бы никакого зла не здѣлавЪ изЪ отечества удалится: нежели вЪ отчизьнѣ оставшисЬ, плутомЪ и злодѣемЪ быть. Не тому человѣку стыдЪ, кто безвинно изгнанЪ, да тѣмЪ злымЪ людямЪ вѣчная срамота, кои ево напрасно изгнали. ЯжЪ еще слыхалЪ; что ты безЪ неволи, и безЪ народнаго осужденія добровольно изЪ Рима удалившисЬ, сЪ такими злыми людьми жить не хотѣлЪ; которыхЪ тебѣ ни исправить, ни отЪ погибели удержать со всѣмЪ не возможно было. ИхЪ то по самой истиннѣ ссылочными, а не тебя изгнаннымЪ называть должно: для того, что они; все доброе изЪ сердецЪ своихЪ выгнали. Ты напротивЪ того; по той причинѣ передЪ ними много честенЪ, щасливЪ, и вѣчной славы достоинЪ: что вездѣ, и всегда, за правду стоялЪ; а и нынѣ, за ту же истинну великодушно страждешЪ. Отнюдь тебѣ не надобно; рабомЪ воли, и плѣнникомЪ власти ихЪ быть. Ты за сіе богу много благодарить долженЪ, что вседневной хлѣбЪ, и безбѣдное пропитаніе имѣешЪ. Не мѣсто человѣка щасливымЪ творитЪ, да человѣкЪ мѣсто просвѣщая; вездѣ себѣ службу и благоденствіе промыслить можетЪ. Это было извѣстнѣе славному у васЪ РимлянЪ Полководцу Камиллу, которой не поскучилЪ вЪ Ардѣе жить: да другому вашему жЪ Генералу Сципіону, когда онЪ вЪ бѣдной своей деревенькѣ Литернѣ, спокойную жизнь провождалЪ. Я уже обЪ Аристидѣ, да о Темистоклѣ, и упоминать не хочу; которыхЪ честь со славою, не повиннымЪ изгнаніемЪ весьма умножаласЬ. Анній, да СолонЪ; цѣлую десять лѣтЪ вЪ чужихЪ краяхЪ изЪ доброй воли жили. По сему, ничево за зло не признавай; что ни до души твоей, ни до тѣла твоего не касается: а на судьбу и волю божію, отнюдь не ропщи. СыщетсялЬ на свѣте такой человѣкЪ, что бы все по его волѣ и намѣреніямЪ шло; и кто бы всесильной волѣ Творца, противиться могЪ? Ежели мы СвятымЪ Создателя нашего судьбамЪ терьпѣливно, и добрымЪ произволеніемЪ повинуемся; то отЪ всѣхЪ своихЪ печалей и бѣдЪ, свободны будемЪ. Когда же онымЪ противиться начнемЪ, то воля божія здѣлаетсяжЪ: а человѣкЪ за упрямство свое болѣзнь, печаль, и наказаніе отЪ бога приметЪ. Различіе безщастныхЪ и щасливыхЪ людей, вЪ томЪ; что перьвые, волѣ божіей добрымЪ произволеніемЪ

пови-

повинуючисЪ : вЪ награду сей покорности своей , душевное спокойство получаютЪ; а послѣднїе, тоесть безщастные люди, не терпѣливостью своею вЪ маловременной печали , жестокую муку сами себѣ причиняютЪ. Прошу васЪ дорогой ЦицеронЪ, все это вЪ памяти своей прилѣжно содержать ; для облегченїя теперешной печали вашей. Не тужи и не сердисЪ о томЪ, когда услышишЪ ; что враги и гонители твои вЪ благоденствїй живутЪ. Время нечестивыхЪ такЪ коротко , что на завтрѣе пришедши со изумленїемЪ увидитЪ : что и фундаментЪ тѣхЪ дворовЪ изЪ земли вырытЪ , гдѣ беззаконники жили. Что больше человѣкЪ на свѣте благополучїя имѣетЪ , толь скорѣе щастье ево какЪ безЪ мѣры грузной корабль , со всѣмЪ опрокинется. Злая жизнь мятежниковЪ , подобна такимЪ безстрашнымЪ корабельщикамЪ , кои вЪ жесточайшую бурю нарочно по морю ходятЪ : но отЪ свирѣпыхЪ волнЪ, во мгновенїе ока поглощаются. Я тебѣ о Друзусе , о Сципїонѣ , да о Тиверїй Грахе , и говоритЪ уже не хочу. Вспомни одно то; какою смерьтью славной вашЪ КамиллЪ, свободя Капитолїю отЪ рукЪ ГалловЪ : толь бѣдно умерЪ ? Лутчель сего Аристиду , да Темистоклу, послѣ ссылки ихЪ было: о томЪ самЪ ты лутчѣ меня знаешЪ. По всѣмЪ обстоятельствамЪ надѣяться можно , что ты изЪ нынѣшней бѣдности своей во отечество взятЪ будешЪ ; а это [какЪ я думаю] черезЪ тѣхЪ же людей здѣлается , которые кЪ твоему изгнанїю больше другихЪ помогали. Только я усердно того желаю , что бы ты вЪ РимЪ не ѣздилЪ. Пожалуй! Дружески меня послушавЪ , купи себѣ деревеньку при морѣ. ТамЪ экономїю заведши , и вЪ тихости живучи : по примѣру Ксенофона , да Туцидида , книги пиши. ВЪ этомЪ премудрости по священномЪ убѣжище , постоянное удовольство , безЪ всякаго мятежа и безЪ страху себѣ найдешЪ. Ежели равнаго сЪ ними безсмертїя желаешЪ; то также живи и дѣлай, какЪ они. Пропитанїе у тебя довольное; а чести и чиновЪ, самЪ не ищешЪ. Ты уже КонсуломЪ одиножды былЪ. А теперь , лутче тебѣ Консульство на вѣки забывши , во все ЦицерономЪ остаться ; нежели по Марїусову примѣру , семь разЪ бещастнымЪ КонсуломЪ быть. О принятїи тобою высокаго чина , самЪ я потому не надѣюсЪ , что ты даваннаго тебѣ знатнаго достоинства, честно и великодушно не взялЪ. Всѣ свѣтскїя чины: одна только приччина сЪ поводомЪ кЪ зависти, кЪ оболганїю,

 и кле-

и клеветамъ; къ ненависти и къ гоненію, а на конецъ; къ не избѣжной погибели носящему ихъ. Я это не въ указъ тебѣ говорю. Ты уже щастье и не щастье отвѣдавши, самъ разсудить можешъ что лутче. Жизнь наша кратка, и бѣдами наполнена. Когда уже спокойство лутче мятежей, тишину выше волненія, волю паче не воли, а безопасность дороже страху всегда почитать надлежитъ: то самъ разсудя, выбирай себѣ лутчее; ежели достальныя дни свои въ мирѣ проводить, а имя свое безсмертнымъ учинить желаешъ. буде же къ возвращенію въ Римъ, и къ дальней чести во отечествѣ твоемъ непреклонную охоту имѣешъ; то хотя я тебѣ никакого зла прорѣкать не хочу, но когда безмѣрную невоздержность велерѣчиваго языка твоего, съ необузданною силою соперниковъ и непріятелей твоихъ разсуждаю, то весьма боюсь того; чтобъ тебѣ не только въ другоредь изъ отечества выгнану не быть, но и безвременною бы смертью не погибнуть. Хотя Цицеронъ отъ сего съ Филискомъ разговора, и увѣщаніемъ его довольно успокоился: только по маломъ времени возвращенъ будучи въ Римъ, точно такою смертью погибъ; какъ ему Филискъ за нѣсколько лѣтъ, по мудрости своей напередъ сказалъ.

42.

Ничтожество, и тлѣніе всего, что на свѣтѣ ни есть.

Надъ Цицерономъ власно то же здѣлалось, что почти совсѣми молодыми людьми бываетъ. Сколько бы ты имъ о суетѣ, о непостоянствѣ, и отлѣнности всего на свѣте не говорилъ: только они лобъ наморщивши, и словъ твоихъ не слушая, все свое думаютъ. Такихъ благонравныхъ людей очень мало, которые бы добраго ученія охотно слушали, а отъ полезнаго имъ наставленія мудрыми учинились. Альхимисты; суетной трудъ свой во мнимомъ дѣланій золота, тогда узнаваютъ: какъ все свои червонцы черезъ кубики и скляницы, на воздухъ перегнавши; въ достойное награжденіе безумныхъ и суетныхъ трудовъ своихъ: кромѣ уголья, да золы, ничего не получаютъ. Вся слава мира сего, надобна лѣтучему змѣю. Она весьма не то, чѣмъ человѣку ложно кажется. Я лѣтомъ по улицѣ идучи, увидѣлъ такой камень, которой блистаніемъ своимъ противъ

тивъ солнечныхъ лучей ; золотымъ крупинкамъ , и мѣльчайшимъ алмазнымъ крошкамъ , много уподоблялся : а какъ я поднявши ево разломилъ , то съ крайнимъ изумленіемъ увидѣлъ , что это дресьвяной камень былъ. Таковы власно всѣ прелести свѣта сего. Мы, одну наружную корку вѣщей употребляемъ ; а на гладкую поверьхность ихъ , безъ памяти и безъ разсужденія заглядываемся. Всемудрѣйшій Творецъ , человѣку два глаза для того даровалъ : дабы мы на все видимое , пристально смотрѣли ; а притомъ бы не забывали того , что у насъ еще другое зрѣніе есть. Тѣлесными глазами , человѣкъ только наружную кору , или кожу у всякихъ вѣщей видитъ : а душевными очами здраваго ума и разсужденія , надобно человѣку глубже проницать ; дабы цѣну всякой вѣщи , по ея тлѣнному достоинству подлинно знать. Славнѣйшей въ Персидскихъ Царяхъ Ксерксъ , весьма неразсудно о томъ печалился; когда высокія его намѣреніи тѣмъ уничтожились , что безчисленныя его войска отъ наступившей нечаянно стужи, какъ мухи померли. Онъ было собралъ превеликую армѣю, вооружилъ ужасные флоты, наполнилъ Ельлеспонтъ [морской проливъ въ Греціи] безчисленнымъ множествомъ кораблей ; срылъ страшную гору Атосъ долой ; и всю натуру переворотить задумавши : на сухомъ пути кораблями плавать , а по морю колесницами ѣздить намѣрился. По что сей Монархъ такъ сильно трудится , и куды все намѣреніе не усыпныхъ трудовъ своихъ клонитъ ? По что онъ самаго себя , и бѣдныхъ Грековъ мучитъ ? развѣ онъ всю палящую ярость гнѣва своего , въ крови Афинейцовъ утолить желаетъ? Или ужé за тѣмъ многія годы вооружался , что бы цѣлой миліонъ людей своихъ въ пять мѣсецовъ [однимъ лѣтомъ] погубить ? Достойной конецъ надменной гордости , и праведное наказаніе суетной злобѣ человѣческой! Когда уже сильнѣйшей Монархъ на цѣломъ свѣте , дѣлъ человѣческихъ по своей волѣ управя въ дѣйство произвесть не можетъ; то мнѣ бѣдной твари на что о томъ печалится , чево я перемѣнить не могу ? Самъ я земля и пепелъ ; а о прахѣ да о пыли, печалью себя мучу ? Пагубное самолюбіе, такія мечты въ мысль человѣческую приводитъ. Теперь то ужé я верьховнаго достоинства , и крайняго благополучія на свѣте достигъ ! Ни въ разумѣ , ни въ богатствѣ , ни въ чести , ни въ роскошахъ , ни въ забавахъ , и

ни въ чемъ недостатка не имѣю. Я людямъ пріятенъ ; разуменъ , во всемъ искусенъ , ко всякимъ дѣламъ способенъ , многимъ людямъ помогаю ; а они мнѣ служатъ. Все это изрядно и хвалы достойно ! А долголи ты другъ мой въ этомъ , [по твоему суетному мнѣнію] блистательномъ житье своемъ пробыть ; и подержаться думаешь ? Знаешъ ли какія бещисленныя препятства , на этомъ синемъ льду : и нагладчайшемъ пути своемъ встрѣтишъ ? Соперники ; высокія твои замыслы, всякими способы унизятъ. Злоба , да зависть , лутчимъ дѣламъ твоимъ должнаго почтенія , и славы не дастъ. Собственное мечтаніе , или какая нибудь страсть твоя ; начнетъ тебя мучить. А не большая лихорадка , всѣ твои забавы съ весельемъ уничтожитъ. Тѣми большими печальми , и стращать тебя не хочу; когда голодъ , война , пожары, или разбойники: изъ дому тебя выгонятъ. Клевета съ оболганіемъ , тайныхъ или явныхъ непріятелей твоихъ , всю честь и славу твою помрачитъ. Жестокая болѣзнь , всѣ члены тѣла твоего раздробитъ ; а нечаянная смерть , самую жизнь и всю твою славу въ землю втопчетъ. Видишъ ли бѣдной человѣкъ ; что намъ совершеннаго спокойства и благополучія , въ высочайшемъ мѣсте искать надобно ? Человѣку , отъ одного имени щастья или не щастія , пужаться не должно. Обѣ этѣ вѣщи перемѣнны , и весьма не постоянны. Онѣ , въ самомъ дѣле не то ; чѣмъ кажутся. Умному человѣку , на сонъ свой надѣяться ; и ему много вѣрить отнюдь не надлежитъ. Вся наша жизнь самой сонъ , и сущее привидѣніе : а множайшіе люди , подобны соннымъ. Имъ , во снѣ грѣзится , а глазами ничего не видятъ. Многое слышится , а прямыми ушми ничего не слышатъ. Симъ людямъ кажется ; будто пьютъ , и ѣдятъ : а во ртѣ у нихъ ничево не бывало. Все чувствуютъ , а ни чѣмъ не наслаждаются. Во снѣ своемъ работаютъ, ѣздятъ, говорятъ , смѣются, по воздуху лѣтаютъ, дерутся, бранятся, плачутъ , и радуются : а сами на постелѣ своей лѣжа , ни рукою ни ногою тронуть не могутъ. Такъ власно мечтаніе ; не спящими людьми шутитъ. Жалости достойной человѣкъ ; любитъ , или ненавидитъ ; желаетъ, или боится ; радуется или печалится о такихъ вѣщахъ , которыя и самаго мнѣнія легче. Одинъ о себѣ думаетъ , будто выше премногихъ почтенъ ; а самъ къ презрѣнію , и на ругательство бѣжитъ.

Другой

Другой ложно думаетъ, будто веселится; а онъ себѣ печаль и болезнь, за ранѣе готовитъ. Третей, пустымъ мнѣнiемъ богатъ; а на дѣле съ голоду умираетъ. Четвертому видится; будто изрядно живетъ; а онъ уже дѣйствительно умираетъ. Такъ то суета слугъ своихъ прельщая, очевидно слѣпитъ. Кому бы изъ насъ, минувшее; не показалось сномъ? Для чего намъ этѣ вѣщи въ близи не такъ ясны, каковы изъ дали кажутся? можетъ ли воля наша, лутче разума объ нихъ разсуждать? Мы носимъ въ рукахъ своихъ ледъ. Что крѣпче человѣкъ жать его станетъ, то скорѣе ледъ въ рукѣ у насъростаетъ. Въ неудержимой стѣни минувшаго; всякой человѣкъ, истинное подобiе настоящей чести и славы своей, такъ ясно какъ въ зеркалѣ видитъ. Какъ скоро красота человѣческая родится, такъ уже и умирать начнетъ. Я этова понять не могу, для чего человѣкъ обьявленныя предъ симъ вѣщи, постояннѣйшими себя признаваетъ? Сколько честей и сокровищъ, однимъ днемъ въ ничто обратилось? Спроси ты Сицилiянскаго Тирана [владетеля] Дiоносiя; какъ онъ съ Царскаго Престола сошедши, школьнымъ учителемъ здѣлался; Спроси у богатѣйшаго всѣхъ Царей Креза; для чего онъ суеты и ничтожества сокровищъ своихъ до тѣхъ поръ не зналъ, какъ самово на костеръ дровъ къ сожженiю взвели? Еще спроси славныхъ и сильнѣйшихъ народовъ, за чѣмъ они дѣлъ человѣческихъ постоянными, и вѣчными учинить не могли? Не думай того; будто Египтяне, покоривши себѣ многiе народы: сами напрасно въ подданство пришли. Почти цѣлаго свѣта побѣдители Римляне, теперь другимъ работаютъ. Храбрые Персiяне; отъ забавъ своихъ Парфянъ побѣждены. Сими по уму нашему непостижимыми способы свѣтская суета безпрестанно вертится, и въ такое смѣшенiе приходитъ: что человѣкъ вмѣсте съ нею вертѣтся принужденъ, ежели на сiю стѣнь крѣпко по надѣется. Настоящее, одна перемѣна. Минувшее, въ море вѣчности ушло: а будущее, темнота; и самая не извѣсность. Одинъ думаетъ, будто на высоту взходитъ; а онъ отъ другихъ пораженъ, и на низъ катится. Другой тужитъ, будто со всѣмъ пропалъ; а онъ у всѣхъ выигралъ. Темнота, закрываетъ будущее; а тлѣнность настоящаго, ругается человѣческому попеченiю о суетѣ, и о ничтожествѣ; о стѣни, о

вѣтре,

вѣтре, и о такой пыли, которую на дорогѣ передъ глазами идущаго; клубомъ, и столбомъ вертитъ.

43.

Общая бѣдность временной жизни.

Маловременная жизнь человѣческая, отъ самого рожденія по день смерти нашей; ни что иное, какъ самая бѣдность; а имянно, трудъ, болѣзнь, печаль, страхъ, надежда, и самая смерьть. Всѣ этѣ обстоятельства, природное наше добро; Ежелибъ мы общія тягости жизни своей печалью отвратить, или облегчить могли; тобъ на людей и пѣнять въ томъ нѣчего было, что они часто печалятся, и много тужатъ. Когда уже мы съ природы своей очень бѣдны, то для чего намъ этѣ бѣды свои, безполезною печалью и дряхлымъ туженіемъ, напрасно умножать? Намъ должно было о томъ старатся, какъ бы общія бѣды свои самовласнымъ терпѣніемъ облегчать: а мы еще масло на огонь льючи, о томъ трудимся; что бы сносное, чрезъ не терпѣливость свою не снoснымъ учинить. Мы это надъ собою, и надъ другими людьми ежедневно видимъ; какимъ бѣдамъ весь родъ человѣческой подверженъ. безпамятство наше перьвая тому притчина, что человѣкъ о не возможномъ печалится. Есть ли на свѣте хотя одно совершенное благо? Мы еще и совершенства подлинно не знаемъ, а совершенно благополучными быть хотимъ. Люди, то свѣтомъ называютъ; въ чемъ не много темноты. Здоровье наше, не чувствительная болѣзнь; а и самая жизнь, почти всегда: тайная смерьть. Развѣ мы того желаемъ, чтобъ припадки въ жизни нашей постояннѣе житья: и совершеннѣе самихъ насъ были? Или, постояннаго благополучія на такой землѣ ищемъ; которая всегдашними переменами содержится? Весьма безумно того желать, что бы глыба земли легче пера здѣлалась: вѣтеръ бы да воздухъ, постояннымъ учинился; рѣчная бы вода, всегда на однонъ мѣсте стояла; а огонь бы не жегся. Или, упрямствомъ своимъ всю тварь одержавши, то здѣлать пожелаемъ; что бы солнце подъ землю не заходило, а день бы смерьканіемъ не оканчивался. Премудрой Соломонъ, для того все суетою назвалъ; что все на свѣте тленіе, не постоянство, дымъ, сонъ, и провидѣніе. По что же мы на сію мглу и пыль, такъ

твердо

твердо надѣемся? Все на свѣте кругомъ ходитъ, и такъ скоро вертится; что одно наступя, опять тудажъ уходитъ откуды пришло. Солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, огонь, воздухъ, и вѣтеръ; захожденіемъ своимъ поглощается, а восхожденіемъ вновь родится. Для сей притчины всемогущіи богъ, этѣ свѣтила на тверди небесной за тѣмъ поставилъ; чтобъ они свѣтящимся движеніемъ своимъ, смотрящему на нихъ человѣку напоминали о не постоянствѣ всего, что въ свѣте ни видитъ. Радость, и печаль; плачъ, и смѣхъ; жизнь и смерьть; имѣетъ свое время. Всемогущій Творецъ; сими переменами человѣка научить, и увеселить хотѣлъ. Кто такъ чужъ въ домѣ своемъ, какъ бѣдной человѣкъ? Онъ никогда того не помнитъ, что во временной жизни имѣетъ. Вся тварь подобна той землѣ, отъ которой человѣкъ взятъ. Земля, безъ перемѣнъ года; стоять не можетъ. Всегдашнее лѣто, весьмабъ ей вредно было. Зимѣ, должно притти для приданія землѣ плодородительной силы. Такъ власно студеному вѣтру бѣдъ, и печалей; надобно все естество человѣческое, къ произращенію добродѣтелей способнымъ учинить. Жало и смерьтельной ядъ грѣха, въ плоти нашей утолить; а сѣмя всякаго добра, отъ терьнія внутренняго зла, непостижимою силою очистить: дабы сіе доброе сѣмя, къ содержанію людей и всего свѣта, благія плоды произрастить могло. Премудрѣйшій Создатель, въ твореній мира сего: видимой нами свѣтъ изъ тьмы произвелъ; а въ содержаніи всей твари, доброму: изъ видимаго нами зла произходить должно. Это къ содержанію всей твари не обходимо служитъ; дабы перемѣняющіеся между собою спорные тѣла, другъ друга порядочно смѣняли. О семъ говоритъ Еліусъ, у Іова въ главѣ 34 сими словами. Мнитъ ли кто Господа зло творити, иже созда небо и землю? Кто же есть творяй подъ небесную и сущее все, развѣ его? Аще бо хощетъ правду удержати, и духъ въ себѣ удержитъ. Умретъ же всяка плоть. Всякъ же человѣкъ въ землю пойдетъ, отнюду же созданъ бысть. Нетерпеливая и малодушная жена Іовля, сихъ высокихъ словъ неразумѣвши, мужу своему сказала. Рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри. Но смиренный и праведный Іовъ, по благонравію и по обычной кротости, женѣ своей отвѣчалъ. Что; яко едина отъ безумныхъ женъ возглагола еси.

благая бо пріяхомъ отъ руки Господня, злыхъ ли не стерпимъ? Для чего намъ того пужатся; что всякому человѣку сродно, и всѣмъ намъ свойственно? Человѣкъ по выходѣ отъ утробы матери своей, крикомъ и слезами даетъ знать: что онъ не господинъ, и не обладатель вселенной; да бѣдной рабъ грѣхамъ, болѣзнямъ, бѣдамъ, скорьбямъ; и въ холопство смерьти родился. Для чего мы не хочемъ въ теченіи жизни своей того стерпѣть, что человѣкъ еще отъ чрева матери по природѣ своей, за ранѣе узналъ? Славной въ практикѣ свѣтскаго житья Менандръ, дѣйствительнымъ искуствомъ узналъ; что въ сладчайшей радости, тайная печаль скрыта. Въ высочайшей чести, трудъ и попеченіе; у великаго богатства, страхъ съ безсонницею, скупость съ немилосердіемъ; а всечасная боязнь, съ ненасытствомъ; на цѣпяхъ прикованы лѣжатъ. На сіе, кромѣ ежедневнаго искусства; никакихъ свидѣтелей и доказательствъ не надобно. Ни въ одномъ чинѣ и состояніи житья свѣтскаго: какъ старымъ, такъ молодымъ, и среднихъ лѣтъ обоего пола людямъ; безъ печалей пробыть не возможно. То всего удивительнѣе, когда уже язычники свѣтомъ природнаго разума сіе узнали; человѣку за грѣхи свои, бѣды и не щастье терпѣть должно. Какъ Персидской Царь Дарій о смерьти супруги своей не утѣшно печалился, то Демокритъ къ сему Монарху пришедши, обѣщалъ Царицу его оживить; ежели Дарій прикажетъ на гробѣ ея имяна такихъ трехъ человѣкъ написать, которые бы во всю жизнь свою никакой печали не имѣли. Умной Царь Дарій, скоро разсудилъ. Какъ по Демокритову требованію здѣлать не возможно, такъ и тому статься не льзя: что бы мертвую Царицу его оживить. Я сіе пишу на показаніе печальнымъ людямъ того; какъ суетно сѣтованіе, и коль напрасно туженіе ихъ. Начто человѣку о томъ печалиться, что ему такъ сродно какъ самая жизнь, а не обходимо такъ, какъ повседневной хлѣбъ. Когда я ни чемъ другихъ людей не лутче, то для чего мнѣ меньше ихъ: бѣдъ, и не щастья себѣ желать? Не всѣ ли мы такъ власно къ трудамъ, какъ птицы на лѣтаніе родились? Дни житія человѣческаго, по самой истиннѣ; маловременными, и злыми названы. Грѣхи, всѣхъ насъ отъ плоти рожденныхъ; бещестными, и нечистыми творятъ. Страсти, безпокоятъ. Страхъ съ надеждою, безпрестанно мучитъ. Желаніе съ прихотьми, непрерывно

прерывно человѣка терзаетъ. Любопытство, внѣ себя выводитъ. Суета прельщаетъ, а заблужденіе помрачаетъ умъ. Работа съ трудами, умаляетъ силы наши. Искушеніе, поощряетъ насъ къ злому. Враги, всякими способы на насъ нападаютъ. Нужда и бѣдность, потемняетъ остроту разума. Всякой человѣкъ, свой крестъ несетъ; а яснѣе сказать. У всякаго изъ насъ своя нужда, и особливая печаль. Какъ многимъ страхамъ подвержена молодость? Какія скуки, болѣзни, и печали, окружаютъ старость нашу? А и самая средина лѣтъ человѣческихъ; трудами, попеченіемъ, и великими опасностьми наполнена, съ такимъ только различіемъ: что у одного больше бѣдъ, нежели у другова человѣка. Для чегожъ мнѣ, къ сему общему воздуху непривыкать? За чемъ мнѣ одному то страннымъ кажется, что ежедневно, и надъ всякимъ человѣкомъ дѣлается? Развѣ я того не знаю, что свѣтъ сей одною перемѣною содержится? Для чегожъ такому терпѣнію меня озлоблять, которымъ будущая радость моя умножится? Или уже я различія тѣхъ голосовъ не помню, которыя всю музыку пріятною тварямъ; Темныя тѣни, живописную работу возвышаетъ; а я такую бѣду снести боюсь, безъ которой вся жизнь моя красна; а добродѣтель, совершенна быть не можетъ. Кто бы про Гектора зналъ, ежелибъ Греки города Трои не раззорили? Развѣ уже я природу свою такъ мало знаю, что такого случая пужаюсь, которой всѣмъ намъ отъ натуры вкорененъ? Ежели мы сего свѣта подлинно не знаемъ; то, не только Христіянскіе учители, но языческіе Философы насъ тому учатъ.

44.

Различіе человѣческой бѣдности показываетъ намъ; что исполненіе должности разумнаго человѣка, есть истинной способъ, и единой путь къ спокойству душевному. Это; одна суета и гордость стоическихъ Философовъ была, что они ко всякой нуждѣ, и къ болѣзни; не только крѣпкими, но и нечувствительными себя казали. Сила добродѣтели не въ томъ, что бы человѣку нужды и болѣзни своей не чувствовать: да въ томъ больше состоитъ; что бы намъ къ нуждѣ да къ болѣзни своей, терпѣливно привыкать: и оную великодушно нести. Изъ сего уже то утѣшеніе

Свѣтъ сей, есть, боевое полѣ; или битвенное мѣсто.

произой-

произойдетъ, что человѣкъ страданіи своими, собственное нещастіе побѣждаетъ. Добродѣтель къ тому надобна, что бы человѣка въ благополучіе привесть; а не щастіе съ бѣдами къ тому нужно, что бы насъ чрезъ разныя практики добродѣтельными учинить. Горьшая бѣдность, произходитъ отъ злости человѣческой. Что больше мы ко умаленію зла помогаемъ, тѣмъ больше всеобщее благополучіе поспѣшествуемъ. Исполненіе деброδѣтелей, умножаетъ человѣческое благополучіе; а кто о худомъ времени жалуется, тотъ изъ сихъ злыхъ дней лутче усмотритъ; что ему къ своей, и къ общей пользѣ дѣлать. Между щастьемъ и не щастьемъ, такоежъ различіе; какъ между людьми. Свѣтъ сей, содержится безпрестанною перемѣною. Самая нужда того требуетъ; чтобъ нѣкоторые люди въ свѣте сильны, и велики; другіе безсильны, и малы: третіе убоги, четвертые богаты, пятые многомощны, а шестые худосильны: и безпомощны были. Ежели одному въ другомъ нужды не было, то кудабъ и весь порядокъ дѣвался? Кто бы могъ повелевать, и кто бы сталъ повиноваться? Когдабъ всѣ люди на свѣте равны были, тобъ сіе опасное равенство между поврежденными съ природы людьми; не сказанныя бѣды и страшныя мятежи произвело. Но понеже не большое число сильныхъ, всѣ части свѣта въ безпокойство приводитъ; то какой бы въ тѣ поры страхъ былъ, ежелибъ всѣ люди равное богатство имѣли? Со всѣми благими жизни нашей, тожъ самое обстоятельство, Ежелибъ они равно богаты, тобъ другія равно бѣдны были. Гдѣжъ бы красоту съ порядкомъ сего свѣта найти; ежелибъ ни господъ, ни рабовъ; ни ремесленныхъ людей, ни художниковъ, ни крестьянъ не было? Самое состояніе жизни нашей того требуетъ, чтобъ одни убожеѣ и подлѣе; а другія люди богатѣе, и честнѣе ихъ были. Для чего мнѣ одному безразсудно того желать; что бы жеребей убожества меня обошедши, другому достался? Мнѣ своимъ недостаткомъ, къ общей пользѣ въ порядкѣ убогихъ: тожъ можно здѣлать, что и другимъ въ классѣ богатыхъ. По чему это вѣдать, кто должность свою съ большею охотою: или, съ меньшимъ помѣшательствомъ исполняетъ? Я житьемъ своимъ потому доволенъ, что состояніе свѣта того требуетъ: дабы множеству

малыхъ людей, одного человѣка великимъ учинить; а одному сильному, великое число бѣдныхъ людей содержать.

45.

Ежели намъ еще прилѣжно подумать; то мы въ свѣте, больше печали нежели радости найдемъ. Для чего же я тому и дивлюсъ; что мнѣ тою монетою платятъ, которая въ свѣте знакомѣе, и больше другихъ денегъ ходитъ? Ежелибъ человѣкъ во всегдашнихъ роскошахъ и забавахъ жилъ, такъ тѣже бы роскоши со всегдашнихъ весельемъ, напослѣдокъ: ему же въ муку, въ печаль и въ тоску обратились. Хотябъ забава человѣку такова же пріятна, какова Пророку Іонѣ тыква мила была: только на конецъ, черьви корень у нѣе подъѣдятъ. Земное веселіе съ забавами, быстрѣе такой воды течотъ; которая тину печалей и скорьбей, съ собою тащитъ. Хотя золото, серебро, драгоценное каменьѣ, и все что свѣтъ сей высоко почитаетъ; съ мудростью сравнится не можетъ, и не достойно: только человѣческая мудрость не совершенна, и скукою наполнена. Люди еѣ великимъ трудомъ, и многимъ страхомъ ищутъ: а когда получатъ, то о безумій свѣтскомъ ежедневно печалятся. Ежелибъ у человѣка такіе изрядныя дѣти были, о которыхъ бы онъ великую надежду имѣть могъ, то хотя сіе и не малое щастье; однакожъ, ничего совершеннаго въ себѣ не имѣетъ. Дѣти твои смерьти подлежатъ, а ежели важную о себѣ надежду оказавши нечаянно помрутъ: то печаль твоя объ нихъ, толь чувствительнѣе будетъ. Когда они испортившисъ злыми учинятся, то печаль твоя поблизости крови, весьма умножится. Протчія на свѣте вѣщи, и дѣла; власно таковыжъ. Подъ медомъ ихъ ядъ, и жало: а въ сахарѣ, жолчъ есть. Все свѣтское; гораздо больше притчины къ печали, нежели къ радости въ себѣ имѣетъ. Что больше человѣкъ свѣтскаго желаетъ, то больше случая къ печалямъ да къ безпокойству, самъ себѣ ищетъ. Чемъ болѣе у человѣка друзей; тѣмъ больше ему притчины къ жалѣнію о нещастьѣ, о болѣзни, или о смерьти ихъ будетъ. Доброй конь, на бою; а прямой другъ, въ нуждѣ да въ бѣдахъ познавается. Когда тебѣ сіе не удастся; въ тѣ поры узнаешъ, каковы люди на свѣте. Хотя у тебя богатства

Гдѣ больше печали, нежели радости?

ства и много, однако ты при всѣмъ томъ не безъ страха, и не безъ печали. Что больше имѣешъ, то больше потерять; и о томъ жесточаѣ печалиться можешъ. Имѣніе, главное въ свѣте намѣреніе; и та самая мѣта, къ которой всѣ живущія на земли, однимъ устремленіемъ единодушно текутъ. Всякъ изъ насъ съ яблони, лутче яблоко сорвать хочетъ. буде человѣкъ въ великой силѣ и въ чести, такъ у нево такихъ тайныхъ ненавистниковъ, и явныхъ гонителей много; которые день и ночъ того смотрятъ, какъ бы ево съ бархатнаго стула збросить. Что выше ты сидишъ, тѣмъ больнѣе отъ сего паденія ушибесся. Этотъ стыдъ весьма чувствителенъ, и толь виднѣе будетъ; что на бѣломъ платьѣ не только пятно, да волосъ не утаится. Что долѣ человѣкъ живетъ, то больше и чаще бещастенъ быть можетъ. болѣзни, съ разныхъ сторонъ печали, гоненіи, стыдъ, и многія слабости; тѣмъ чаще станутъ ево мучить. Человѣкъ можетъ все благополучіе свое переживши, подъ старость; самому себѣ въ скуку, и въ тягость быть. буде у тебя всево много, такъ у другихъ ничево нѣтъ. Какъ великое число такихъ нужду терпящихъ людей сыщется, которые бы однимъ излишествомъ славнаго банкира, весьма довольны были? Я о томъ не печалюсь, что у меня ничего чужова нѣтъ. Да о томъ радуюсь; что никого не обидѣлъ, и не ограбилъ: а тово отнюдь не желаю, за чтобъ люди меня кляли. Пускай, свѣтъ сей таковъ будетъ, каковъ онъ есть; а я постараюсь такимъ себя учинить, какову мнѣ быть должно: а имянно такому разумному человѣку, котораго сердце къ развращенному свѣту неприлипаетъ, и его перемѣнами также не безпокоится; какъ земледѣлецъ о томъ мало тужитъ, что послѣ одного ведренаго дня, трои или четверы сутки дожжъ идетъ.

46.

Не надѣяться на людей.

Человѣку гораздо меньше бѣдъ и напастей будетъ; ежели онъ наподверженныхъ смерьти людей, также на перемѣнное и не постоянное щастье, надѣятся не станетъ. Жизнь наша со всѣми роскоши и забавами, такъ вертится какъ колесо. Которая спица сей часъ въ низу была, та во мгновеніе ока на верьху очутится. Которой человѣкъ

на

на перемѣну по надѣется, тотъ съ симъ колесомъ и самъ заверьтясь, стремглавъ упадетъ. Кто до тебя очень милостивъ, того нечаянная кончина или паденіе, и тебѣ смертью здѣлатся можетъ. Ежели ты на подлежащаго смерти человѣка всю свою надежду возложишъ, то нечаянной отъ него гнѣвъ, съ переменою милости: обѣщаніе, или отказъ; надежда, или страхъ; польза, или убытокъ; жизнь, или смерть: безпрестанно тебя мучить станетъ. Это чувствованіе не умирающей клятвы, отъ бога за то на людей положено: что они на смертнаго человѣка, то все совершенное упованіе возлагаютъ, которое Творцу и единому Господу нашему принадлежитъ. Царь и Пророкъ Давидъ, по сему дѣлу въ самой практикѣ искусясь: одну половину безъ сильныхъ, а другую часть лживыхъ людей нашелъ. Какъ онъ ихъ вѣсами здраваго разума взвѣсилъ, то они ему легче самой суеты показались, для того: что перемѣнной нравъ съ не постоянствомъ ихъ, основательно узналъ. Которыя сего дня на ево сторонѣ были, тѣ на другой день противъ его стояли. Саулъ, и дочь ево а Давидова жена Царевна Мельхола; другъ за друга, Давида: любили, и ненавидѣли. А искреннѣйшаго Давиду друга Царевича Іоанафана, смерть съ нимъ разлучила: о чемъ сей мудры Царь и богоотецъ, въ сорокъ второмъ псалмѣ пѣсней своихъ пространнѣе пишетъ.

47.

Не лутчель и не безопаснѣе ли намъ, подъ защищеніемъ крылъ божіихъ жить; и его Святому провиденію себя предать? Покровъ божественой десницы его, тихое и безопасное Прибѣжище всѣмъ, въ бѣдахъ и въ печалѣхъ погруженнымъ душамъ: о чемъ въ другой части сей книги пространнѣе объявится. Язычникамъ, отъ природнаго разума данныя утѣшеніи; Сенека, и другія Философы, въ книгахъ своихъ пространно описали: а нынѣ только сіе разсудимъ, что Царь Маркъ Аврелій сказалъ. Развѣ богъ о людяхъ не попечется? А что значитъ ихъ молитва, и жертвъ приношеніе? Ежели богъ о насъ воистинну печется, какъ все мы вѣримъ, и вѣрить должны: то онъ о людяхъ своихъ ничево злаго не заключилъ. Какая бы то Но на бога.

вѣщъ

вѣщь была; которая бы Святое, Всеблагое, и Кроткое Существо, ко учиненію мнѣ вреда побудить могла? За чемъ я своею волею не довольствуюсь, когда подлинно знаю, что богъ, никакого зла: кромѣ пользы, и кромѣ всѣхъ благъ, воистинну мнѣ не пожелаетъ? Ежели бы человѣку самому себя всѣмъ снабдѣвая, всечасное о себѣ попеченіе имѣть; тобъ онъ кромѣ тово ничего не дѣлалъ, какъ только безпрестанно мучился: для того, чтобъ ему объ отвращеніи такого зла всечасно думать надлежало, которое человѣка безпрестанно окружаетъ. Это суетное мнѣніе съ напрасным трудомъ, по всякой бы день новую въ нас печаль раждало; живымъ представленіемъ того страха, которымъ все естество наше опутано. Въ какомъ бы непрерывномъ страхѣ, бещисленныя притчины къ смерьти, человѣка содержали? Для того намъ не сравненно лутче, всю свою печаль на того бога возложить; которой Святымъ словомъ страшныя силы своея все движитъ, и непостижимо содержитъ. Кто въ несовершенныя силы природы очень глубоко запущается, тотъ не обходимымъ ихъ теченіемъ связанъ будетъ. Египтяне, и другіе народы разумно признали; что тотъ человѣкъ выше всѣхъ печалей, кто душу свою съ превѣчнымъ богомъ соединяетъ.

48.

Не уповать, на непостоянное щастїе.

Кто вмѣсте съ подлымъ народомъ, о не постоянствѣ такъ называемаго щастья жалуется; тому я тожъ самое отвѣчаю, что боэцій Ксантипу сказалъ. буде ты себя слѣпому щастью ввѣрилъ, то не жалуйся на коварства и наухищреніи его. Надъ тобою, ничево новаго и страшнаго не дѣлается. буде думаешъ, что щастье къ одному тебѣ перемѣнилось; такъ весьма грѣшитъ. Оно всегда, и со всѣми людьми власно также поступаетъ: а надъ тобою хотѣло то показать, что щастье и въ тѣ поры таковожъ было, какъ на тебя ласкательнымъ лицомъ умильно взирало; каково оно тебѣ теперь кажется, когда косыми глазами изъ подлобья лукаво, и свирѣпо на тебя смотритъ. Нынѣ можешъ двойное лицо, этой прелестной и ложной богини видѣть. Ты сей часъ то узналъ, чево многіе люди до сѣхъ поръ не вѣдаютъ. Привыкай же къ непостоянству фортуны безъ

ропщанія:

роптанія : а къ вѣтреному ея нраву ; безъ гнѣва, безъ жалобъ, безъ печали , и безъ воздыханія. буде тебѣ ложъ , и прелесть ея мерзска : то , всѣ такія тлѣнности презирай ; которыми щастіе человѣка обманываетъ. Тогда получишъ свободу отъ печалей своихъ. Помни, что о семъ Горацій написалъ. Слѣпое щастье, дѣйствуетъ по строгости своей ; и обращаетъ лестную игру , не постоянства свѣтскаго. Сего дня ко мнѣ , завтра къ тебѣ выше мѣры ласково : а послѣ завтра обманетъ , обѣихъ насъ равно. Для того , хвалю я щастье пока оно пребываетъ. А какъ обернувшись начнетъ отмѣнятся , и на лѣту своемъ перье легкое пускать : то ево забывши, останусь я твердъ. Положусь во всѣмъ на бога , и возьмусь за добродѣтель. Она мнѣ будетъ щастье въ не щастій , а богатство въ убожествѣ моемъ. Не стыдноль это Христіянамъ , что язычникъ о перемѣне прелестнаго щастія , разумнѣе ихъ говоритъ : и великодушнѣе насъ разсуждаетъ? Когда ты вѣдалъ , что на вѣтреное щастье никто положиться не можетъ : то за чемъ хоромы надежды своей, на такомъ гниломъ фундаментѣ строилъ? Ты владѣтельницею себѣ избралъ не постоянную и вѣрченую фортуну , а потомъ этой вѣтреницѣ предписываешъ законы , долго ли ей стоять? Сѣвши въ корабль не хочешъ туды ѣхать , куда вѣтеръ тебя несетъ ! Посѣявши сѣмя въ землю , не хочешъ збирать того , что земля приноситъ. Не трудись напрасно ; не оборотишъ уже круглаго колеса не постояннаго щастья. Ежелибъ оно постоянно было , такъ бы не было фортуною. Я съ тобою , вмѣсто этой ложной богини стану говорить. Не обвиняй меня другъ мой напрасно. Я тебѣ никакого зла не здѣлала , и ничего у тебя не отняла. буде ты это думаешъ , такъ станемъ судиться. Все то богатство фортунино было , которое ты изъ рукъ уронивши потерянымъ щитаешъ. Ты съ собою на свѣтъ ни одной нитки не вынесъ , а меня тѣмъ клеплешъ будто я тебя ограбила. Ты моимъ жалованьемъ долго владѣлъ , а теперь я похотѣла свое у тебя взять. Не говорижъ о томъ и не жалуйся , будто ты свое потерялъ. Честь и богатство , не тебѣ ; да мнѣ служатъ. Какъ я отъ тебя прочъ пойду ; то , и слуги мои за мною итти должны. Ежелибъ то подлинно твое было , о чемъ ты плачешъ : то , какъ бы тебѣ ево потерять? Не отнимай ты у меня моего права. богу

небесному вольно, самой свѣтлой день облаками, и тучами помрачить. Кто можетъ твари его въ то время противиться, когда она, травою и цвѣтами разкрашеную землю, снѣгомъ и льдомъ покрываетъ? Кто запретитъ морю тихому быть, или волноваться? А человѣческой умъ хочетъ меня привесть къ тишинѣ, которая свойству, и природѣ моей со всѣмъ противна. Позволь же мнѣ другъ мой, обыкновенную игру мою по прежнему продолжать. У меня такой нравъ; что я верьхнее въ низъ, а нижнее въ верьхъ оборачиваю. Ежели ты сей день на верьхъ всходишъ, такъ не отрекисъ же завтра на низъ сойти, когда игра моя того требуетъ. Ты самъ это знаешъ, что я по натурѣ моей не постоянна. будь доволенъ, прежнею моею малою къ тебѣ милостью. Можетъ статься, что я впредь и большимъ тебя награжу: ежели ты разуменъ, и терпеливъ будешъ.

49.

Человѣкъ своимъ бѣдамъ, иногда самъ притчиною бываетъ.

Мы нѣмое щастье, велерѣчивымъ здѣлали. Ежелибъ страстьми помраченной человѣкъ, глубочайшую премудрость божія провидѣнія, и непостижимость судебъ его изслѣдовать могъ: тобъ о щастьѣ и о не щастьѣ, по меньше говорилъ. Нечаянныя случаи въ жизни человѣческой, разумнѣйшимъ язычникамъ такъ трудны показались: что Философы объ нихъ, въ страхъ и въ трепетъ приходили. Но понеже этѣ мудрыя люди притчины сему узнать не могли, то они, такіе вѣщи и дѣла слѣпому щастью приписали: которыя отъ одного только человѣческаго сердца произходятъ. Христіяне тѣмъ щасливѣе язычниковъ, и выше всей Философій ихъ: что отверзстое слово божіе предъ глазами имѣя, при семъ божественномъ свѣтильникѣ: главныя притчины печали нашей несравненно яснѣе язычниковъ видятъ. Тамъ открыто намъ истинное самого себя познаніе, и премудрѣйшее разположеніе Святыхъ и непостижимыхъ судебъ божіихъ. Ко успокоенію жалобъ своихъ, въ священномъ писаніи находимъ; что человѣкъ почти всему тому самъ притчиною, что его ни мучитъ. Какъ много такихъ бѣдъ и напастей, которымъ человѣческое безуміе или безпамятство, перьвая и главнѣйшая притчина. Для чегожъ мы о томъ жалуемся, что плоды трудовъ своихъ ѣдимъ? Надъ всѣми

это

это здѣлалосъ; которые добраго совѣта слушать, и по оному исполнять не хотѣли. развѣ ты думаешь; что настоящіе припадки, не подлинные слѣдства прошлыхъ грѣховъ нашихъ? всеконечно они! Катонъ сіе за немалую погрѣшность призналъ, что въ такое мѣсто водою ѣздилъ, куды сухимъ путемъ ѣхать могъ. А какъ въ кораблѣ заболѣлъ, то ни на море не пѣнялъ, ни на погоду не жаловался: да всю сію немощь себѣ приписывалъ. Человѣкъ до тѣхъ поръ погрѣшенія своего не видитъ, пока пользу отъ того имѣетъ: а какъ чужою злостью накажется, въ то время мудрость глаза ему открывши, ясно покажетъ; какого наказанія отъ бога, не извѣстной; и не признанной грѣхъ нашъ достоинъ? Многіе люди для того насъ ругаютъ, облыгаютъ, и расхищаютъ: что бы мы чрезъ сію обиду ихъ въ согрѣшеніяхъ своихъ чувствительнѣйшими того учинились, нежели въ то время были; когда безпамятствомъ своимъ, или наглостью въ молодыхъ лѣтахъ: другихъ людей ругали, и обидѣли. Щасливъ тотъ человѣкъ которой при всякихъ на него приходящихъ горестяхъ; притчины сему не щастью въ самомъ себѣ ищучи: и симъ чувствительнымъ напоминаніемъ самъ себя исправляя, отчасу къ большему просвѣщенію премудрости идетъ. За чемъ же я нетерпеливъ въ такомъ не щастьѣ, которое мнѣ самому отъ себя пришло: и для чего о томъ ропщу, что на терновнике кислые ягоды ростутъ? Собтвенные самого себя обвиненіи во грѣхахъ своихъ, великое человѣку облегченіе въ печаляхъ ево приносятъ. Хотя минувшаго возвратить и нельзя; однако великая въ томъ душе человѣческой польза, что бы прошлыя погрѣшеніи свои признавая, часто помнишь. Этѣ мудрыя разсужденіи, и богу пріятныя мысли: вгоняя человѣка внутрь себя, кажутъ ему грѣхи и пороки: а чрезъ сіе поминаніе сердце и душу его, тайнымъ наказаніемъ исправляючи; впредь разумнымъ и осторожнѣйшимъ творятъ. божія честь весьма тѣмъ поспѣшествуется, когда мы правосудіе Господне въ томъ признаваемъ; что богъ, всякому человѣку по дѣламъ его воздаетъ. Какъ великому того спокойству въ душе нашей быть должно, когда чаловѣкъ сіе чувствуетъ; что онъ въ себѣ часъ отчасу исправляется? Сіе внутреннѣе испытаніе или разсмотрѣніе себя, есть сѣмя кротости и смиренія: которое въ сердцѣ Христіянскомъ, наилутчія

плоды принести можетъ. О произходящемъ изъ сего смиренія душевномъ спокойствѣ, во второй части этой книги пространнѣе обьявится.

50.

Кто лутче, тотъ все бещастнѣе другихъ.

Терьпѣніе непорочныхъ людей, радованіемъ доброй совѣсти, вездѣ и всегда оказывается. А понеже они въ сердцахъ своихъ, нѣчто лутче суетныхъ утѣхъ чувствуютъ; то, на свѣтское безумство, очень мало смотрятъ. За сіе упадаетъ на нихъ ненависть безумныхъ; а рѣдкая ихъ добродѣтель, востритъ на нихъ же зубы, злораднаго множества въ подломъ народѣ. По сему, нимало недивно; что лутчіе, и добродѣтельнѣйшіе люди, горшія за то бѣды отъ свѣта сего терьпятъ: что зборище злыхъ и лукавыхъ, никакого блага снести; а добродѣтельныхъ людей, передъ глазами у себя видѣть не можетъ. Это уже знакъ подлиной добродѣтели; ежели гурьба злыхъ людей, одного человѣка не навидя гонитъ. Перьваго вѣка Христіяне, жестокое на себя гоненіе цесаря Нерона, для того за честь себѣ почитали: что [по слову Тертуліянову] такіе мучители и безчеловѣчные уроды, одну только чистую добродѣтель, въ крайнемъ омѣрзѣній имѣть долженствовали. Сократъ; по изреченію Оракула отъ языческихъ боговъ, премудрѣйшимъ человѣкомъ названъ. Въ Домѣ; бѣшеная жена его Ксантипа всякой часъ безпокоила, а внѣ двора, напрасно ненавидящіе Афинцы, сегожъ добродѣтельнаго мужа безвинно ругаючи, и на конецъ въ тюрьму посадя, ядомъ уморили. Мудрость съ безуміемъ, отъ начала свѣта до нынѣ, помирится не можетъ: и во вѣки у нихъ мира не будетъ. А понеже бузуміе сильнѣе мудрости, то оно всегда еѣ утѣсняетъ. Неправедное гоненіе на многихъ въ древности добродѣтельми славныхъ мужей, ясно кажетъ; чего подобныя имъ въ добродѣтеляхъ люди, отъ злостей лукаваго свѣта ждать имѣютъ? И нашихъ времянъ злоба, много добродѣтельныхъ людей по мытарствамъ водитъ: а это уже великое щастье, когда съ добродѣтельными, при слѣдующихъ Эпиктетовыхъ словахъ останется. Желаешъ ли быть мудрымъ? Готовся къ руганію! Кто по слову божію живетъ добродѣтельно; тотъ будетъ посмѣшищемъ коварнаго свѣта,

которой

Которой добрыхъ ругая, межъ собою такъ говоритъ. Посмотрите на враля, и строгова книжника. Онъ то глупымъ житьемъ, и грубымъ ученьемъ своимъ, мѣшаетъ нашему веселью; забавамъ, и щастію. Какое мерзлякъ, тебѣ до того дѣло; что я сію краткую жизнь свою, въ забавахъ да въ роскошахъ окончать хочу? И самъ я не хуже тебя. Подижъ, лови себѣ мухъ; и враньемъ своимъ какъ хочешъ забавляйся. Симъ то комплиментомъ, злой и не праведной свѣтъ сей, добродѣтельныхъ встрѣчаетъ; а смѣхомъ и руганіемъ, мудрыхъ провожаетъ. Ежели мудрой до конца не претерпитъ, то злыя люди опять его въ томъ ругаютъ что онъ молчитъ и будто уступаетъ, а особливо тамъ; гдѣ богатство да честь, сильнѣе мудраго; и выше всѣхъ его законовъ. Концабъ тому не было, ежелибъ отъ крови праведнаго Авеля, до неповинно пролитой крови новаго завѣта, все то изчислять: что лутчія въ добродѣтеляхъ люди, напрасно претерпѣли. Святая вѣра Христова; о произходящей изъ сихъ печалей пользѣ, лутче всѣхъ языческихъ книгъ насъ учитъ. Здравой разумъ человѣку сказываетъ, что въ томъ гораздо больше пользы и внутренняго удовольствія, когда человѣкъ по такой дорогѣ пѣшъ идетъ, которая терніемъ бѣдъ и напастей усыпана; нежели въ золоченой коретѣ, съ богатымъ экипажемъ ѣдетъ. Хотя сей пространной путь натуральному, тоесть плотскому человѣку безмѣрно пріятенъ: только очень прелестенъ, и въ погибель ведетъ. Всякому человѣку отъ бога на волю дано, пагубную ли онъ роскошъ выбрать, или святую добродѣтель взять: и ей вѣчно послѣдовать желаетъ. Роскошъ безмѣрно человѣка слѣпитъ прелестнымъ, и крайне приманчивымъ весельемъ: а добродѣтель напередъ сказываетъ, что намъ за нѣе нѣсколько времени потерпѣть надобно. Ежели пристанешъ къ злымъ, то ясно увидишъ, что забавы ихъ съ печалью, и крайнимъ въ душе смятеніемъ смѣшаны. А буде къ добрымъ людямъ присоединишся, то по краткой трудности, за исполненіе всякой правды; такое спокойство и радость въ душе своей почувствуешъ, которая все превосходитъ, что въ свѣте ни есть. Когда уже лутчіе и добродѣтельнѣйшіе люди, въ жизни своей бѣды и напасти терпятъ: то о чемъ печалится мнѣ такому человѣку, которой, ни тысячной доли мудрости и добродѣтели ихъ не имѣетъ. Предвѣчная; во образѣ божій человѣкомъ явившаяся правда, и безмертная

добро-

добродѣтель, [Христосъ богъ нашъ] больше всѣхъ пострадалъ: а я червь, и муха, малаго снести отрицаюсъ. Свѣтъ сей для меня ни когда уже не перемѣнится, да таковъ же золъ и безуменъ останется, каковъ отъ созданія своего по се время былъ. Напрасножъ мнѣ того и ждать; чтобъ у добродѣтели со грѣхомъ, а у добрыхъ людей со злыми, дружба и любовь здѣлалась. Когда уже на свѣте, ни добра ни зла безъ примѣсу нѣтъ: то великая человѣку отъ такого разсмотрѣнія польза произойдетъ, въ безумствѣ ль, истиннаго и постояннаго удовольствія больше: или въ мудрости? Хотя у безумія и больше слугъ, однако премудрость, лутчихъ при себѣ служителей имѣетъ. Для чегожъ я за лутчими, и за добродѣтельнѣйшими людьми въ слѣдъ нейду? Они, больше меня добра здѣлали; а зла, хотя и больше моего претерпѣли: только добродѣтель ихъ до скончанія вѣка въ безсмертной славѣ, и памяти пребудетъ: а безумныхъ людей имя, всегда смрадомъ пахнетъ; или уже вмѣсте съ ними вѣчно погибнетъ. Сколь много такихъ злыхъ людей на свѣте было, которыхъ упрямство съ наглостью ослѣпивши такъ укрѣпило, что они великія бѣды и напасти за не правду свою терпѣли? Развѣ умъ человѣческой въ томъ одномъ силенъ, что бы насъ къ упрямственному постоянству въ зломъ, такъ сильно побуждать? При такомъ случае человѣку терпѣніе Іовле, а премудрость Саломонова надобна; когда злость съ не правдою такъ насъ одолѣетъ, что злые люди, добра въ дѣло ставить не станутъ. Хотя у добродѣтельнѣйшаго изъ всѣхъ Израильтянъ Давида, сердце часто о томъ сокрушалосъ; что Сауловы придворные, мудраго сына Іессеова, безумцомъ весьма не праведно звали: однако Давидовой добродѣтели, власно какъ золоту; симъ огнемъ клеветъ и ругательства искусясъ, очиститься долженствовало. Разсуди безсильной человѣкъ немощъ свою, и укрѣписъ. Ты отваживаешся за добродѣтель умереть, а того еще стерпѣть не можешъ; что бы кто честь твою тронулъ. Смотри и берегисъ того, дабы жизнь съ богатствомъ; не крѣпче чести къ сердцу твоему приросла, на такой случай; ежели кто за одно изъ нихъ хватится. Это, весьма естественное дѣло; чтобъ у огня съ водою, а у разумнаго съ безумнымъ, природной противности [Антипатія] быть. Развѣ ты еще сего не вѣдаешъ; что безумной, а притомъ пороками распестренной упрямецъ, добродѣтель за то бранитъ:

что она пороки его обличаетъ? Для сего то злыя люди, искренность разумныхъ грубостью зовутъ: а доброй и полезной совѣтъ ихъ, безуміемъ величаютъ. Они того и смотрятъ; какъ бы имъ, отъ скучнаго [по ихъ ложному слову и мнѣнію] дружества и обхожденія съ добрыми людьми, скорѣе отлучится. Для сей притчины злой человѣкъ ложно думаетъ, будто добрыя люди его не видятъ; или уже ложными пороками ихъ обвиняетъ. буде, доброй человѣкъ богобоязливъ, такъ злыя люди ханжою, и лицемѣромъ его зовутъ. Ежели добродѣтели свои скрываетъ, такъ атеистомъ величаютъ. Когда правду говоритъ, такъ грубіянъ и невѣжа. буде молчаливъ, то обманщикъ. Ежели ласковъ, такъ льстецъ. Кто воздерженъ и постояненъ, того спѣсивымъ титулуютъ: или уже, обыкновенно про него говорятъ; онъ умничаетъ. Кроткаго глупымъ, а великодушнаго бѣшенымъ имянуютъ. Съ такимъ то не разуміемъ; злыя люди о добрѣ говорятъ, и такъ объ немъ какъ слѣпые о краскахъ разсуждаютъ. Но сіе уже не сносно, когда они повелѣваютъ; чтобъ и тѣ люди разсужденіи ихъ за праведныя почитали, кои лутче ихъ видя знаютъ; что онѣ со всѣмъ не правые. Въ томъ то все тиранство безумныхъ, то они не только мудрость побороть хотятъ, да такимъ образцомъ себя дѣлаютъ, по которому бы другимъ людямъ во всемъ поступить. Злой обычай свой за такое правило полагаютъ, которому бы всѣ люди не отмѣнно послѣдовали. Кто сіе за не правду признаетъ, или, волю ихъ хотя въ маломъ чемъ о споритъ: того человѣка титуломъ упрямца, или враля, немедлѣнно обложатъ. Пока эте люди во власти и въ силѣ своей; до тѣхъ поръ съ ними дѣлать, и говорить нечего. Хотя бы представленіе твое такъ праведно и столь ясно учинилось, что бы имъ устыдясь противъ тебя спорить не возможно было; только они правду твою оставя, а на предлагающаго оную жестокимъ стремленіемъ на падши, въ лицо ему скажутъ Ты правду говоришъ, а самъ не то дѣлаешъ. Симъ коварнымъ способомъ только того ищутъ, что бы пороки свои какъ можно скрыть. Хотя подлинно увидятъ, что ты правдою и добродѣтелью живешъ: однако по злобѣ и по обыкновенному невѣрію своему, такъ скажутъ. Все это обманъ; и притворство. Кто на разсужденіе такихъ злостныхъ безумцовъ положится, тотъ никогда и никакого добра не получитъ. И ты въ томъ согрешищъ, ежели правду только для того дѣлать станешъ,

нешъ чтобъ люди еѣ видѣли ; а тебя хвалили. Когда уже всякое добро, само собою любленія, и славы отъ рода человѣческаго достойно: такъ весьма несправедливо будетъ, ежели человѣкъ для одного себя и ради собственной славы, добро дѣлать станетъ. Сему золоту ; надобно сквозь огнь неблагодарности, ругательства, гоненія, и ненависти прошедши : симъ опытомъ, и этою крѣпкою пробою, отъ всякаго мримѣру вреднаго самолюбія очиститься. Ежелибъ на добродѣтель много охотниковъ было; тобъ она подлымъ, и надмѣру дешевымъ товаромъ здѣлалось. Но сіе, всего на свѣтѣ чеснѣйшее сокровище, многія годы въ слиткахъ забвенія до тѣхъ поръ лѣжитъ; пака одинъ прямой охотникъ, и доброй знатокъ на него выищется. Для сей притчины, не сердисъ на такихъ людей ; которые тово не хвалятъ ; чего сами не знаютъ. Они потемному разуму, и по худому понятію своему, одно то любятъ и хвалятъ; что ихъ развращеннымъ мыслямъ мило, а слѣпымъ чувствамъ пріятно кажется. Между ими и тобою такое различіе, что ты истинное и вѣчное благо любишъ : а имъ то пріятно, что ложной видъ не прямой доброты имѣетъ. Ты ихъ своею помощію исправь ; или уже въ прежнемъ невѣденіи, къ дальнему сихъ людей заблужденію, и въ неизбѣжной погибели : безъ всякаго вреда оставь. безъ сего бы труда немалое тиранство было, ежелибъ ты того потребовалъ: что бы всѣ эте люди тебѣ во всѣмъ послѣдуючи; одного съ тобою мнѣнія были. О слѣпомъ люди жалѣютъ, что онъ видѣть ; а о храмомъ, что ходить не можетъ. Но сіе рѣдко кто здѣлаетъ, чтобъ слѣпаго за руку взявъ ; а хромова въ коляску къ себѣ посадя, въ домъ его или въ то мѣсто отвести; куда онъ по желаетъ. Тебѣ вкусны щи, а другому каша смачнѣе кажется. Для чего ты хочешъ такимъ людямъ насильно лѣкарство давать, которые о себѣ думаютъ, будто они со всѣмъ здоровы ? Ежелибъ съ Ераклитомъ о безуміи всякаго человѣка плакать, тобы со слезъ ослѣпнуть надлежало. А буде бы кто о вредѣ, и о погрѣшностяхъ другихъ людей, съ Гемокритомъ смѣяться похотѣлъ ; тотъ бы скоро со смѣху умеръ. Мстить ли имъ думаешъ? Это женское дѣло. Ненавидѣтьли ихъ хочешъ? Такъ это зло. Презирать ли ихъ станешъ ? Такъ въ гордость въ падетъ. буде ругать ихъ начнешъ; то, обиду и безчестіе имъ здѣлаешъ. Принуждать ли ты ихъ намѣренъ ? Такъ это мученіе, и тиран-

тиранство будетъ. Лутче сихъ людей исправъ, или уже сноси погрѣшности ихъ. Добродѣтель, имѣетъ въ себѣ особливую красоту; и чудную къ тому силу, что бы человѣка у людей въ любовь привести. Кому она не вкусна, тѣ люди не мщенія или ненависти, да сожалѣнія достойны. Самое человѣколюбіе не обходимо того требуетъ, что бы заблуждающему прямую дорогу указавши: въ хожденіи по ней, полную волю ему дать. Не завидуй же мнимому благополучію, на одинъ только видъ щастливыхъ людей, а ложнаго и суетнаго ихъ мнѣнія, отнюдь не перебивай. Они отъ сего только ту пользу имѣютъ, что бѣдность и печаль до тѣхъ поръ ихъ ждетъ, пока они отъ сего глубокаго сна пробудившисъ, о безуміи своемъ сердечно жалѣть начнутъ. Нынѣшнее твое объ нихъ жалѣніе не такъ имъ горько, какъ та ихъ собственная о себѣ печаль въ то время несносна имъ будетъ, какъ совѣсть возбудясъ; непрестанно мучить ихъ начнетъ. Иные коварные люди для того тебѣ зло дѣлаютъ, что ты за всякую обиду, и за каждой нападокъ сердишся. Ежели ко всему чувствителенъ будешъ, то нападчику своему способъ къ тому подашъ, что бы онъ тебя обидѣлъ: а злость ево тому станетъ веселится, что ты обо всемъ гнѣваешся. Тебѣ можно тотъ стыдъ про себя уберечъ; дабы такихъ людей не порицать, за которыми только и дѣла, что во всю жизнь свою сами себя ругаютъ. Ежелибъ все ихъ обхожденіе не всегдашнее посмѣшище, или не сатирическое ругательство самихъ себя было: тобъ еще люди могли ихъ простить. По сему, другова тебѣ дѣлать нѣчего; какъ на оборону отъ сихъ во тмѣ преходящихъ огненныхъ стрѣлъ, и отъ мороваго душе твоей повѣтрія: противнымъ ядомъ, часто вооружатся. Императоръ Маркъ Аврелій отъ такихъ злостей, всякое утро новыми разсужденіи боронился. Буде и ты того же опасаешся; то, сими полезными мысльми самъ себя успокоивай. (1.) Какъ бы ты злыхъ людей ни любилъ, а имъ тебя до тѣхъ поръ ненавидѣть; покамѣстъ ты, злостямъ ихъ противиться станешъ. Развѣ тебѣ чужой порокъ помѣтаетъ, добродѣтели исполнять? Или для того хочешъ перестать любовнымъ, кроткимъ, долготерпеливымъ, праведнымъ, и разумнымъ быть: что другія люди злы, ненавистники, завистливы, злобны, лукавы, неправедны, и безумны? Развѣ дума-

етъ, будто тебя такой человѣкъ повредить можетъ; отъ котораго ты никогда злѣйшимъ не здѣлаешся? Для чего злымъ нравамъ другихъ людей, твой доброй нравъ повредить? Дай время злобѣ ихъ укипѣть. Они напослѣдокъ сами умякнутъ, или уже вовсе згорятъ. (2.) Не смѣшноль это? Тебѣ можно злость свою отмѣнить; а ты не только не препятствуешъ, да еще потакаешъ ей? Чужой злости помѣшать не можешъ, а не хочешъ еѣ на глазахъ у себя видѣть? Когда самъ ты себя, всякими способы выкручаешъ; такъ для чего другихъ людей извинить, или по крайней мѣре имъ того дозволить не хочешъ, чтобъ они себя сами оправдали. (3.) Сносижъ чужія пороки; такъ и другіе люди, твои погрѣшности сносить станутъ. На томъ уже свѣтъ стоитъ. Изъ противныхъ между собою вѣщей, одному другое сносить надобно. Симъ противнымъ смѣшеніемъ, цѣлой свѣтъ содержится. (4.) Какъ много и часто ты бога грѣхами своими прогнѣвляешъ, и онъ тебя кающагося милосердо прощаетъ: а ты людей ни въ маломъ простить не хочешъ. (5.) Не лутчель тебѣ, не правду и обиду отъ людей терпѣть: а самому ихъ ни чемъ не обидѣть? (6.) Злымъ людямъ на свѣте, также быть надобно; какъ черному подлѣ бѣлаго. Твоя добродѣтель, ихъ пороками оказаться должна. Какъ бы ты терпѣнію, безъ ихъ супротивленія; кротости, безъ гнѣва сихъ людей; а любви къ ближнему, безъ ненависти ихъ научиться могъ? Ихъ невоздержность, учитъ тебя цѣломудрію. Ихъ безчеловѣчіемъ, научаемся человѣколюбію. Отъ ихъ лжи, долженъ ты учиться правдѣ. Отъ вертопрашества ихъ, учасъ постоянству и вѣрности: а отъ безумія и своенравства чужова, должно намъ навыкать употребленію здраваго разума. Для чего ты жалуешся на такихъ людей; которыхъ безумство, тебя разуму учитъ? Они слѣпы, а ты хочешъ что бы зрячи были! буде они по своему обыкновенію живутъ, то ты своему нраву послѣдуй. Имъ такія мнѣніи надобны, которыми бы этѣ люди, дѣла свои оправдать могли. Когда они о дѣлахъ своихъ жалѣть и раскаиваться начнутъ, тогда умъ ихъ и самъ исправиться. Не упрямсяжъ! И не требуй того, что бы рысь не пестра была. Чтобъ терновникъ не кололся; чтобъ у змей яда не было; а тотъ бы человѣкъ добръ былъ; кто золъ родился, и зло дѣлать съ малу привыкъ. (8.) Кто

отъ

отъ человѣчества удалится, тому стыдно; а кто бога прогнѣвалъ, тотъ бещастенъ. Всемогущій Творецъ, Фіалы гнѣва своего долготерпѣливо носитъ; а ты не хочешъ малаго стерпеть? Имрекъ хочетъ въ воду броситься. Кто ево держитъ? Тебѣ съ нимъ другова дѣлать нѣчего, какъ только о безумствѣ сего человѣка жалѣть, а о спасеніи души ево бога молить. (9.) * Аще оставищи безумна и нечестива; олядѣетъ, и травою поростетъ весь. И будетъ яко засыпанный кладезь оставленъ, и ограда его каменьніи разкопаются. Чтожъ тебѣ дѣлать; дабы сей внутрь тебя живущей колодезь всегда чистъ, ни чемъ не оскверненъ, и не засыпанъ былъ? Всегда о томъ стараться; что бы простосердечнымъ, равнодушнымъ, добрымъ, и честнымъ человѣкомъ быть. (10.) Никто безъ вины своей, обруганъ не бываетъ. Честь добродѣтельнаго человѣка не въ чужой хвалѣ, и не въ людской славѣ; но весьма глубокое коренье имѣетъ. Она ростетъ въ сердцѣ, а распространяется въ потомкахъ. (11.) Ежели ты самъ въ себѣ добръ; то никогда худымъ отъ того не здѣлаешся; что люди тебя ругаютъ, и злословятъ. Верьхи высочайшихъ горъ, подъ чистымъ небомъ такъ безопасно стоятъ; что ни молнія, ни громъ, ни дожжъ, ни градъ ниже вѣтры съ бурями, ничего имъ здѣлать не могутъ. Великой на Христіянъ гонитель Римской Цесарь Домитіянъ, изгнаннаго Аполлонія спросилъ. Кто тебѣ помощникъ, и защититель будетъ? Аполлоній, ему отвѣчалъ духъ божій, время, и любленіе мудрости. Во истинну! Великія помощники. Рѣчи ихъ, сильнѣе крику ругателей; а слова сихъ защитниковъ такъ приницательны, что страданіе не повинной добродѣтели, до скончанія вѣка славно, а роду человѣческому любезно пребудетъ. (12.) Я знаю! Ты разумно и праведно упрямъ будучи, кромѣ почитателей истинной добродѣтели, ни отъ кого любимъ быть не хочешъ. Изволь же готовиться къ ругательству нечестивыхъ, и неповинную добродѣтель всегда гонящихъ людей: а такимъ отнюдь не угождай, кои сами собою не довольны. буде желаешъ злыхъ людей побѣдить; то душу твою терпѣніемъ скрѣпивши, войди внутрь себя. Въ этой казенной палатѣ духа божія столько дѣла найдешъ, что о другихъ людяхъ и подумать не успѣешъ: а сіе, напомянутъ тебѣ слѣдующіе строки. Хотя бы ты Геркулесову, или по Тезѣеву при-

* Притчей Саломон. Глава 24.

мѣру ; родъ человѣческой отъ змѣи, отъ монстровъ, или отъ поганыхъ чудищъ очистить могъ : однако выгони прежде изъ собственнаго сердца ту струшную змѣю , которая тебя печальми да роскошьми , очень часто язвитъ. Какое до другихъ , людей тебѣ дѣло ? Гордой ругатель , взгляни на себя. Вошедши въ свое сердце , вымети изъ него весь соръ и нечистоту. Выбрось изъ себя суету, и грязь злыхъ страстей: страхъ , печаль , скуку , злобу , и ненависть ; скупость , гордость , зависть , и лакомство : а вмѣсто ихъ наполни сердце твое добродѣтельми. Не трогай сучка въ одномъ глазу ближняго , да вынь прежде по бревну изъ обѣихъ глазъ твоихъ. Буде то не пользуетъ , такъ молчи ! богъ , всепремудро и праведно дѣлаетъ. Онъ праведныхъ любитъ , а грѣшниковъ милуетъ. (13.) Развѣ еще ты въ добродѣтели не такъ крѣпокъ , чтобъ тебя люди однимъ противнымъ словомъ , или неприятнымъ взоромъ озлобить могли ? Или уже ту честь безумцамъ уступить хочешъ , что бы имъ уподобиться ? Пускай они подобное себѣ любятъ ; а ты будь разуменъ , и дѣлай правду. То самое Царское дѣло ; чтобъ добро всегда дѣлать , а злословїе и ругательство , великодушно терьпѣть. (14.) Ежели праведной къ нечестивому въ домъ пришедши разумно поступаетъ , то хозяина къ не праведной на себя злобѣ , великою силою потому неволитъ ; что злыя не только видѣть , но и слышать тово не могутъ , что другїя люди добрыми становятся : а усмотрѣвши сїе , тагожъ часа огнемъ злобы загараются. Ненависть , злоба , и зависть : всякой добродѣтели такъ власно противится , какъ тьма свѣту. Въ злыхъ нравахъ то перьвое , и самое ехидное свойство : что бы добродѣтель ненавидя гнать , и какъ можно ей препятствовать. (15.) По слушай злорадной гонитель, добродѣтели мудрыхъ словъ славнаго язычника ; и постыдись о безумной злобѣ твоей. Злыя люди [пишетъ Сенека о блаженной жизни] въ томъ пользу свою признаваютъ; чтобъ никого добрымъ , кроткимъ, и праведнымъ не признавать. Они не напрасно думаютъ , что признанїе чужой добродѣтели, всѣ ихъ пороки посрамитъ. Оставьте эту злую мысль ! Добрыя люди , ни въ чемъ съ вами не равны. Они, во перьвыхъ не скупы. Крови и корыстей не желаютъ : гордости, лжи , и обидъ не знаютъ. Подобныхъ вамъ злыхъ людей не вредятъ , и ни чемъ до васъ не

касаются :

касаются : а вы имени ихъ слышать не хочете. Што же вы за люди, и кто таковы; што про одно имя добродѣтельныхъ, помянуть вамъ не льзя? За што вы все то страшнымъ злословїемъ ругаете; што безумїю вашему уподоблятся не хочетъ? (16.) Какое вамъ до того дѣло, что добродѣтельные люди не все, и не всегда по словамъ своимъ исполняютъ? Довольно того, что этѣ честные люди; добрыя мысли, и благое намѣренїе имѣютъ. Ежелибъ они все то дѣлали, что имъ добро и право кажется: тобъ не только добродѣтельные, но и во всемъ совершенныя люди были. Для чево ты разумные слова ихъ опровергать, а честное сихъ людей сердце за то ругать хочешъ: что оно доброю волею, и полезными намѣренїями преисполнено? Въ великихъ дѣлахъ; не только самое дѣйство, но одно благое произволенїе со истиннымъ намѣренїемъ, всякой похвалы достойно. Я свою смерть, не боязненнымъ сердцемъ встрѣчу. Ни печаль, ни труды, отъ того меня не удержатъ; чтобъ я тѣлу своему постояннымъ великодушїемъ помощи и укрѣпленїя не подалъ. Я твердо намѣрился; нынѣшнее свое богатство такъ презирать, какъ бы ево никогда у меня не бывало. Ежели оно опять ко мнѣ въ руки придетъ, то никогда меня гордымъ не здѣлаетъ: а буде ево неполучу, то объ немъ во вѣки печалиться не стану. И щастїе, таково же мнѣ равно. Придетъ ли оно ко мнѣ, или опять отъ меня уйдетъ: это мнѣ все едино. Вся земля, общее мнѣ отечество. Я хочу такъ жить, какъ бы для людей родился. Имѣнїя моего, ни скупостью умножать; ниже не воздержностью расточать, отнюдь не хочу. Собственнымъ своимъ, только то почитать стану; что я праведными способы, и трудами рукъ своихъ нажилъ. Што я на добраго и достойнаго человѣка употреблю, тѣмъ никогда убыточенъ не буду, и его за скудость себѣ отнюдь не почту. Для суетной похвалы, ничево не дѣлаю; но все по доброй совѣсти исправляю. Ѣства и питье у меня, долженствуетъ быть по нуждѣ натуры моей. Съ друзьями своими, стану я любовно обходиться. Потщусь имъ, прежде прозьбы ихъ служить. А до нужды и до бѣдности, всею возможностью допускать ихъ не стану. Со врагами моими, кротко и человѣколюбно поступлю. Хотя Сенека, все сїе дѣйствительно исполнялъ; однако Цесарь Неронъ его не на-

 видѣлъ.

видѣлъ. Враги сего Философа до тѣхъ поръ гнали, пока его уморили. Гонитель, и гонимой; оба должны умереть. О чемъ же мнѣ и печалиться?

51.

Постоянное терпѣніе.

По что намъ бога обвинять? Онъ лутче насъ вѣдаетъ; что намъ нужно и полезно. Для чего злыхъ людей проклинать? Они то не навидятъ; что съ ними не сходно. Къ чему намъ нетерпѣливостью своею, не щастіе наше отчасу больше умножать? Оно еще намъ сносно. По что человѣку на свѣтъ сей жаловаться? Онъ, по своему обычаю поступаетъ. Не дадимъ же себя, собственному нашему мнѣнію въ обманъ. Человѣкъ, одно только тлѣніе теряетъ. Повинемся воли и провидѣнію Всемогущаго. Терпѣніе, всякую печаль облегчаетъ. Все то съ радостью претерпимъ, что мы терпѣть должны; или грѣхами своими праведно заслужили. Это уже извѣстное дѣло; что противу рожна прать не возможно. Примемъ всякую печаль съ великодушіемъ, дабы намъ не здѣлаться такимъ судномъ; которое отъ малаго прикосновенія къ камню, немедленно объ него разбивается. Вспомни Каланово постоянство, а Сократову смерьть; о чемъ Горацій слѣдующее пишетъ. Которое не щастье, злыхъ людей сердца сокрушаетъ; то спокойства душъ добрыхъ, отнюдь не трогаетъ. Сей покой, избираетъ доброе; а лутчаго на свѣте всею крѣпостью держится. Хотя народное ругательство и гордыхъ тирановъ мученіе, на покой нашъ какъ на злѣйшаго врага наступаетъ; только онъ ни грозъ, ни мукъ, ни лютѣйшей смерьти не боится. Сими Гораціевыми словами, Корнелій Витъ въ мученіи своемъ укрѣплялся, и претерпѣвая раны, этѣ стихи безпрестанно говорилъ. Намъ отъ самаго искусства познавши, сему научиться можно было: что не случай, и не припадокъ, да одна упорная нетерпѣливость насъ мучитъ. Она то не щастью на и болѣе противится, а безпокойной нравъ нашъ: желчъ, и полынной сокъ, въ случаи жизни человѣческой мѣшаетъ. болѣзнь въ то время больше умножается, когда мы еѣ убѣгаемъ. Для чего мнѣ съ такою долею бороться, которая гораздо сильнѣе меня? По што мнѣ чрезъ нетерпѣливость свою, сносное не щастье тяжчайшимъ игомъ дѣлать? Для чего я роптаніемъ моимъ Всеблагаго, а во обѣтованіяхъ своихъ паче

всѣхъ

всѣхъ человѣкъ вѣрнѣйшаго бога прогневляю? Какая мнѣ отъ сего помочь; когда я того не терплю, что терпѣть долженъ? Я не сумнѣнно вѣрую, что мнѣ безъ воли милосердаго бога, никакой худобы здѣлаться неможетъ; а того понять отрицаюсь, что сія печаль къ лутчему мнѣ клонится? Моихъ дѣтей, за не послушаніе наказываю; а своимъ не терпѣливымъ противленіемъ, лозу Всеправеднѣйшаго Отца Небеснаго; отъ себя отвратить думаю? Не лутчель мнѣ печаль свою такими разсужденіями облегчить, отъ которыхъ произходитъ терпѣніе? Сталъ ли бы тѣсной башмакъ ногу мою давить, ежелибъ я ево своими руками на ногу себѣ не встянулъ? Сильной вѣтръ за тѣмъ тростника не ламаетъ, что тросникъ нагибаючись къ землѣ клонится. И я бы въ себѣ гораздо спокойнѣе былъ, ежелибъ жестокимъ бурямъ не щастія уступилъ: а отъ гоненія бы разумно уклонялся. Упрямой робенокъ часто о томъ плачетъ, што ему воли не даютъ. Что болѣе мать ево тѣшитъ, то больше блажной робенокъ кричитъ и надсѣдается. А какъ скоро отецъ на сей вопль пришедши, крикуна своего плѣтью или лозою хорошенько высѣчетъ; то дурное дѣтище ево, и ревѣть престанетъ. Всѣ такіе люди этому своенравному робенку подобны, которые въ не щастьѣ своемъ безмѣрно плачутъ, и безразсудно крушатся. Што ты себѣ слезами пособишъ? Ничево! Только што наказаніе свое умножу. Своевольная природа до тѣхъ поръ успокоится не можетъ, пока еѣ больше не побьютъ. Для сего то на ропотательную нетерпѣливость, больше нужды и бѣды накладывать должно. Къ отвращенію сего постараюсь я о томъ, что бы мнѣ всѣ душевныя силы свои собравши, всякими способы про себя утѣшать. Уподобляюсь я такимъ художникамъ, которые изо всякаго дерева то дѣлаютъ, что изъ него здѣлать можно. Во время сильной бури, и темной тучи; стану уповать дражайшаго ведра, пріятной тишины, и солнечнаго сіянія. Изъ горькихъ травъ терпѣнія моего; чистительное лѣкарство просебя здѣлавши, самъ я себѣ скажу. Этотъ порошокъ, отъ такой; а эта мазь, отъ другой болѣзни. При семъ еще то вспомню; что послѣ сей горести, и малѣйшее удовольствіе печальному человѣку, выше мѣры пріятно бываетъ. Симъ способомъ душу свою успокоивши, въ добродѣтель терпѣнія облеку. Сіе послушаніе Всемогущему, угоднѣе жертвъ и всесожженія будетъ. Онъ терпѣнія учитель, на

труды

труды мои съ милосердіемъ призритъ. Ты блаженное терпѣніе! Учини меня господиномъ и обладателемъ страстей моихъ; дабы онѣ, не подали мнѣ новаго случая къ печалямъ. Вѣйтѣ около меня, скорбей и печалей жестокія вѣтры. Шумъ вашъ не погубитъ, и не устрашитъ меня. Я нашелъ себѣ такой вертепъ, гдѣ вы меня ни поколебать, ни озлобить не возможете. Сего дня вы шумите и свищите, а завтра повелѣніемъ Всемогущаго Творца, всѣ утихните. Что безпокойной свѣтъ, спокойному духу здѣлаетъ? Ежели я внутри себя спокоенъ, што мнѣ наружное щастье здѣлать можетъ? Терпѣніе; утѣшаетъ меня истиннымъ любленіемъ добродѣтели, великодушіемъ, и доброю совѣстью. Этѣ важнѣйшія пользы, всякую печаль превышаютъ. И то еще статься можетъ; что горесть болѣзней тѣлесныхъ, душевное исцѣленіе производитъ. Мнѣ свое время, гораздо на лутчія вѣщи нежели на суетную печаль употребить можно. Такихъ людей на свѣте премногія тысячи, кои несравненно бѣднее меня. Въ свѣте ничего чрезвычайнаго, и не обыкновеннаго нѣтъ. Всякой человѣкъ свою печаль, и ежедневную заботу имѣетъ. Лутчіе на свѣте люди, худьшее возданіе имѣютъ. Легко статся можетъ; что я гораздо больше того не щастья достоинъ, которое нынѣ терплю. Мнѣ кромѣ не обходимой нужды, никакія излишества не надобны. По што же намъ, не нужнаго желать? Человѣку безъ великаго богатства, гораздо безопаснѣе. безъ высокаго чина, въ сотеро свободнѣе; а безъ великой тягости, несравненно легче, тово: какъ безмѣрное бремя печалей и суетъ, на плечахъ своихъ нести. Мнѣ случилосъ на рыбака смотрѣть, которой сѣти свои многажды закидывалъ; только кромѣ сняткoвъ и мелузги ни одной крупной рыбы не поималъ. Я, на него смотря скучилъ; а ему въ безплодной ловлѣ своей, ни малой скуки не было. Не все вдругъ удается. Человѣку надобно ждать, и смотрѣть времяни. Гдѣбъ мы ни были, и что бы ни дѣлали; только причины бѣдъ нашихъ вездѣ, и всегда съ нами. Для того должно намъ въ оборону отъ нетерпеливости, какъ отъ главы всѣмъ симъ притчинамъ: укрѣпить себя твердымъ намѣреніемъ къ терпѣливому сношенію того, чево перемѣнить не льзя. Какъ бы мы отъ бѣдъ ни бѣгали, только никуды отъ нихъ не уйдемъ: по обьявленію товожъ Горація, въ следующихъ строкахъ. Каковыбъ твои стѣны

крѣпки

крѣпки ни были; только печаль, и сквозь камень пройдетъ. Она проползаетъ въ высокія палаты; разбиваетъ шлемы, и стальныя латы. Не уйдешъ отъ неѣ въ крѣпость, не запрешся и въ башню. Хотя бы ты домъ себѣ на морѣ построилъ; такъ горе да печаль, и тамъ тебя сыщетъ. Горе отъ человѣка ни гдѣ не отстанетъ, хотя бы ты пѣшъ шолъ; верьхомъ, или моремъ ѣхалъ. Мѣшаетъ намъ спать на мягкихъ перинахъ, сыщетъ и въ каютѣ по среди Океана. До тѣхъ поръ за тобою гоняется; пока изъ ума выложишъ всю свою печаль, а горе забудешъ. Положасъ на бога, предайся терьпѣнію. Съ тебя и того бремени довольно, которое сей день и сей часъ носишъ. На што тебѣ печалиться о не извѣстномъ утрѣ? Пускай оно собою, и о своемъ печется; а тебѣ полно будетъ сегоднишной тягости. Перестань мое сердце печалью съѣдаться. Укрѣписъ терьпѣніемъ, веселисъ ты надеждой. Ничего на семъ свѣте совершеннаго нѣтъ. Не погода ли грозитъ, съ бурею жестокой? Терпи, и уповай солнечнаго сіянія.

52.

Всѣ не щастій въ жизни нашей таковы; что человѣка скоро погубляютъ, или надеждою лутчаго времени веселятъ. Предвѣчная божія мудрость, сей твердой якорь душе человѣческой на то даровала; дабы мы въ жестокихъ буряхъ бѣдъ своихъ, онымъ укрѣплялисъ. Надежда, вседневная пища всѣмъ страждущимъ: а отъ жизни нашей, ни чемъ не раздѣльна. Мы въ лотерѣю много денегъ кладемъ съ такою надеждою, что въ сотеро больше тово выиграемъ. Бѣднѣйшей человѣкъ, въ такой надеждѣ горести свои терьпитъ; а вослибо печаль его минувши, въ радость обратится. Иной; для того себя мыслью и мнѣніемъ обманываетъ, чтобъ ему одну надежду чувствовать. Нѣкоторой человѣкъ, просилъ Министра о сумнителъномъ дѣле. Но увидя, что едва ли сему здѣлаться; на конецъ Вельможе сказалъ. Пожалуйте милостивой государь меня только увѣрьте, я и тѣмъ доволенъ буду. Хотя бы надежда подлинно насъ обманула, однако человѣкъ, со всѣмъ тѣмъ еѣ любитъ. Хотябъ она тысячу разъ ему солгала, только человѣкъ обыкновенно говоритъ. Еще надежда есть. Видимъ какъ упованіе въ глазахъ насъ прельщаетъ; но сладкая его надежда. Надежда.

глаза намъ закрываетъ. Она тому притчиною; что бергманъ [рудокопъ] въ глубочайшей ямѣ, а каторжной на цѣпи сидя веселится, и пѣсни поетъ. Якорь ея; премногія тысячи тѣхъ бѣдныхъ людей, между свирѣпейшихъ волнъ трудной жизни толь твердо держитъ: что хотя они волнами и оборачиваются, однако не тонутъ; но безпрестанно спокойнаго дня, и тихой погоды ждутъ. Когда надежда, [чрезъ сей способъ] въ щастіи болѣе мученіемъ; а въ нещастіи, утѣшеніемъ человѣку бываетъ: то для чего намъ сію благую склонность, къ облегченію собственной природы; въ настоящихъ бѣдахъ и въ напастяхъ своихъ не употреблять? Хотябъ мы въ чемъ и обманулисъ; такъ пускай этотъ обманъ, лутче отъ надежды облегчающей бѣдность нашу, нежели отъ того ложнаго мнѣнія, и жаромъ кипящаго мечтанія произойдетъ; которое человѣческія печали, и напасти умножаетъ. Христіянство, въ этомъ случаѣ; вторичную, и всякъ умъ превозходящую пользу намъ приноситъ. Оно человѣческую печаль; не только твердою надеждою, но крѣпко вѣрою, и всегдашнимъ прибѣжищемъ къ щедротѣ Господни; также несумѣннымъ упованіемъ на милость и на всесильную помощъ всемогущаго бога, неизреченно облегчаетъ. Весьма человѣку не пристойно; на малую суету, великую надежду возлагать. Къ этой росписи, вся земная слава принадлежитъ. Кто праведно уповать желаетъ; тому надежду свою не на безсильную тварь, но на Всемощнаго Творца возложить должно. Сія надежда, потому разумнымъ упованіемъ начаться имѣетъ; что она утверждается на природной склонности къ содержанію себя. Кто желаетъ разумно содержатся, тому ненадобно самого себя безумно любить. Ежели иначе поступитъ; то отъ сего худова лѣкарства сердце у человѣка за болитъ, а особливо тогда; какъ онъ якорь надежды своей въ сыпучемъ пескѣ утвердитъ. Въ этомъ намѣреніи, древнія Евреи; надежду и безуміе, однимъ именемъ называли для того: что безумство, отъ суетной и глупой надежды родится, а особливо тогда; какъ человѣкъ отъ мудрости удалѣетъ. На послѣднюю мѣру; терпѣніе наше сильною помощію надежды, пріятную перемѣну получаетъ: а человѣкъ, упованіемъ время выигрываетъ. Сіе всего дражайшее время, производитъ облегченіе въ бѣдахъ и въ злостраданіяхъ нашихъ.

53.

Ежели бремя великихъ печалей человѣку не сносно; то привыканіе къ нимъ, конечно ихъ облегчитъ. За обыкновеніе, всѣмъ страждущимъ въ бѣдахъ и въ напастяхъ ихъ, великая помочъ: а сему привыканію, самая не терпѣливость чаловѣка учитъ. Какъ человѣкъ по долговременномъ самому себѣ сопротивленіи, отъ безпокойства умучится; то не послушаніе такъ ему скучитъ, что онъ отъ жару печалей, какъ воскъ растаетъ: или уже какъ глина отъ огня окрѣпчаетъ. Оба эте состояніи такъ опасны кажутся; что со временемъ въ окаменѣніе; или уже въ отчаяніе обратиться могутъ. Тогдабъ лѣченіе, хуже бълѣзни было. А изъ сего пользованія, человѣческая задеревенѣлость; или уже конечная пагуба произойти можетъ. Я о такомъ обыкновеніи говорю, которое человѣка тому учитъ; дабы по времени и по обстоятельствамъ смотря, разумно поступать. бремя свое по малу, и легкимъ трудомъ до тѣхъ поръ въ движеніе приводить; пока человѣкъ въ состояніе придетъ, сію ношу поднявши, самъ себѣ на плеча положить. Какъ Гишпанскіе Министры, о приключившемся Королю своему Филиппу второму двойномъ не щастьѣ стали сожалѣть: то великодушной Монархъ, симъ жалѣтелямъ отвѣчалъ. Хотя ко мнѣ двѣ бѣды въ гости пришли, только и насъ противъ ихъ, двое. Я, да время. Время, носитъ привычку на плечахъ; а обычай бѣшеную лошадь: уздою да временемъ, къ смиренству приводитъ. Время съ обычаемъ, львовъ усмиряетъ; слоновъ и медьведей, по малу укрощаетъ; камни разбиваетъ, а человѣка тому учитъ? какъ печаль свою забывать, или уже терьпѣливо нести. Какъ душа со временемъ узнаетъ, что прошлая мнимая забава, не прямое сердцу веселье; то мнѣнія своего о бѣдности по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, оченъ много убавитъ: подлинно увидя, что это больше мнимая, нежели прямая печаль. Сіе облегченіе, получаетъ душа отъ обычая. Цицеронъ къ брату своему Квинту пишетъ. Мнѣ это утѣшеніе очень велико; когда наглость злыхъ людей такъ меня укрѣпила, что нынѣ уже то и не очень противно мнѣ кажется; о чемъ бы я прежде сего сильно злобится, или безмѣрною печалью самъ себя мучить могъ. Природа человѣческая понятна, уклончива, и ко всему привыкаетъ. Таже надежда.

Сїя уклончивость съ прїобыкновенїемъ, есть особливой даръ; которымъ милосердое провиденїе божїе, ко многимъ бѣдамъ и горестямъ рожденнаго человѣка, такъ предуготовить хотѣло; что бы онъ къ ношенїю всего привыкнуть могъ. Роскошной, можетъ воздержаться; а пьяница, со временемъ вытрезвится. И такихъ людей не мало, которые въ не щастьѣ да въ убожествѣ ласковѣе, смирнее, и гораздо порядочнѣе, нежели въ благоденствїй своемъ бываютъ. Понтской Царь Митридатъ; особливымъ искуствомъ, къ скорому глотанїю отравы и яда привыкъ. Другїе люди къ тижелой работѣ, а третїе къ суровой ѣстве: со временемъ привыкаютъ. Натура, симъ по малу произходящимъ облегченїемъ; всему роду человѣческому великую пользу приноситъ. Какъ человѣкъ искусившисъ со временемъ увидитъ, что иная печаль ему полезна: или по маловременномъ безпокойствѣ, надежду къ щастью ему оставляетъ: то въ рожденное намъ самолюбїе, прїучитъ человѣка къ ношенїю такихъ бѣдъ, которыя ево не умерщвляютъ. божїя сила и премудрость, повелѣла землѣ; на всякую болѣзнь особливыя травы, и цѣлительныя вѣщи произноситъ. Точно такимъ же способомъ, и всякая печаль; особливое въ себѣ утѣшенїе имѣетъ. Какъ нѣкотораго человѣка воры покрали, то онъ по тужившн печалится престалъ. Сосѣдъ на утѣшенїе къ нему пришедши, въ разговорахъ ему сказалъ. Ежелибъ это не щастье твое надо мною здѣлалосъ, такъ бы я съ горести не зналъ куды дѣваться: а какъ сего утешателя самово обокрали, то онъ разговаривающимъ его отвѣчалъ. Теперь уже и я искусившисъ въ самомъ дѣле вижу; что печали да напасти, всякому человѣку не избѣжны. Этотъ случай, слава богу еще сносенъ! Дай Господи; что бы горше бѣды на меня не пришло! Весь родъ человѣческой, къ бѣдности прикованъ. Одинъ золотою, другой серебреною, а третей желѣзною цѣпью. Станемъ же тому учится; какъ эту всѣмъ не избѣжно общую печаль, Христїянски терпѣть; а о не щастїи своемъ, какъ можно не жаловаться. Потщимся того вожделѣннаго дня терьпѣливно ожидать, которой нечаянно пришедъ, и печальми утѣснѣнныя души наша изъ темницы тѣла сего свободя; въ блаженную свободу, и въ вѣчную радость преселитъ.

54.

Всякъ легко разсудитъ; что сїе о крайнемъ концѣ жизни нашей, тоесть о смерьти говорено. Какъ мнѣ о такомъ важномъ утѣшенїи не упомянуть, которымъ во всѣхъ минувшихъ вѣкахъ бывшїе разумныя люди ободрялисъ: и въ печаляхъ своихъ, сами себя великодушно утѣшали. Мнѣ не до такихъ развращенныхъ людей дѣло, которые отъ малѣйшаго не щастья скучивши: по злобѣ или съ нетерьпѣливости своей, смерьти себѣ съ великою охотою желаютъ; но отъ приходу ея, трясутся и трепещутъ. Этѣ люди, не подлинно умереть: да одну свою волю осполнить желаютъ. буде къ тому надежда есть; то они естественную смерьть, за горшаго себѣ врага для того признаваютъ, что она ихъ всѣхъ роскошей и забавълишить можетъ. Напротивъ того разумныя люди, смерть въ щастье своемъ: за обыкновенное, и по естеству за неизбѣжное дѣло почитаютъ; а въ не щастьѣ, за убѣжище отъ всѣхъ бѣдъ и отъ печалей своихъ, праведно признаваютъ. Дѣти, боятся страшной хари; а дѣсткаго нрава люди, смерьти за тѣмъ пужаются, что не на одно не избѣжное разрѣшенїе души съ тѣломъ, да еще на оставленїе всего прїятнаго въ свѣте, черезъ мѣру торопливыми глазами смотрятъ: а о безконечной жизни будущаго вѣка, никогда не подумаютъ. Въ такомъ мнѣнїи и славнѣйшей Аристотель, смерьть: всего ужаснаго страшнѣйшимъ называетъ. Но сїе представленїе; есть не праведная мысль плотскихъ, и такихъ безумныхъ людей, которые бы по упрямству и по развращенному своенравїю; всю тварь и уставы естества переворотить желали, ежели бы только могли. Этѣ буйственныя головы, хотятъ на семъ свѣте бесконечныя вѣки жить, а того не разсудятъ: чтобъ они сами себя проклинать стали, ежелибъ сей временной жизни конца не было. Мы смотря на умирающихъ, должны за то природѣ своей много благодарить; что одинъ другому мѣсто очищая, отшествїемъ своимъ отъ временной жизни, ко умаленїю той бѣдности много способствуетъ: которая бы въ тысячу мѣръ не сноснѣе была, ежелибъ грѣшнымъ, и отъ природы своей злымъ людямъ; на свѣте безконечныя вѣки жить. Человѣку о смерьти своей, безъ всякой чувствительности разсуждать; и также на неѣ безъ страху смотрѣть не должно, какъ живо- Время и обычай.

тинѣ на тотъ ножъ, которымъ еѣ со временемъ колоть и рѣзать станутъ. Какъ отъ сего вѣстника разставанію души нашей съ тѣломъ; слабой плоти, и боязливой крови человѣческой не испужатся? Намъ, то больше всего помнить должно: какъ разрѣшеніемъ своимъ, всякія вѣщи очищаются; а изъ видимой кончины ихъ, новая и чистѣйшая жизнь происходитъ: такъ власно и духъ нашъ въ то время прямо жить начинаетъ, когда отъ тѣлесной нечистоты смертью разрѣшасъ, совершенно очиститcя. Смерть; прямое исправленіе существу, и всему естеству нашему. Она конецъ той войнѣ, которую умъ нашъ со страстьми: а разумъ, съ чувствами имѣетъ. Смерть, успокоеніе тѣмъ противнымъ движеніямъ; которыя въ человѣке отъ страстей возбуждаются. Они праздникъ, и день покоя всѣмъ печалямъ духа: и попеченія человѣческаго о тѣле своемъ. Смерть, разрѣшеніе того состава; которой изъ бещисленнаго множества малѣйшихъ частицъ, отъ природы сложенъ. Смерть есть разсыпаніе о слабѣвшихъ Элементовъ; [стихій] дабы онѣ другое, и новое тѣло произвесть могли: а душа, какъ божественное и не кончаемое существо; къ безсмертному и превѣчному началу, тоесть къ богу своему, въ духовное отечество возвращается. Ежели дѣтское мнѣніе отъ смерти отнять; то она такое чистое дѣло природы, и не обходимое дѣло естества; которое къ человѣческому исправленію, и ко обновленію цѣлаго свѣта служитъ; а слѣдственно ничево страшнаго, и злова въ себѣ не имѣетъ. Ежели умной человѣкъ, часто о семъ помнить станетъ; то смерть ему утѣхою, и даромъ природы покажется. А безразсудному человѣку, преужаснымъ страшилищемъ себя являетъ. Императоръ Маркъ Аврелій пишетъ. Вспомни, какъ давно ты сихъ разсужденей не имѣлъ; и сколь часто тѣми случаями не пользовался, которые самъ богъ въ руки тебѣ подавалъ? Нынѣ уже время тебѣ о томъ подумать, къ которому ты свѣту принадлежишъ? Еще помяни; что ты отъ того духа произошелъ, которой всѣмъ свѣтомъ владѣетъ. Незабудьже и того, что жизни твоей предѣлъ положенъ. Ежели ты сей жизни на успокоеніе себя употреблять не станешъ, то вѣдай себѣ; что время во мгновеніе ока улѣтитъ. Тебя съ собою унесетъ; а на задъ, во вѣки не возвратится. Частое напоминаніе о смерти, за прямую дорогу къ истинному благополучію для того почитать должно; что оно всякому человѣку сущую о томъ правду сказываетъ, чего, и

какихъ пользъ ему отъ злова, отъ прелестнаго, и отъ суетнаго свѣта сего ждать? Мы ѣто ежедневно видимъ, что на свѣте все одно: и все по прежнему дѣлается. Для сего то намъ видимая суета, не только скоро скучна: но по маломъ времени о мерзѣвши, когда становится. Долго ли мнѣ не здоровыми ѣствами насыщатся? Долголь намъ на одно безумство, и на туже злость непостоянныхъ людей смотреть. Человѣку совершенно скучится, ежели на одну комедію трожды посмотритъ. Это, отъ начала свѣта прямое мнѣніе лутчихъ: и разумнѣйшихъ людей было. Которые изъ нихъ бещастнѣйшіе были, тѣ уже за благовременно радовалисъ, когда только кончину всякой плоти: [смерьть] какъ безопаснѣйшее себѣ убѣжище естественно по чувствовали, или издалече увидѣли. Всѣ мы на свѣте странные, и пришельцы. По что людямъ на скуку, и на печаль маловременнаго странствованія своего смотреть? Путешествующимъ въ карчму пришедъ, или на постоялой дворъ пріѣхавши; надобно тѣмъ довольнымъ быть, что у хозяина сыщется. Мы въ тѣ поры довольны, и совершенно спокойны будемъ; когда домой пріѣдемъ. Человѣку въ маловременной жизни своей, никакой печали близко къ сердцу допускать не надобно: да по примѣру комедіянтовъ поступать надлежитъ. Они свою персону свободно, и безъ всякаго пристрастія представляютъ. Плачутъ а не печалятся. купятъ, и продаютъ; а у самихъ ничево нѣтъ. Повелѣваютъ безъ власти, и безъ любоначалія. Сердятся, безъ гнѣва; а наказываютъ, безъ злобы и безъ мщенія. На конецъ, персону свою вмѣсте съ платьемъ скинувши; безъ всякой печали, и безъ всякой жалобы, весело низполагаютъ. Щасливыбъ мы были, ежелибъ попримѣру странныхъ и пришельцовъ поступая; безъ алчбы, и безъ жажды душе нашей пагубнаго богатства, съ однимъ искреннимъ желаніемъ скораго прибытія въ прямое отечество наше, добродѣтельно продолжали. Свѣтъ сей подобенъ театру, а всякой человѣкъ на семъ театрѣ комедіянтъ: тоесть игрокъ. Тебѣ совѣтую я; лутче смотрителемъ, нежели дѣйствующимъ человѣкомъ [акторомъ] быть. Смѣрть, карты сего свѣта такъ чудно мѣшаетъ: что хлопца подлѣ Короля, а шестерку сверхъ туза кладетъ. Ежелиъ богъ мнѣ опредѣлилъ бѣдну, и бещастну быть: такъ я въ этомъ скучномъ состояніи, до тѣхъ поръ

стану

стану жить, пока Творцу моему угодно явится. буде же частымъ напоминовенiемъ кончины моей, за ранѣе здѣлаю себя мертвымъ; то чрезъ сей душе моей полезной способъ, избавляюсъ всякой печали о скоро-преходящей суетѣ, и о бѣгущей стѣни. Весь видимой нами свѣтъ, ни что иное, какъ всегдашнее погребенiе времяни. Настоящей день и часъ, похороны минувшему дню и часу. быстрое теченiе времяни; меня, жизнь мою, и всѣ мои труды, не чувствительно уноситъ. Есмь, и нѣсмь, Что я видѣлъ, то прошло; а што слышалъ, то былъ сонъ: и самое привидѣнiе. Въ старые годы; была Троя, Карѳагена, Ниневiя, Вавилонъ, Персеполь, да Iерусалимъ: а нынѣ все эте города раззорены. Нѣкогда процвѣталъ Коринфъ, Спарта, и Афины: а теперь, всѣ эте мѣста опустѣли. Древней Римъ давно уже ищезъ, а въ нынѣшнемъ новомъ Римѣ, едва сыщешъ ли то мѣсто, на которомъ Неронова золотая полата, и гдѣ бѣдная хижина убогова Эпиктета стояла. По штожъ мнѣ о свѣтской перемѣне печалится? Ни внутри, ни около насъ; ничево постояннаго нѣтъ. Настоящее упадаетъ въ будущее, какъ въ такую глубочайшую бездну или пучину; которая человѣка со всѣми ево бѣдами, нечаянно пожираетъ. Гдѣ теперь тѣ люди, которые передъ нѣсколько тысячами лѣтъ; велики, и малы; богаты, или убоги; веселы, и печальны; побѣдители, и побѣжденные были? Нѣтъ ихъ! А куды дѣвалисъ? Всѣ померли. Для чевожъ ты смерьть, жестокимъ и страшнымъ дѣломъ почитаешъ? По што о такой бѣдности жалуешся, которую смерьть прекращаетъ? Это не малое къ намъ благодѣянiе божiе; что онъ маловременную жизнь человѣческую, многими болѣзньми и печальми для того наполнилъ: дабы чрезъ сей спасительной способъ, душу и мысль нашу, отъ земли къ небеси обратить. По сему то я, въ темнотѣ жизни нашей; въ этой навозной куче суеты; въ семъ шумѣ премногихъ тысячъ языкахъ людей: въ этой быстрой рѣке, минутами; какъ крыльемъ лѣтящаго времяни и въ непрестанномъ ево движенiи, ничево такого не нахожу, чтобъ почтенiя, или попеченiя моего достойно было. Но о томъ только искренно радуюсъ; что мнѣ въ этой поганой луже, не вѣкъ жить. Ты отъ пеленъ да изъ колыбѣли своей; власно какъ изъ лодки вышедши, во страну живыхъ пришолъ. А какъ въ этой землѣ, о суетѣ и отдѣнности свѣтской много

печа-

печалится сталъ; то протебя ту лодку дѣлать начали, въ которой тебѣ на тотъ свѣтъ ѣхать. Не отягчай же души своей такими вѣщми, о которыхъ ты и самъ не знаешъ; когда, и какъ скоро, принужденъ будешъ ихъ оставить: да о той землѣ больше помни, куда тебя вѣчная дорога ведетъ. Тамъ ты не суету съ тлѣніемъ, но безсмертіе съ превѣчнымъ богомъ найдешъ. Тамъ встрѣтитъ тебя съ небеси сошедшая истинная, и паки на небо взошедшая правда: [Христосъ богъ нашъ] въ которую ты всѣмъ сердцемъ вѣровалъ. А на конецъ, тотъ умы наши превосходящей миръ, съ божественною утѣхою тебя обыметъ; котораго ты въ тлѣнныхъ вещахъ суетнаго свѣта, весьма напрасно искалъ. Сіе тоесть оное божественное житіе, которое тебѣ добрая совѣсть и жизнь твоя, въ чашу спасенія на льетъ; а небесной приставъ, [Ангелъ хранитель] введетъ тебя въ беседу и общество тѣхъ безсмертныхъ и благихъ духовъ: которыя въ безконечной радости, власно какъ въ непрестанно цвѣтущихъ, а никогда не увядающихъ садахъ, на безконечныя вѣки вселятся. Возрадуйся же о томъ, что ты со злою компаніею разлучасъ, въ честнѣйшее собраніе тѣхъ блаженныхъ душъ преселенъ будешъ: которыя на лонѣ Авраамли, по среди многихъ обителей отца небеснаго; въ некончаемой радости, въ любви, и въ вѣчномъ мирѣ пребываютъ.

55.

Хотя бы смерть, конечное разрушеніе всего естества моего была; тобѣ она мнѣ и въ тѣ поры для того полезна быть долженствовала, что меня бездыханнымъ и безчувственнымъ учинитъ. До тѣхъ поръ слышу, что въ тлѣнной храминѣ бреннаго тѣла моего, безсмертная душа съ такимъ высокимъ духомъ живетъ; которому весь свѣтъ малъ, и тѣсенъ. Сей же во мнѣ живущей духъ, на безконечную вѣчность созданъ. Сему не тлѣнному и безсмертному духу, ни какая тлѣнность внутренняго удовольствія принесть не можетъ. Сего божественнаго духа высокое размышленіе, глубокое разсмотрѣніе правды съ притчинами всѣмъ вѣщамъ, различеніе настоящаго, понятіе будущаго; чувствованіе правды, наказаніе съ отверженіемъ лжи и неправды; разумѣніе добра и зла; познаніе бога, и безсмертія; обрѣтеніе умомъ много житія, и вѣчнаго блаженства. Не удовольствіе въ тлѣнныхъ, а наслажденіе со удовольствомъ

Смерть.

безсмер-
тіе души

ствомъ въ не тлѣнныхъ вѣщахъ, воля и склонность къ почитанїю Творца; старанїе о достиженїи совершенства божїя; всѣ этѣ высокїя свойства и доброты живущаго во мнѣ безсмертнаго духа: суть истинныя знаки, слѣды, образы, и подобїи той вѣчности; которую премудрѣйшїй Творецъ, во мнѣ разумныя созданїй къ своему прославленїю; а въ ихъ блаженству, на безконечныя вѣки и роды влїялъ. Я еще нѣчто такое въ себѣ чувствую, чего ни въ какой твари нѣтъ. Всѣ твари движутся чувствами и мечтанїемъ, а меня разумъ и мудрость водитъ. Хотя глаза мои того не видятъ, а уши не слышатъ, что есть правда, или что не правда: что зло, или что добро: Однако такая сила во мнѣ есть, которая сама собою наполнившись, неизмѣримую глубину вѣчности постигаетъ. Сїе высокое понятїе, также конца не имѣетъ; какъ самая вѣчность. Человѣкъ съ природы своей того желаетъ; чтобъ ему щасливо и въ покоѣ живучи, не тлѣннаго искать. Только на семъ свѣте, ничего вѣчнаго не находя; весьма умно и праведно разсуждаетъ, что послѣ сего маловременнаго и суетнова житья: со всѣмъ иной, и столь отмѣнной жизни быть надобно, гдѣ душа наша участницею совершеннаго спокойства быть можетъ. Хотя она совершенства на семъ свѣте усердно ищетъ; только ни гдѣ и никогда ево не найдетъ. Разумная природа, истинное желанїе спокойства и благополучїя, не даромъ въ душу человѣческую влїяла. Сїе тоесть подлинной знакъ врожденнаго душамъ нашимъ усердїя къ богу, и къ вѣчному благу. Моей душе, за тѣмъ вѣчной быть должно; что она вѣчнаго ищетъ, а безсмертнаго желаетъ.

56.

безсмертїе души. Отъ самаго Творца, въ души наши влїянской образъ превѣчнаго божества его: ни прейти, ни истлѣть не можетъ. Я въ себѣ, такую часть сего образа и подобїя божїя ношу; которая меня тогда укрѣпляетъ, когда тѣло мое не только въ болѣзняхъ страждетъ; но и самую смерьть слышитъ. Только сїя крѣпительная въ страданїяхъ сила; не человѣческая, но божїя: не плотская, но духовная; не отъ сего видимаго и временнаго мира, но отъ не видимаго и вѣчнаго свѣта. По сему; душа моя весьма чудными вѣщми

вѣщми укрѣпляется. Она отнюдь не тѣмъ, чемъ тѣло содержится. Отъ пищи и питья, ничего но умножается. Воля человѣческая; ни богатствомъ, ни честью, ни роскошью, ни забавами, совершеннаго себѣ удовольствія не получаетъ; и получить не можетъ. Она успокоивается воздержаніемъ страстей; возвышается отверженіемъ свѣтской суеты; прославляется правдою и мудростію; а справедливостью, умѣренностью, и разумною любовію, совершенно утишается. Когда всѣ эте душевныя свойства съ добродѣтельми вѣчны, и не тлѣнны; то и питающейся ими душе, безсмертной быть должно. Для чегожъ мнѣ о томъ печалиться; что душе моей больше вреда, нежели пользы и всякаго блага приноситъ? Душа моя, къ некончаемой же ни сотворена. За тѣмъ еѣ; печальми о настоящемъ, безъ мѣры отягчать не надобно. Разумному созданію; гораздо лутче, всѣ эте пользы къ своему спокойству употребить: а о потеряніи тлѣнностей, не много печалится. Онѣ; съ моимъ духомъ не равны, и ему отнюдь не свойственны. Умному человѣку, полезнѣе смотрѣть на такихъ людей; которые на сей свѣтъ безъ ума и безъ памяти заглядѣвшисъ, о будущей жизни очень мало думаютъ. Лисимахъ, Птоломей, Иродъ, Тиворій, Неронъ, и Діонисій, за тѣмъ съ великою прискорбностью померли: что отъ блаженной жизни, отъ бога; и отъ человѣческихъ должностей удалилисъ. На противъ того Каланъ, Сократъ, Тераменъ, Іеронъ, Сенека, Фокіонъ, Маркъ Аврелій, и другіе добродѣтельми своими въ древности славные мужи; при самой смерти своей для того радостны и веселы были, что во всю на семъ свѣте жизнь свою: богомъ, да правдою веселилисъ. Они это за благовременно видѣли, что смерьти подлежащему человѣку, и живущему въ немъ безсмертному духу, весьма не пристойно; о тлѣнномъ печалиться, а о скоро преходящемъ плакать. Для того этѣ великіе люди, во всякихъ припадкахъ жизни своей всегда равнодушны; а при смерьти, бодры и великодушны были. Нынѣ, въ такое мѣсто преселилисъ; гдѣ [можетъ быть] маловременное терпѣніе свое, въ безконечной радости все по забыли. И со мною власно тоже будетъ. Душа моя на конецъ; какъ запертая птица изъ темной клѣтки тѣла своего вылѣтевъ, и во отечество чистыхъ духовъ преселясъ: всю не

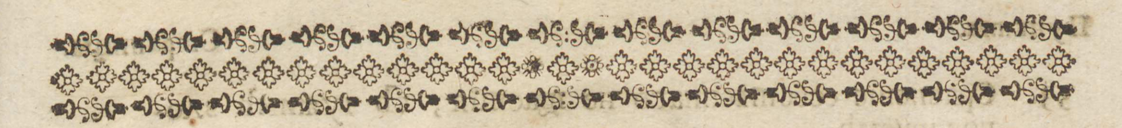
чистоту

чистоту земныхъ печалей и болѣзней за будетъ. Сія блаженная страна, изъ далече меня веселитъ подлинною о томъ извѣстностью: что ни какая болѣзнь, ни печаль, съ воздыханіемъ; до границъ Райскаго селенія достигнуть не можетъ. Какъ я умру, то тѣло мое землѣ предадутъ: а духъ мой, на небо ко Творцу и богу своему возвратится. Въ этомъ святомъ жилище, врагъ меня не утѣснитъ. Другъ меня не оставитъ; убожество не опечалитъ; богатство, въ свирѣпость не приведетъ; честь, не возгордитъ; ругательство, не обезпокоитъ: болѣзнь, не замучитъ; роскошъ, не побѣдитъ; суета, ко грѣху не приведетъ; а ложное мнѣніе съ мечтою, ни когда не ослѣпитъ. Оставайтесъ же всѣ печали назади, а за мною далѣ постели моей не гонитесъ. Сей одръ, самое подобіе гроба моего. Въ этомъ я къ вѣчности опредѣленномъ домѣ моемъ; всѣ болѣзни, печали, бѣды, и напасти свои схоронивъ, а попеченіе о временной жизни, съ платьемъ скинувши; сладко спать стану. Не будитежъ меня; не пресѣкайте сладкаго сна, и драгова покоя моего. Лутче мнѣ васъ житейскія попеченіи за ранѣе оставить, нежели съ вами до тѣхъ поръ таскаться: пока уже смерьть сама человѣку скажетъ. Напрасно ты духъ мой, о суетномъ и тлѣнномъ печалился. Оставляй теперь все; ступайка со мною: пора тебѣ домой. Развѣ мнѣ о томъ попеченіе и трудъ приложить, что бы во всемъ должность разумнаго человѣка исполнить? Отъ сего произойдетъ ближнему моему польза. Мнѣ самому будетъ душевной миръ, и духовная радость: а Творцу моему честь, и слава во вѣки.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВОЙ КНИГѢ.







СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРЬВОЙ КНИГИ.

33.

